THE WEEKLY МАЙ № 22 1991 MAGAZINE
ISSN 0131–0097

ОГОНЁК

НЕИСПОВЕДИМЫ ПУТИ...

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

№ 22 (3332)

УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

25 мая — 1 июня

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в Иерусалиме. (См. в номере материал «Прибытие Патриарха ко Гробу Господню».)
Фото диакона Иоанна СИРОТЫ

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 05.05.91. Подписано к печати 21.05.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 461. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото
Льва ШЕРСТЕННИКОВА

БЫТЬ УСЛЫШАННЫМ

Одним из самых знаменательных событий прошедшей недели стал 1-й Международный конгресс памяти Андрея Дмитриевича Сахарова. Его открытие приурочено к 70-летию со дня рождения человека, имя которого навсегда связано в нашей памяти с борьбой за правду и справедливость.

«Мир, прогресс, права человека» — под таким девизом прошел конгресс. Он собрал в Москву известных парламентариев, политических деятелей, ученых и правозащитников. Он объединил демократически настроенных представителей нашей общественности, привлек внимание всех тех, кто и сегодня продолжает борьбу за свои права.

Не только мировых и отечественных знаменитостей можно было видеть в зале конгресса. На пленарные заседания приходили шахтеры, рабочие, фермеры.

Приехали трое колхозников из Винницкой области, просят, чтобы их пропустили в зал. Зачем? Помявшись, отвечают: «Так ведь Сахаров и за нас бился». Что ответить на это... Организаторы их пропустили, хотя места — наперечет.

Вряд ли кто теперь усомнится, что напрасна была борьба Андрея Сахарова. Пришли в пресс-центр конгресса женщины из Комитета солдатских матерей. Они объявили, что начинают голодовку для того, чтобы был услышан их голос, поднятый в защиту прав солдат, служащих в армии, и тех родителей, сыновья которых погибли в мирное время.

Вспомните голодовку Андрея Дмитриевича. Он сам признавал, что это крайняя мера, может быть, последняя, на которую надеется человек, чтобы быть услышанным. На эту крайнюю меру решились сегодня женщины, желающие одного: не должно быть напрасных жертв, приносимых армейскому «молоху», окутанному тысячью никому не нужных тайн. (Материал об этом «Мертвые и живые» читайте на стр. 30—31.)

Феномен жизни Андрея Сахарова удивителен. Его имя для нас словно бы утратило первоначальный смысл, обозначая определенного человека. Оно обрело новый смысл, означающий духовную чистоту, величие помыслов и абсолютное бесстрашие, когда человек служит Добру и Правде и борется за их конечное торжество.

Мы только начинаем овладевать сахаровским языком и мышлением, и конгресс стал как бы первым, начальным уроком в школе Андрея Дмитриевича Сахарова.

САБОТАЖ

В последнее время в редакцию звонят обескураженные читатели с вопросом: почему нас не подписывают на «Огонек»? Для редакции подобное оказалось не столь уж неожиданным. Вспомним хотя бы борьбу с партийными чиновниками, препятствовавшими его независимости, историю повышения розничной цены, попытки лишить издание типографской базы...

И вот «Союзпечать» сделала жест, ставящий под угрозу доступность «Огонька» широкому читателю. Для начала агентство просто-напросто изменило сроки продления подписки, не поставив об этом в известность ни читателей, ни журналистов. Формулировка была сочинена невразумительная, чтобы не сказать идиотская: «Подписаться на журналы вы можете по 25-е число до начала предподписного месяца». Переведем это на русский язык: желаете получать «Огонек» с апреля — платите за доставку до 25 февраля, то есть за полтора месяца. День опоздания — и денег за журнал у вас уже не возьмут ни за какие деньги.

Месяца два назад читательские звонки стали разнообразнее. Во-первых, многие читатели, чудом подписавшиеся на второй квартал, получили с почты записочки: подписка ваша аннулируется, забирайте назад свои рубли. До объяснений связисты не опустились.

По последним же сведениям, поступившим опять-таки не от Минсвязи, а от читателей, подписка на наш журнал недавно прекращена вовсе. Читательнице Платовой Прасковье Моисеевне, пожелавшей продлить подписку на «Огонек», работники почты Куйбышевского района Москвы сказали: нет подписки и не будет. Ближайшее отделение связи повторило то же самое слово в слово, без малейших разъяснений. На Главпочтамте все ремонтируется, кроме отдела денежных переводов, поэтому Прасковье Моисеевне там просто заявили: «Не подпишетесь вы нигде!»

Прелюбопытные вести пришли в редакцию из-за океана. «Начиная с осени 1989 года я являюсь подписчиком Вашего журнала,— пишет г-н Михайлов из Нью-Йорка.— Из России в США его доставлял Аэрофлот. Начиная с первого января 1991 года Ваш и другие журналы, за которые я заплатил, как всегда, в долларах, перестали приходить. Представитель в Вашингтоне, через которого я подписываюсь, сообщил мне, что причиной недоставки в США «Огонька», «Московских новостей», «Аргументов и фактов» является отказ Аэрофлота переправлять журналы в США, если это не будет оплачено валютой». В Вашингтоне восемьсот читателей «Огонька», заплативших за годовую подписку в долларах, не получили пока ни одного экземпляра издания.

Нам всегда казалось, что обеспечивать доставку подписчикам интересующих их изданий должно соответствующее ведомство. Если, конечно, у этого ведомства в последнее время не появились какие-либо другие интересы и обязанности, не связанные с их основной деятельностью, о которых мы не знаем.

На всякий случай мы поставили в известность о происходящем саботаже руководство Министерства связи СССР. С надеждой ждем результатов.

■

Учение Дарвина утверждает, что мы все произошли от обезьяны. Так вот, спешу вас разочаровать и убедить, что мы, советские люди, а мужчины в особенности, произошли вовсе не от обезьяны, а от мухи. Начну с себя.

Осенью 1990 года, отслужив положенные два года, я вернулся домой. Спустя две недели устроился на работу и вот тут-то и сделал свое открытие. С меня стали высчитывать за бездетность. Этот налог взимается со всего мужского населения в возрасте с 20 до 50 лет.

Вопрос в другом: как мне завести детей, если с 18 до 20 лет я служил в армии? Может, я чего-то не понимаю, так разъясните мне, когда я должен был жениться? До армии, в школе?

Я вот как думаю. После службы в рядах Вооруженных Сил наше любимое государство дает возможность парням, уволенным в запас, отдохнуть в течение трех месяцев. Вот за это время они, наверное, должны и жениться, и детей нарожать. За эти 90 дней хочешь не хочешь, а вынь да положь ребенка. Три месяца, и не более. А так как это сделать практически невозможно, то и приходится платить этот несчастный налог.

Не денег жалко, моральный ущерб тяжкий. Неужели те, кто составлял этот закон, биологию не проходили? Ну а чисто по-человечески они подумать могли? Хотя бы вспомнили, сколько их матерям понадобилось времени, чтобы родить этих умников на свет. Да, действительно власть отшибает все человеческое в людях.

Хочу добавить, что будут нас принимать за мух еще до 1993 года, когда планируется отменить этот позорный налог. Так что спасибо Верховному Совету за то, что он людей считает букашками, и за то, что еще два года мы будем таковыми. И не прав был Максим Горький, когда писал, что человек — это звучит гордо. Это он про иностранцев писал. Для нас же нужно так: «Букашка — это звучит гордо». Количество букв то же самое, но для нас намного понятней.

А. РАСКОВАЛОВ
Белебей

■

Ростовская газета «Комсомолец» 19 февраля этого года опубликовала сообщение о собрании Большого казачьего круга в Новочеркасске. Избранный атаманом округа депутат областного Совета Владимир Лагутов подтвердил свое славянское происхождение. Любопытна культурная программа круга. Она предусматривает, кроме всего прочего, «преобразование политехнического института в Донской технический университет с предоставлением права внеконкурсного поступления лицам, направленным по рекомендациям Союза казаков с ориентацией на создание казачьей интеллигенции». Есть ли в этом необходимость? Казаки считают, что есть. Они пришли к выводу, что интернациональная интеллигенция не способна защитить Азовский бассейн от загрязнения, а кроме того, эта интеллигенция не может обеспечить соблюдение прав человека.

Как видно, атаманы решили взять на вооружение опыт большевиков. Те создавали пролетарскую интеллигенцию для замены прежней, той, которая их не устраивала. А нынешняя интеллигенция, похоже, не способна решить поставленные казаками задачи. Да это и неудивительно, ведь, по признанию новочеркасских казаков, «мировая цивилизация не имеет аналога казачьему свободомыслию и любви к отечеству, выраженных в уникальной демократии и природопользовании».

В. ИНОЗЕМЦЕВ
Новочеркасск

■

Так кто же главный виновник, приведший нашу страну на край пропасти? Им являемся мы сами по причине своей тупости, трусости и терпеливости. Во все времена у всех народов в той или иной форме были распространены представления об абсолютном равенстве людей. Это представления «низов», для которых всякий лучше живущий человек видится паразитом. Таким людям невозможно доказать, что труд должен оплачиваться не по усилиям, а по эффекту и что труд организационный и умственный более эффективен, чем труд исполнительный и физический. Коммунизм есть и всегда был идеологией таких «низов». Но во все времена у всех народов находился достаточный противовес коммунистическим устремлениям. Не нашлось его у нас. Плебей пришел к власти и всех низвел до себя, истребил все «заумное». Да и продолжает это делать.

Виновны же в этом мы, позволяющие себя оболванивать, запугивать и терпеть. И если мы такие, то всегда найдутся ленины, троцкие, сталины и прочие. Была бы шея — хомут найдется. Ленин, Сталин — вожди плебеев. Смешно их осуждать, они делали свое дело и делали его успешно. А позор пусть падет на наши смиренные головы. Или мы поумнеем, осмелеем и восстанем, или так и будем оставаться на обочине человеческой истории.

В. СТРЕЛЕЦКИЙ
Днепропетровск

■

Семьдесят лет назад ежемесячный журнал «Вестник работников искусств» (1921, №№ 10—11, с. 134—135) в разделе «Между прочим» подверг осмеянию эмигрировавшего из РСФСР за границу (в Эстонию) Игоря Северянина — одного из самых популярных и модных поэтов того времени.

Некто Б. пишет: «...денди Игорь Северянин укрылся от гроз революции в Ревель. И воспевает «свободно» и «аполитично»... картофель. Этой продовольственной теме посвящена одна из очередных «поэз» его в белоэстонском листке:

Привет республике эстляндской,
Великой, честной и благой,
Правленья образ шарлатанский
Поправшей твердою ногой.
Приятно сознавать, что хлеба
Нам хватит вплоть до сентября,
Что эстов одарило небо,
Их плодородием даря.
И, как ни хмурься Мефистофель,
Какие козни нам ни строй,
У нас неистощим картофель:
Так здесь налажен жизни строй».

Право же, комментарии и насчет эмиграции, и насчет сельского хозяйства излишни. Я просто приведу еще одну цитату.

«Петроградская правда», 1921, 14 сентября, № 190, с. 2 (раздел «За границей»): «В ревельский порт сейчас прибывает каждый день 10—15 пароходов... ожидается прибытие 30—40 пароходов с продовольствием для голодающих в России».

Л. КОРАБЕЛЬНИКОВА
Москва

■

Бернард Шоу, выступая в 1933 году в американской Академии политических наук, заявил и доказал, что у всех финансистов ущербное мышление: они могут мыслить только категориями денег и не могут — категориями товара. С тех пор финансисты капиталистического мира здорово поумнели, а вот у наших мышление не изменилось ни на йоту.

Сталинский министр финансов Зверев, стремясь увеличить денежные доходы государства, обложил налогом сады, виноградники и ягодники. Результат: по всей стране начали вырубать сады и выкорчевывать виноградники, упало количество товарных фруктов и ягод. Хрущевский министр финансов (кто тогда был — Гарбузов?) обложил налогом скот в личном владении. Результат не замедлил сказаться — резко снизилось производство и соответственно потребление мяса. Павлов в бытность свою министром финансов продемонстрировал ту же ущербность мышления законом о прогрессивном налогообложении. А изъятие крупных денежных купюр, которым он отметил свое восхождение на пост премьер-министра, вообще деяние внеэкономическое. На мой взгляд, оно было предпринято с единственной целью: отвлечь внимание народа от попытки государственного переворота в Литве. И результат его не экономический, а политический— правительство и правящая партия потеряли остатки доверия своих подданных. Просто удивительно, как люди, цепляясь за ускользающую власть, теряют способность предвидеть последствия своих поступков!

Ох, и хлебнем мы лиха с этаким премьером...

В. ОВЕЧКИН
Ташкент

■

Окончилась война, и уговорил меня, двадцатидвухлетнюю, латышский паренек выйти за него замуж и уехать на житье из Свердловской области в Латвию.

Этот первый послевоенный год был для всех голодным. Встретили меня в новой семье душевно. Нет уже на свете свекра со свекровушкой, но до сих пор пишут мне теплые, родственные письма две сестры моего мужа Арнольда.

Меня приняли на работу в школу и никогда, ни разу за четыре года жизни я не почувствовала того, что я чужая, не латышка. А ведь тогда шли аресты латышей.

Наша семья была большая, не всегда ели досыта, но учителя в школе деликатно, под предлогами, которые не могли унизить достоинства, угощали, вернее, подкармливали меня. Директором школы был М. Ломоносов, была учительница Прикулис (ее арестовали и увезли в Сибирь), я забыла уже многие имена, но помню,

как хорошо были воспитаны все дети.

И вот сейчас смотрю телепередачи, читаю журналы и не просто плачу, я рыдаю навзрыд. За что ж мы шельмуем, за что мучаем этот народ, который хочет одного: жить, работать без указки, самому быть хозяином в своем маленьком государстве?

Когда я приехала туда, много слышала рассказов, как они жили до присоединения к СССР. Я видела остатки их благополучия, я не верила, приехав из своей страны, что можно так хорошо жить...

Когда я ехала туда, мой отец наказывал мне: у этих людей свои обычаи, своя религия, своя культура, ты должна с уважением относиться ко всему их национальному. Это совсем нетрудно, это приятно — быть просто человеком.

По обстоятельствам, от меня не зависящим, я уехала оттуда, у меня другая семья, муж, внуки. Но знаю одно: они не против русских. Они хотят быть хозяевами в своем государстве, работать, не унижаться, не бояться. Их великому терпению пришел конец. И помоги им Бог обрести желаемое.

М. КАРПЕНКО
Анапа

■

В «Огоньке» № 10 напечатано письмо В. Знаменской, в котором говорится о семье Генриха Ягоды, его родственниках и отце.

Дело в том, что я — бывший узник Соловков, острова Вайгач и лагерей в Коми АССР. Отбывая свой срок, зимой 1937 года я близко столкнулся с отцом Генриха Ягоды — Григорием Филипповичем, старым, беспомощным человеком, прибывшим спецэтапом из Москвы с чудовищным сроком.

Мы сами, пострадавшие от Генриха Ягоды (я получил 2 срока), отнеслись к старику, его отцу, с большим сочувствием. Он много мне рассказывал о своей судьбе, о происходивших процессах в стране.

Судьба старого Ягоды была трагической... Через неделю его уже не было в живых. Прошло более пятидесяти лет с того времени. Я часто вспоминал его и раздумывал о его судьбе. Думал я и о том, сохранился ли кто из его семьи, чтобы дать им знать о его последних днях жизни. Я знаю, что по сталинской обманной логике сын за отца не отвечает, так же как и отец за сына. Как бы там ни было, а судьба старика запала мне глубоко в душу.

Прочитав письмо В. Знаменской, мне захотелось сообщить ей о месте его гибели и захоронения. Хотя я и просидел в заключении и ссылке 17 лет по милости Генриха Ягоды, но к его отцу и детям я вражды не имею. Все мы жертвы сталинского режима и системы.

К. ГУРСКИЙ
Ялта

■

Сейчас идет дискуссия о приватизации жилья. Хочу высказаться и я, представитель огромной армии бездомных. К ним я отношу всех тех, кто живет в непригодных для жизни условиях: в вагончиках, бараках и домах, предназначенных под снос, но почему-то стоящих в таком виде десятилетиями.

Мне интересно, как эти вагончики, бараки будут приватизировать? Про нас никто и не вякает, как будто мы и не существуем.

Я бы в Закон о жилье внес следующее предложение: предприятия, имеющие жилой фонд, не соответствующий нормам, компенсируют жильцам проживание в нечеловеческих условиях (как — решать депутатам). Было бы правильно, если бы предприятия выплачивали своим рабочим, живущим в вагончиках, бараках, полную стоимость квартиры по составу семьи и по существующим в настоящее время ценам. После этого предприятия не несут никакой ответственности за жилищные условия своих работников, кроме, конечно, моральной.

Получив эти деньги, люди станут строить сами жилье. Ослабнет напряженность в обществе. Не надо забывать, что мы (я имею в виду жителей трущоб) способны на все. Это не раз было доказано.

Ну вот, пожалуй, и все. Запал прошел, пока писал. Боюсь, что депутаты этого не допустят, так как напряженность в обществе нужна, а то кто же будет громить соседа, если все будут богатенькими и со своими домами.

Чуть о себе. Мне 35 лет. 15 лет работаю на химических предприятиях, из них 7 лет на Севере, в г. Нижневартовске. Жилья не имею, кроме вагончика, который сейчас сохнет после очередного затопления. А сколько нас таких?..

А. МАЛКИН
Нижневартовск

■

Мне понадобилось восстановить свидетельство о рождении. Написал в загс того города, где родился, и получил ответ, что архив не сохранился. Посоветовали обратиться в отдел загса по месту жительства.

Пошел я с заявлением. Мне было сказано, что к заявлению нужно приложить следующие документы:

1. Извещение, полученное из загса того города, где родился;

2. Автобиография с подробным указанием данных о заявителе и его близких родственниках (отце, матери, братьях, сестрах, детях);

3. Выписки из лицевого счета и домовой книги с указанием всех совместно проживающих членов семьи и сведения о них (фамилия, имя, отчество, число, месяц рождения, место рождения и степень родства);

4. Копии паспорта, военного билета, трудовой книжки, профсоюзного билета, документа об образовании, свидетельства о браке, о рождении детей, братьев, сестер, а также копия пенсионного удостоверения;

5. Фотокарточки 4 × 6.

Это не все, нужно еще 5 конвертов для запросов, чтобы подтвердить могли правильность представленных документов.

После того, как я сдал все документы, мне сообщили, что результат будет известен через шесть месяцев.

Считаю, что это настоящая бюрократия, которая обходится государству в копеечку. Люди стоят в очередях, возмущаются. Но загс тут ни при чем. Требование такого количества документов исходит из Министерства юстиции СССР.

И. ТРАХТ
Алма-Ата

■

В № 11 журнала «Огонек» я прочитал, что в городе Черноморске учителя бастуют, требуя отмены льгот бывшим работникам партийных органов. Только так, по-революционному, и никак иначе.

Говорят, что отношение к лидеру определяется его политикой, но странным образом: Николай I был жестокий тиран, но на него никто не покушался, хотя он ходил всюду без охраны. А его сына, который отменил крепостное право и провел великие реформы, затравили как зайца и разорвали-таки бомбой.

И учителя из Черноморска, и убийцы царя — демократы, их позиция понятна нам.

Христианство учит бороться с грехом, а не с человеком. Грех заключается в нашей любви к революциям. Ведь всякое эволюционное продвижение вперед предполагает разделение на тех, кто его поддерживает и кто сдерживает. И это не досадная ошибка природы, а мудрый и необходимый механизм. Мы же (обе стороны) не выдерживаем напряжения противостояния. Нам не хватает человечности, чтобы увидеть в противнике человека. Нам не хватает доверия, чтобы с ним сотрудничать.

Каждый администратор знает, что подчиненного нельзя загонять в угол. Человек, которому нечего терять, способен на все. А тут на наших глазах пытаются загнать в угол сплоченную когорту людей, сохраняющих ключевые позиции во всех сферах жизни.

А наша демократическая пресса — рубль экземпляр,— где на каждой странице про Горбачева — и домыслы, и вымыслы, и умыслы... Я думал, что прессу науськивает партаппарат, чтобы спровоцировать Президента. Потом с ужасом понял, что эта пресса отражает духовный, культурный уровень немалого числа наших демократов. Как мало изменился человек со времен крыловской Моськи!..

Что же касается привилегий, то, ей-богу, мы можем себе позволить дать персональные пенсии всем 18 миллионам коммунистов. Пусть попивают кофе и пишут мемуары. Гражданская война обойдется дороже.

И. ОНУФРИЕНКО
Киев

■

Очень веселятся мои друзья, когда я им рассказываю о том, как движется моя очередь на машину в пункте ветеранов при жэке № 1 Тимирязевского района. Когда я посмотрел журнал учета, то увидел в графе, где ставят отметки о получении, немало вот таких записей: «умер» или «умерла». Начинают острить — «отправляясь к праотцам, ты способствуешь продвижению очереди на автомобиль» и т. д.

В пункте ветеранов я узнал, что пока моя очередь 240-я, а в прошлом году получили только одну машину. Если дела обстоят так, зачем затевать эту заботу о ветеранах?

А может быть, вот зачем... Года два назад я получил уведомление, что подошла моя очередь на швейную машинку. Там было сказано: «Ждите вестей из магазина».

Прошло два года, и только спустя это время узнал, что открытка в районную комиссию не поступала. Что мне теперь, вести следствие? Нет времени, да и унизительно это. А кто займется этим? В райисполкоме наши открытки проходят через какую-то комиссию, где работают профессионалы. Где-то там и «затерялась» моя открытка на швейную машинку. Может быть, для этих комиссий и затеяна такая «забота о ветеранах»?

Интересно, какова будет судьба моей «Таврии» через 240 лет?

Нет сомнения, что такова картина в очередях ветеранов по всем жэкам (или как они теперь называются?). Очереди движутся не потому, что получают «дефицит», а за счет этих отметок в графе о получении.

Ю. НИКОЛАЕВ
Москва

■

Многих ученых волнуют вопросы: «В каком обществе мы живем, к какому обществу стремимся: коммунизму, капитализму или социализму с человеческим лицом?»

Так вот, исходя из теоретических высказываний наших руководителей, предлагаю назвать наше будущее общество так: советско-правовой, коммунистическо-регулируемый рынок с социалистическим выбором.

Это и будет наш «особый путь», а куда он приведет — посмотрим.

Г. НАУМЕНКО
Харьков

■

В сентябре 1917 года я, Софья Кауркович (ныне Головач), дочка крестьянина села Побоковичи Могилевской губернии, вышла замуж. У отца тогда было сорок десятин земли и восемь душ детей. Я была в семье четвертым ребенком.

В день свадьбы отец Игнатий Кауркович положил в банк на мой счет сто рублей золотом (в качестве приданого).

А что было потом? Потом был Октябрь. А что есть сейчас? В 90 лет — пенсия в 70 рублей, а до этого в течение многих лет колхозная пенсия в 18, 22, 28 рублей.

Ничего у меня нет: ни дома, ни денег, ни хороших вещей. Живу у своей младшей, но тоже престарелой сестры.

Умные люди сказали мне, что за 73 прошедших с того времени года на моем невостребованном счету должна скопиться довольно крупная сумма. Хватит на похороны и мне, и сестре. Так, может быть, наши руководители, наследники взявших власть в 1917 году, скажут, где получить причитающиеся мне деньги?

С. ГОЛОВАЧ
Гомель

ГЕРОЙ СОЮЗА — ГЕРОЙ РОССИИ?

Итоги апрельского опроса Службы изучения общественного мнения VP (руководитель — профессор Б. А. Грушин)

1. Процедура опроса

Опрос проводился по телефону с 15 по 25 апреля. Из 750 предусмотренных выборкой лидеров общественного мнения, принимающих активное участие в формировании и выражении взглядов населения нашей страны, было опрошено 733.

Важная особенность исследования состояла в том, что в нем, как всегда, выяснялось не личное отношение респондентов к предложенному списку деятелей, а оценка ими преобладающих в обществе мнений на этот счет. Более подробно с процедурой опроса можно ознакомиться в №№ 8 и 12 журнала.

2. Результаты опроса

Ответы на первый вопрос — «Кто именно из названных людей привлек к себе наибольшее внимание населения?» (в процентах к общему числу опрошенных, по мере убывания величин):

1. Ельцин Б. Н.	—30
2. Руцкой А. В.	—20
3. Горбачев М. С .	—17
4. Горячева С. П.	—16
5. Алексий II	—5
6. Исаков В. Б.	—4
7. Полозков И. К.	—1
8. Федоров С. Н.	—1
9. Куркова Б. А.	—0,4
10. Листьев В. Н.	—0,3
Другие ответы	—3
Затруднились ответить	—3
Отказались отвечать	—1

Популярность наших политических деятелей определяется не только их личными качествами и поступками, но и событиями, участниками которых они являются. В минувшем месяце такими событиями были прежде всего внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР, повышение цен и новый всплеск забастовочного движения в стране.

Задуманный его инициаторами как антиельцинский, Съезд народных депутатов России в результате драматической борьбы не только оставил Б. Н. Ельцина на посту Председателя Верховного Совета РСФСР, но даже предоставил ему более широкие, чем ранее, полномочия. Скорее всего именно эти обстоятельства определили первое место Б. Н. Ельцина в опросе. И если данный результат сравнить с февральским, можно увидеть, что популярность среди населения лидера россиян — величина вполне стабильная.

Бывший до апреля в тени А. В. Руцкой, по меткому замечанию одного из респондентов, внезапно «возник» на арене общественно-политической жизни страны «на глазах миллионов телезрителей», смотревших репортажи со Съезда, когда он выступил с заявлением о создании депутатской фракции «Коммунисты за демократию». Эта инициатива, безусловно, повлияла на ход и итоги Съезда.

Третье место М. С. Горбачева можно воспринимать по-разному: и как свидетельство сохранения им ключевой роли в политической жизни страны, и как один из симптомов утраты им политической инициативы.

Ответы на второй вопрос — «Как сказались минувшие события на авторитете Б. Н. Ельцина (А. В. Руцкого, М. С. Горбачева) — он значительно повысился, несколько повысился, не изменился, понизился или значительно понизился?» (в процентах к числу отвечавших на вопрос):

	Б. Н. Ельцин	А. В. Руцкой	М. С. Горбачев
отвечали на вопрос	218	144	125
значительно повысился	19	67	5
несколько повысился	42	27	18
не изменился	22	1	23
понизился	13	2	42
значительно понизился	3	1	11
затруднились ответить	1	2	1

В данном случае следовало бы отметить прежде всего гораздо более высокий, чем в феврале, рост авторитета Б. Н. Ельцина, фиксируемый на этот раз некоторыми его «традиционными оппонентами»: например, 54% народных депутатов Союза считают, что его авторитет повысился, и 37% — что он понизился. Лишь самые «непримиримые противники» Председателя Верховного Совета РСФСР — представители союзной исполнительной власти — по-прежнему верны себе: 44% из их числа (против 26%) утверждают, что авторитет Б. Н. Ельцина у населения понизился.

А. В. Руцкой, уступив в целом по популярности Б. Н. Ельцину, стал тем не менее истинным героем дня. Его поступок, явно способствовавший достижению согласия между основными противоборствующими политическими силами страны — коммунистами и демократами, положительно оценило подавляющее большинство опрошенных.

При оценке динамики авторитета Президента СССР необходимо иметь в виду, что, получив огромную, практически неограниченную власть, М. С. Горбачев тем самым взял на себя ответственность за все происходящее в стране. Поэтому он явно расплачивается теперь своим авторитетом за любые ошибки — как за свои собственные, так и за чужие.

Пресс-служба VP

ЧЕЛОВЕК МЕСЯЦА. АПРЕЛЬ.

Прошедший месяц начался с крупной неприятности — все мы значительно обеднели от повышения цен 2 апреля.

Жить стало сложнее.

Но снова появилась надежда, что мы пойдем к нормальной жизни не самым длинным и тернистым путем. 23 апреля состоялась встреча руководителей девяти союзных республик с Президентом страны. Если бы не мощный подъем демократического движения, если бы не активный протест миллионов граждан против угрозы насилия и попыток переворота в ряде республик страны, если бы не массовые акции в защиту свободы, демократии и гласности по всей стране — такая встреча едва ли могла бы состояться.

Это победа сторонников обновления. Особенно велика в ней заслуга рабочего движения, прежде всего шахтеров.

Но не будем впадать в эйфорию. Намерения, закрепленные в заявлении, должны воплотиться в реальность.

С благодарностью воспринял известие, что читатели «Огонька» назвали меня «человеком месяца». Спасибо моим сторонникам за поддержку.

Б. ЕЛЬЦИН

Итоги апрельского опроса Службы изучения общественного мнения показали, что в нем вновь лидирует Б. Н. Ельцин. Но сегодня мы, нарушая сложившуюся традицию, представляем вам другого лидера, стремительно и неожиданно завоевавшего второе место в рейтинге популярности. Знакомьтесь: коммунист Александр Владимирович РУЦКОЙ.

«ВНИМАНИЕ, РУЦКОЙ!»

Говорят, что когда во время войны в воздух поднимался А. Покрышкин, то немцы предупреждали своих летчиков: «Внимание, Покрышкин!» Похоже, что теперь на полях политических баталий такую же реакцию будет вызывать появление на трибуне Александра Владимировича Руцкого.

Представлять его можно по-разному. Можно как члена ЦК РКП, а можно как члена Президиума Верховного Совета РСФСР, входящего в «команду» Б. Н. Ельцина. Он председатель Комитета по делам инвалидов и ветеранов войны и труда, организатор Конгресса деловых кругов России. Он военный летчик, прошедший Афганистан, Герой Советского Союза, и его же за глаза называют предателем.

Более или менее широко узнали о нем после выступления на внеочередном Съезде народных депутатов России. Сложилась почти патовая ситуация, когда депутатская группа «Коммунисты России» повела ожесточенную борьбу с демократическими силами парламента. Казалось, Съезд зашел в тупик. И тут выступление А. Руцкого с резкой критикой позиции РКП и с заявлением о создании фракции «Коммунисты — за демократию» изменило весь ход Съезда.

— Александр Владимирович, почему вы все же решили заняться политикой? В 1989 году вы проиграли В. Логунову в третьем туре выборов в народные депутаты СССР полпроцента. Спустя год стали народным депутатом РСФСР. А ведь перед вами открывалась блестящая военная карьера: 42 года, выпускник Академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, заместитель командующего ВВС 40-й армии.

— Знаете, когда у меня об этом спрашивают, то я обычно советую выйти на улицу, остановить человек сто и у всех них поинтересоваться, довольны ли они своей жизнью. Сомневаюсь, что она кому-нибудь нравится. Вот потому-то я здесь.

Наша парламентская фракция исходит из необходимости последовательно и ответственно решать проблемы, стоящие перед страной.

— Вы будете создавать партию из своей фракции?

— Скорее всего да. Но это не столько партия, сколько широкое общественное движение, куда могут входить и коммунисты, и вышедшие из КПСС, и беспартийные. Наша задача — поддержать усилия парламента России по преодолению кризиса.

КПСС — это ведь не только партия, которая расстреливала, но и которую расстреливали. В ее рядах много честных и порядочных людей, стоящих на последовательно демократических позициях. Сейчас они в растерянности. Как бы ни были умны, организованны и сильны как руководители М. Горбачев

и Б. Ельцин, они не в состоянии вывести страну из кризиса поодиночке и без поддержки широких масс.

Чтобы сохранить еще работающую систему, стабилизировать ситуацию, мы и поддержали инициативу Б. Н. Ельцина — создать президентскую модель управления российским обществом. Но против нее немедленно выступила РКП. Так кто же на самом деле борется за власть, а кто отстаивает интересы народа?

— Каково ваше мнение о Б. Н. Ельцине? Ведь «человеком апреля» стал все же он.

— Это деловой, активный, достойный и доступный человек. И я не удивлюсь, если он еще не раз станет «человеком месяца», настолько велика популярность. Только что мы разговаривали с ним о проведении в июне Конгресса российских деловых кругов, в работе которого будут участвовать представители концернов, коммерческих банков, торговых бирж, арендаторов, фермеров и так далее. Зачем мне, председателю в общем-то собесовского комитета, это нужно? Давайте посмотрим, может ли быть рынок без организованного процесса приватизации, возрождения предпринимательства, хозяйствования на земле. Конгресс — это та форма, в которой будет участвовать вся общественность. И немаловажен вопрос решения социальных программ. Наша казна пуста, и деньги на социальные программы брать неоткуда. Предприниматели же готовы вкладывать капитал в совершенно конкретные благотворительные программы. Они же люди, а не чудовища, как их пытается представить РКП. Разве они не ездят по таким же разбитым дорогам и грязным городам, разве не видят общую убогость? И им не безразлично, где они живут.

У нас подготовлены 64 социальные программы на сумму 15 миллиардов долларов. Правительство создало льготные условия для предприятий, входящих в этот фонд.

— Вы за департизацию государственных органов, включая армию, милицию и КГБ?

— Можно вспомнить массу случаев, хотя бы такой. У нас в части летчик ошибся при посадке и выкатился за полосу. Грубая профессиональная ошибка. А что происходит потом? Собирается партийное собрание, и ему почему-то выносится выговор с занесением в учетную карточку. Такое партийное влияние, безусловно, должно уйти. Каждый отвечает как специалист за свое дело, а свою партийность проявляет в свободное от работы время. Но сейчас еще не подошло время серьезно говорить о департизации, нельзя рубить сплеча.

— Похоже, что «не рубить сплеча» — это ваше жизненное кредо, и его можно будет выгравировать девизом на щитах вашей фракции. В экономике, в вопросах приватизации вы так же сдержанны?

— Нужно исходить из того, что есть. Сказать, что с завтрашнего дня у нас останется только 20 процентов государственной собственности,— это полная глупость. Сегодня важно определить, где союзная, а где республиканская собственность, затем определиться с муниципальной, коллективной, частной. И спокойно реформировать экономику, не брезгуя советами и помощью западных специалистов.

— Ваша группа — единственная пока коммунистическая организация, выдвинувшая на пост президента России Б. Н. Ельцина. Одним из его конкурентов будет Н. И. Рыжков...

— Я всегда уважал Николая Ивановича за то, что он прошел путь не от юного барабанщика до первого секретаря, а от рабочего до директора крупнейшего объединения. Но зачем он сейчас пытается вернуться в политику, не понимаю. У него было время показать, на что он способен. И он показал. Он проиграл потому, что был слишком мягкотелым. Пусть он меня простит, но нельзя быть такой размазней. Идет заседание Совета Министров, а министры на нем спят. Попробовал бы кто-нибудь заснуть на моем совещании. Это был бы его последний рабочий день в такой должности.

— У вас нормальные рабочие отношения с Борисом Николаевичем, а как они складываются с другим соседом по рейтингу, Михаилом Сергеевичем?

— Личный контакт у меня с ним был лишь однажды, во время награждения в Георгиевском зале Кремля.

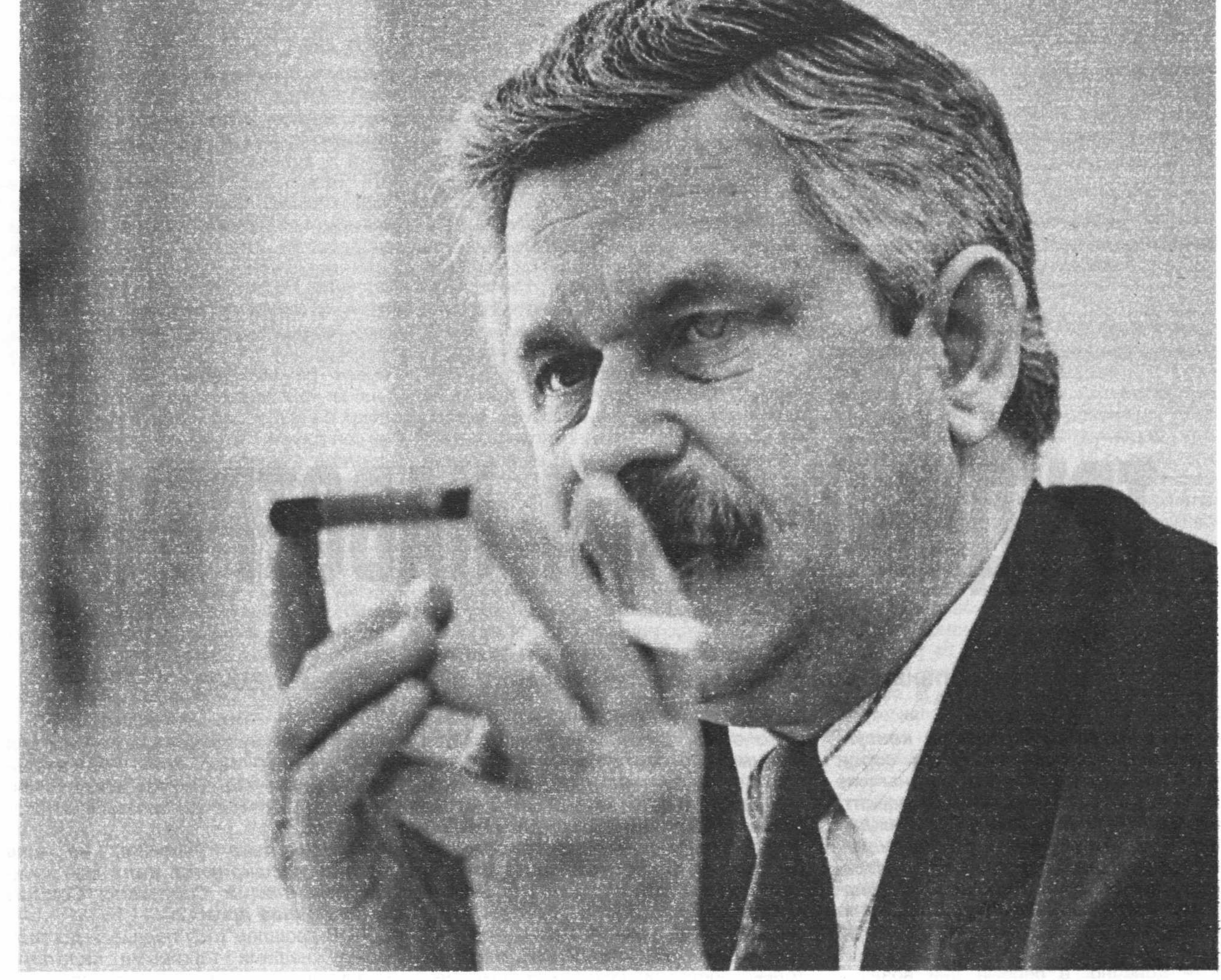

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

— А политические отношения?

— Думаю, что если бы правым удалось добиться его отставки, то это был бы сильный удар по демократии. Хотя я многое в его предложениях не понимаю и не принимаю.

— По-моему, вы выступали против популярной в союзном парламенте и правительстве идеи о чрезвычайном положении в некоторых жизненно важных отраслях?

— Конечно. Ввести эти порядки очень просто: расставить патрули, ввести жандармские, диктаторские меры — и вроде как бы все нормально. Но человек — не скотина. Его нельзя заставлять работать такими мерами. Да и что изменится к лучшему после объявления «чрезвычайки»? Это у нас уже было. Ничем — ни дулом автомата, ни ОТК, ни госприемкой, ни соцсоревнованием — не заставишь человека трудиться хорошо, если он в том не заинтересован экономически. Гораздо сложнее создать условия, стимулирующие его труд. И здесь нам нужно основательно реформировать экономику. А вначале создать математическую модель экономики, которая больше всего подошла бы нам в этот переходный период. Конечно, нет общества с идеальной, рассчитанной заранее экономикой. Но модель, которая бы учла передовой опыт других стран и наложила бы его на наши особенности, просто необходима.

Вот Михаил Сергеевич выступает за единый общеевропейский дом. Прекрасно! Но нас туда не пустят до тех пор, пока будет сохраняться противоборство двух систем — вроде как капиталистической и вроде как социалистической. Не надо изображать, что мы самые уникальные и в пределах нашей страны действуют иные экономические законы. Мы либо будем подчиняться общемировым законам, либо от нас, как от чумного барака, вновь отгородятся. Посмотрите, что с нами случилось за годы закрытости,— полный кризис, отставание от мировых технологий и культуры на десятки лет. А если опять отгородимся?..

— Значит, И. К. Полозков прав: вы выступаете за «возвращение к капитализму».

— Давайте будем откровенны, не в ярлыке и не в названии качество товара, как и общества. Не важно, как называется строй, а важно, как при этом строе живет, трудится, развивается человек. Высшим мерилом любого строя должен быть человек.

Вот взгляните на эти фотографии славного своей историей города Рыльска Курской области, которые мне только что принесли. Посмотрите на этих старух около покосившихся хибар, на их руки. И пусть мне ответят, что это — то светлое будущее, которое им обещали? А наши маленькие деревеньки, мимо которых проходит трубопровод «Дружба» такой ширины, что на нем можно на автомобиле ездить? Газ и нефть рекой идут на Запад, а эти деревушки как появились здесь со времен Ивана Грозного, были без газа, так и остались. Вот вам и облегчение труда крестьянства, вот вам и газификация села.

Что такое капиталистическая эксплуатация, если у них с каждого доллара созданнсй продукции не менее пятидесяти центов идет работнику, а у нас с рубля — семнадцать копеек. Так где же эксплуатация?! Вы мне покажите хоть одного капиталиста, который заработанные деньги сложил бы в мешок и сел на них. Нет таких. Он отдает эти деньги своей стране, своему обществу, потому что он патриот.

— Александр Владимирович, вот вы и показали вашу классовую сущность. Думаю, что ваши коллеги из РКП объяснят перерождение боевого офицера в ревизиониста и ренегата политической незрелостью, популистской сущностью и принадлежностью к политической элите.

— Это я-то член политической элиты?.. Да я, если хотите знать, бомж. У меня нет московской прописки, жил в общежитии, неделю назад поселился в служебную депутатскую квартиру без прописки.

За двадцать пять лет службы в армии я объехал весь Советский Союз по периметру, поменял девять мест службы. И в детстве с отцом, он тоже был военным, пришлось поездить.

Что же касается предательства, то история еще покажет, кто им окажется. Я, когда воевал в Афганистане, однажды был сбит самолетом Ф-16 пакистанских ВВС и попал в плен. Мне предлагали неплохую жизнь в обмен на предательство. Но они этого не дождались. Не дождутся от меня раскаяния и нынешние жрецы канонизированного марксизма-ленинизма. Я не боюсь их, но иногда бывает обидно за своих коллег, депутатов — офицеров и генералов, когда они молча сидят в зале. Точно знаю, что думают-то они иначе, а тут молчат. Потом приходят ко мне и говорят: «Мы поддерживаем тебя»,— проголосовав перед этим против. Вот вам и логика: молчим про одно, говорим другое, а делаем... Руководимые страхом, как бы чего не вышло в плане дальнейших повышений и получения регалий.

— А вы его не испытываете? Ворвались в политику вы слишком стремительно, есть риск сорваться и рухнуть.

— Ничего. Я уже трижды падал, трижды прощался с жизнью, и каждый раз везло. Наверное, крестик, что бабушка надела, спасал. Спасет и еще раз...

Председателем комитета я уже работаю почти год, хотя к работе в нем совершенно не был готов. Здесь идет полная ломка сознания. Когда сюда пришел генерал-майор Г. Гуща, то это был яро убежденный марксист-ленинец, но когда он поработал здесь завсектором, то развернулся на 180 градусов. Любого человека посадить сюда и дать ему почитать то, что мы читаем ежедневно,— с ним произойдет то же самое. Когда разбираешь жалобы, приходящие к нам, то становится не просто обидно за отечество, а берет тихая ненависть: как можно опуститься до такой степени председателям исполкомов, секретарям райкомов, что они не хотят даже видеть, как люди мучаются? А иначе как мучением эту жизнь не назовешь. И кто мучается — ветераны войны, инвалиды! Вы пройдитесь по домам престарелых, по коммуналкам, квартирам и посмотрите, как они живут. Увиденная картина перевернет сознание любого человека.

И так все в этой жизни. У меня воевали дед и отец. Что эти старики видели? Их все время кормили каким-то светлым будущим. И что получили от «социалистического завоевания» — на кладбище могилу?

Ветераны, перед которыми мы должны стоять на коленях, ходят побираются, пишут, что их лишили пайка, что течет крыша, стерся протез, а новый купить негде. Что это такое? Как такое может быть? Не понимаю. Я ведь тоже был верный марксист-ленинец, правда, у меня были командиры, которые научили думать. И когда я стал постоянно читать эти письма, а их уже десятки тысяч за год, то понял, что жизнь моя изменилась. А я — вместе с ней.

КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР

Борис Ельцин, баллотирующийся на пост президента России, назвал своим кандидатом в вице-президенты Александра Руцкого. Общественное мнение страны по итогам апрельского опроса «Огонька» уже недвусмысленно определилось в отношении этих действующих лиц нашей политической действительности. Слово — за избирателями

Мы решили объединить несколько материалов в одной подборке. Впечатления журналиста, посетившего Израиль впервые. Интервью с главным дипломатическим представителем Израиля в Москве и рассказ о паломничестве православного патриарха в Иерусалим. Увиденная с разных точек страна воспринимается объемнее и, главное, не столь отчужденно, как в течение десятилетий вписывалась она во все советские геополитические ведомости. Конечно же, нам нужны хорошие отношения и с арабскими странами, где уважение к Советскому Союзу обоснованно и традиционно. Нужны нам хорошие отношения и с государством, где, как пел Высоцкий, «на четверть бывший наш народ». Сбрасывая со своего зрения старые шоры, мы учимся видеть мир по-новому и по-новому открываемся для мира. Идем в человечество, становимся частью человечества. Ничего у нас не получится, если сойдем с этой дороги.

ТРУДНЫЕ ШАГИ НАВСТРЕЧУ

На вопросы «Огонька» отвечает Генеральный консул Государства Израиль в СССР Арье ЛЕВИН.

— Господин Генеральный консул, известно, что судьба почти сорок пять лет связывает наши страны уже хотя бы в том отношении, что десятки тысяч бывших советских граждан стали и становятся израильтянами. Поток выезжающих из СССР в Израиль евреев, то усиливаясь, то ослабевая, не прекращается. Как война в Персидском заливе повлияла на этот процесс?

— Конечно, в первые дни воздушных налетов сил коалиции на Ирак наметился резкий спад. Очевидно, люди, уже собравшие чемоданы, решили подождать, чем этот конфликт закончится для Израиля. Когда война стала подходить к концу, репатриация стала увеличиваться. Сейчас она составляет примерно 25 тысяч человек в месяц.

— Таким образом, война предоставила передышку тем вашим правительственным структурам, которые занимаются приемом людей?

— Передышку? Война повлекла за собой большие затраты, люди перестали работать, промышленность снизила темпы производства... Нет, тут дело в другом. Еще год-полтора назад в СССР стали распространяться слухи о том, что мы якобы намерены заставить арабов покинуть Западный берег и на этом месте расселить репатриантов из Советского Союза. Я думаю, что это была целенаправленная дезинформация. У нас нет, не было и не может быть намерений выселять арабов. Мы и так способны принять у себя большее количество людей. И люди едут к нам вполне сознательно, зная истинное положение дел в Израиле.

— И все-таки что реально ждет репатрианта из СССР, который пересек границу Израиля и оказался впервые в аэропорту имени Бен-Гуриона?

— Наша страна идет навстречу ему. Это означает, что в первый год правительство предоставляет жилье, помогает освоить язык, выдает денежные ссуды. Израиль делает все для того, чтобы новичок мог за год максимально интегрироваться в новой, непривычной для него системе.

— После войны с Ираком в нашу печать просочились сообщения о том, что репатрианты из СССР занимают те места, где недавно еще работали арабы...

— Арабов не увольняли для того, чтобы предоставить рабочие места для новоприбывших. Однако политическая ситуация за последние месяцы изменилась. Многие арабы бастуют, участвуют в интифаде. Поэтому, естественно, часть их рабочих мест освобождается. Хочу еще раз подчеркнуть: арабов не увольняют специально, чтобы «расчистить место» для советских евреев. Помимо этого, арабы у нас занимаются главным образом строительством, выполняют работу на фабриках. Такой род деятельности не всегда по нраву бывшим советским гражданам и не особенно их привлекает. С другой стороны, мы тоже не в состоянии пока обеспечить для всех работу по специальности, полученной в СССР. Что делать, если среди приезжающих тысячи врачей, преподавателей, инженеров? Нам еще только предстоит создать инфраструктуру, в которой каждый бы нашел дело по душе. А пока иным приходится мыть посуду в пивных.

— В чем лично вам, господин Генеральный консул, видится цель ваших усилий, какие результаты ждете вы от деятельности консульства в СССР?

— Признаться, ждал этого вопроса... Целей несколько. Первая — изменить у советских людей представление об Израиле. Ведь за долгие годы, с тех пор как между нашими странами прервались дипломатические отношения, в СССР был создан образ врага в виде Израиля. Убежден, что во все времена это не соответствовало фактам израильской жизни. Мне всеми силами хотелось бы развеять этот миф. Вторая — добиться восстановления дипломатических отношений на уровне посольств, что, конечно, зависит не только от меня. Отметил бы, что контакты здесь, в Москве, стоили мне порой больших усилий: некоторые руководители не хотели принимать меня, встречаться со мной. Так что проблема нормализации, упорядочения наших отношений остается актуальной по сей день. Уверен, что со временем они придут в норму — в нашем современном мире нельзя жить иллюзиями и предрассудками... И, наконец, третья цель — способствовать репатриации советских евреев в Израиль.

— Судя по вашему хорошему русскому, вы родом из России?

— Не совсем так. Мои родители попали в Израиль с Украины. Дома много говорили по-русски. Отец часто мне рассказывал о своей жизни в СССР, он любил эту страну, хорошо знал ее, изъездив вдоль и поперек. Я же никогда не жил в Советском Союзе и образование получил не здесь. И все-таки, когда впервые ступил на эту землю, испытал сильное чувство: вернулся туда, где жили родители...

У нас в Израиле всегда была популярна русская культура. Корни ее живы. Многие книги переведены на иврит. Наши дети неплохо знакомы с русской классикой. Мы считаем, что социализм осуществился в Израиле. А сейчас между нашими странами наведен настоящий человеческий мост. Думается, вашему обществу не стоит думать, что люди, которые поехали к нам на постоянное место жительства, потеряны для СССР. Более того, этим обстоятельством нужно воспользоваться, особенно когда начинает развиваться сотрудничество.

— Насколько успешно, на ваш взгляд, расширяются контакты между Израилем и Советским Союзом в последнее время?

— В прошлом году подписан договор между нашими торговыми палатами. Возникли довольно большие проекты. Например, о совместном создании авиалайнера Израилем, СССР и США. Ведут разработки наши академии наук. Мы уже покупаем в СССР не только сырье, но и различную продукцию. Есть фирма, которая поставляет сборные жилые дома для Израиля: нам необходимо за короткий срок построить 500 тысяч квартир. Поступило предложение от советской стороны построить в Израиле железную дорогу от Тель-Авива до Красного моря, и, возможно, этот проект тоже будет осуществлен. В наших общих интересах — выращивать сельхозпродукцию в Узбекистане по израильским технологиям — при минимуме потребления воды, капельном орошении и корневой подкормке растений.

Понятно, что сегодня многие страны желают развивать экономическое сотрудничество с СССР. Но у Израиля в этом отношении есть большое преимущество перед другими государствами: у нас знают язык вашей страны, и не только литературный, но и технический; наши специалисты, выходцы из Советского Союза, на собственном опыте знакомы с вашей экономикой. Это сближает, не так ли?

— Стало быть, вы с оптимизмом смотрите в будущее?

— В общем да, но многое зависит от стабильности в вашей стране, от политической ситуации у нас. От положения в мире, которое влияет на наши страны. Главным событием последнего времени была война в Персидском заливе. Мне думается все-таки, что результаты этой войны в целом положительно повлияли на Израиль. Это был еще один урок, серьезное испытание для израильтян. Народ в большинстве своем поддерживал политику правительства, несмотря на то, что были люди, которые выражали иное мнение: «Немедленно включаться в войну и ответить ударом на удар!» Благоразумие взяло верх. Это была война, которая была нам не нужна и на которую мы не пошли. Даже при реальной угрозе. Именно поэтому я рассматриваю результаты конфликта в заливе как положительные для Израиля. Послевоенная ситуация на Ближнем Востоке дает основания для новых надежд на сотрудничество с арабскими странами в рамках качественно иных отношений.

Анатолий ГОЛОВКОВ

Мы, конечно, планета людей. Однако можно ли считать себя человеком в своем доме, если не воспринимаешь чужие горести или радости, как свои?

Мне довелось побывать в Израиле до нападения Ирака на суверенный Кувейт и до того, как в Москве, на Большой Ордынке, взвился флаг у израильского консульства. Сейчас эта страна переживает серьезные трудности. Кончилась война, силы антииракской коалиции одержали победу. Но и шаткий ближневосточный мир кое-кто пытается использовать, чтобы силовым способом, и никак иначе, разрешить палестинский вопрос.

Израиль от нас далек. Но сотни тысяч его населения составляют бывшие советские граждане. Они устремляются на «историческую родину» в нелегкий для нее час... Неужели «биологическая родина» остается к ним безразлична? Неужели наши соотечественники по-прежнему будут насильственно лишаться советского гражданства «в связи с выездом на постоянное место жительства», будучи обреченными на роль пасынков и падчериц «Страны Советов»?

* * *

Я покидал Иерусалим 18-го числа летнего месяца ава 5750 года по еврейскому летосчислению.

Перед этим абсолютно непредставимым раньше полетом на Ближний Восток я снова перечитал твои письма, Лазарь, разыскал фотографии.

Жаль, что не удалось встретиться. Мы бы посидели на прощание вместе с профессором Брановером, рассуждая, например, о том, что в одну реку невозможно ступить дважды, хотя вхождение в нее не проходит бесследно.

Прошло шестнадцать лет с того дня, когда в глубинах московского метро я сказал, что твой отъезд для меня хуже смерти. Ведь в те годы многие расставались так же, понимая, что шанс увидеться вновь ничтожен или равен нулю. Прощались торопливо и настороженно, под присмотром стукачей. Советская граница не просто выпускала — выталкивала, как из тюремных ворот, отторгала, изгоняла, лишая не только гражданства, но будто бы и права на воспоминание о том, что человек некогда родился и жил по эту сторону.

И вот теперь я следовал по пути, проделанному тобой, но это была всего лишь командировка, а не эмиграция. Я приехал с родины перестройки и гласности на родину Бога.

* * *

Над Иерусалимом витала еврейская Суббота, в окнах домов мелькали свечи, когда я решил проехаться по твоему маршруту из письма семьдесят девятого года и тоже увидел, как по обочинам дороги торгуют плетеной мебелью, апельсинами, американскими машинами и плоскими лепешками — питами. И новые районы города, сложенные из белого камня, и религиозный квартал с его обитателями, людьми в черных кафтанах до колен, широкополых черных шляпах, с нестрижеными бородами и завитыми пейсами, как шоколадные сосульки...

«Моя остановка в центре, и оттуда еще 10—15 минут ходьбы до гостиницы, которая встает из-за поворота, как мишень на стрельбище. С двух сторон, сверху донизу, вереница балконов, а окна номеров посередине напоминают по форме лезвия тупых ножей...» Спасибо, все совпало. С одного из этих балконов и я смотрел на Иерусалим.

Ночью из окна номера я видел луну, словно пришитую к небу. Луна освещала крохотную страну, узкую полоску

ДРУГОЙ БЕРЕГ

земли между Средиземным морем и рекой Иордан (чуть больше Ленинградской области). Страну, где живет народу примерно вдвое меньше, чем в Москве,— что-то около четырех миллионов.

Я попытаюсь передать то, что удалось понять про землю Израиля.

На Израиль впервые напали в ту же ночь, когда Бен-Гурион провозгласил независимость. С тех пор израильтяне не расстаются с оружием. О коротких, но кровавых войнах по сей день напоминают оставленные на склонах гор танки. Поэтому и армия здесь — это образ жизни.

С автоматами «узи» разгуливают по улицам парни, девушки, седовласые резервисты. Не выпуская из рук автомата, пьют кофе под зонтиками уличных кафе и пабов, бродят по магазинам, разъезжают в автобусах. Автоматы за спиной не мешают влюбленным целоваться посреди улицы Бен Иегуды, похожей на наш Арбат.

Сначала меня это раздражало. Однако спустя время убедился, что армия для израильтян — неизбежная часть бытия. Не знаю, как уж воспитывают тут детей, но для них предстоящая служба в армии естественна, как и учеба. Конкурс в летное училище (летчики — это армейская элита) выше, чем в наши театральные школы.

Иногда возле учреждений, которые у нас называют военкоматами, плачут забракованные медицинской комиссией мальчики...

Наверно, это было бы полезно знать тем, кто еще только заполняет овировские анкеты: Израиль — страна, которой, возможно, долго придется работать одной рукой, а другой — воевать. Так они и жили с тех пор, когда на карте появилось их государство, и «одной рукой» за сорок с небольшим лет на камнях и песке умудрились достичь удивительных результатов.

Многочисленные партии Израиля боролись друг с другом, одно правительство сменяло другое; евреи увлекались идеями Маркса о «бесклассовом обществе»; влияние социалистов и по сей день велико (киббуцы, наверное, самое удачное воплощение коммунизма на всей планете); левые профсоюзы обладают собственностью на землю. Тем не менее израильтянам есть чем гордиться. Ошеломляет архитектура (причем народ приучают бережно относиться к памятникам культуры всех наций, всех религий и верований). Ну и, конечно, забота о здоровье, открытость и доброжелательность, похоже, здесь нет чужих друг другу людей.

Не странно ли? Все это создано главным образом выходцами из России, позже — Советского Союза.

* * *

Но жизнь непроста. Даже после окончания войны с Саддамом Хусейном терроризм держит страну в напряжении. Любой малыш знает, что не стоит подфутболивать пустую банку из-под кока-колы или поднимать «забытую» кем-то игрушку. Израильские автомашины забрасывают камнями в арабских кварталах. Арабские грузовики, идущие в Иерусалим, тоже под подозрением и по требованию израильских властей оборудованы так, чтобы максимально облегчить их досмотр: решетчатый кузов, голая арматура под сиденьем, обнаженный бензобак...

Ты написал: ***«На Ближнем Востоке больше не веришь в календарь. Где-то в неясном будущем таится очередная катастрофа, новый апокалипсис. Однажды тебя разорвут в клочья острые зубья бомбы или насквозь прошьют пули АК-47... Вот и я складывал тебе это письмо в траншеях и бункерах, осторожно всматриваясь в незнакомую границу, прислушиваясь к русской речи по радио... Я говорил с тобой в пяти километрах от того места, где крестили Иисуса».***

Одного моего знакомого во время очередной израильско-арабской войны перерезало пополам очередью из крупнокалиберного пулемета... Много позже сына моего товарища убили в Афганистане, и мы, прижавшись друг к другу, пили поминальную водку, задыхаясь от горя и злости. Вот и сегодня, собираясь без тебя, мы спрашиваем друг друга: за что обворовали нашу юность, ради чего подставляли под пули наших детей в чужой стране, а несогласных с «генеральной линией» усылали в лагеря, выталкивали за границу?

Слава Богу, ты жив. Об этом сообщил твой отец, сменный электромонтер в отеле «Шератон», где жил я, где когда-то работал ночным портье ты; отец твой, который при помощи специальной антенны смотрит программу «Время» и говорит: «Ну и дела у вас...»

* * *

Там, в Израиле, я вдруг почувствовал, что эти люди вокруг меня не могут быть чужими: и Фаня Штруль, частный экскурсовод на своем мини-автобусе, и Шлема Ривкин, и жена его Лена, и Фима Гамер, и талантливый Лева Меламид, и Леня Рудин, с которым когда-то учились в Риге, и Юра Глаголев, бывший фотокор рижской молодежки, с кем вместе работали... И все эти другие Изи, Бори, Яши, кто учит дома детей говорить по-русски, кто бережет привезенные из Союза тома Гоголя, Пушкина, Куприна, кто совсем по-московски предлагает: «Не взять ли нам парочку «Кеглевича» (сорт израильской водки)?» И те, кто истово привержен Торе или просто сохраняет религиозное приличие и, не слишком часто заглядывая в синагогу, соблюдает Субботу и ест кошерное. Те, кому еще снятся сны о днях «отказа», старенькие родители, которым они шлют из Израиля лекарства, школьные друзья, организующие теперь демократические митинги на наших площадях.

Наверное, поэтому чужбина — это не столько другая страна, иной берег, сколько чужеродное окружение.

Русские олим[1], переселенцы из СССР,— самая мощная алия[2], которая ежегодно пополняет Израиль десятками тысяч приезжих. Они заметно влияют на экономику, политику, культуру. В магазинах мелькают вывески «Говорим по-русски». Ведутся дебаты о русских программах на телевидении. Знаменитая акула западного газетного бизнеса, Максвелл, неспроста рискнул открыть здесь газету на русском языке.

Русские олим немедленно потащили меня показывать, где они работают, как живут, принялись с жаром растолковывать преимущества «израильского образа жизни». Им-то уж было что и с чем сравнивать.

Это главным образом те, кто покинул Союз 10—15 лет назад, то есть в самые гнусные годы. Можно удивляться их незлопамятности.

Понимаю, список этих людей, многие из которых теперь — гордость израильской научной и технической мысли, мог бы получиться длинным. И это уже не наш мозговой потенциал, не наше богатство.

Соломон Флакс, доктор химии, работал в Донецке, заведовал лабораторией в научном институте. Имеет около сорока изобретений. В Израиле начал быстро реализовывать свои идеи по извлечению золота и других ценных металлов из промышленных отходов.

Феликс Кочубиевский из Новосибирска, специалист по электронике и измерительным приборам:

— Я тридцать два года работал в СССР. Из них всего полгода чувствовал, что мои усилия кому-то полезны,— во время командировки в Китай... Такие люди, как я и Флакс, кроме неприятностей, ничего за свои изобретения не имели.

Кочубиевский крепко пострадал за попытку... подружить наши страны. Он один из учредителей «Ассоциации содействия дружбе народов СССР и Израиля», которая в 1979 году была объявлена «сионистским заговором». Автор так называемой «Прозрачной книги», «из содержания которой вытекает *(как написано в приговоре новосибирского облсуда (дело № 1 — 155/82, председатель В. Ф. Хутко),* что в СССР якобы отсутствуют законность, свобода печати и право создания общественных организаций...». За эти интернациональные порывы Кочубиевский был осужден по ст. 190 «прим» УК РСФСР и провел в колонии два с половиной года.

Эти люди теперь — ведущие специалисты фирмы «Сейтек», основанной профессором Г. Брановером специально для бывших советских евреев, чей талант у нас так и не был востребован. Их заработок и положение сегодня бессмысленно сравнивать с жалованьем, которое они получали в СССР.

Мало где за границей встречал я такое горячее стремление помочь нам, как в Израиле.

Взаимная тяга существует. И зиждется она отнюдь не только на финансовой выгоде, но и на симпатиях. Эти ростки надо бы лелеять и беречь.

Ори Бернштейн, президент крупной фирмы «Амкор», договорился в Кыргызстане о совместном выпуске бытовой электротехники. Бывший рижанин, а теперь израильский миллионер и бизнесмен Семен Хлавин (фирма «Хлавин косметик ЛТД») в рамках совместного предприятия «Унион» в Москве собирается выпускать уникальные дезодоранты и кремы. Лаборатория магнитной гидродинамики (Университет Бен-Гуриона в Негеве) развернула научное сотрудничество по совместной разработке и производству новых источников электроэнергии — МГД-генераторов — с московским Институтом высоких температур и Академией наук Латвии. Это лишь несколько примеров.

Десятилетия ближневосточной «дипломатии на одну ногу», игнорирование Государства Израиль ничего хорошего нашему народу не принесли. Мы добились, конечно, выдающихся результатов по насыщению арабских стран советским оружием. И это оружие успешно убивало наших же бывших граждан, ставших израильтянами, а также их детей. Мы вооружали Саддама Хусейна...

* * *

В Израиле я видел разных евреев. Встречался с теми, кто быстро осознал здесь свое еврейство, избавился от советской привычки оглядываться на пороге синагоги, помнит русский, но предпочитает общаться на иврите. И с теми, кто, переехав сюда, живет случайными заработками, почти бездомен. И с евреями, принявшими христианство. И с теми, кто живет в особняках стоимостью в полмиллиона долларов, «делая погоду» в бизнесе. И с теми, кто считает льготы для новых олим «чрезмерными», они неделями живут в палаточных городках, прямо напротив Кнессета, в ожидании репортеров, имея подчас вполне приличные квартиры.

Но о Германе Брановере придется сказать особо.

Дом Германа — в поселке Омер, неподалеку от Беэр-Шевы. Его жена Фаина, детский врач, лечит маленьких бедуинов. В доме круглосуточно работают телефакс и автоответчик, потому что Фаине надоело ежесекундно бегать к телефону. Герману звонят со всего мира.

Если его офис в университете не отвечает, он может находиться в другом кабинете — на фирме «Сейтек». Или в руководимом им издательстве «Шамир». Впрочем, ему можно позвонить прямо в автомобиль, если он в это время перемещается из одного города в другой.

Но все это внешние детали. Брановер — крупнейший специалист в области магнитной гидродинамики, разработчик нового источника электроэнергии — МГД-генератора на жидкостях низких температур. И еще — издатель, философ, переводчик Торы на русский язык, верующий еврей, активист хасидского движения Хабад.

Свою книгу, написанную еще в Риге и изданную в Израиле, где она вышла задолго до приезда автора, Герман назвал «Из глубин». Он писал:

«Вера рождается в душе человека спонтанно. У каждого человека бывают в жизни мгновения, когда он ощущает присутствие Творца, Его власть над собой и непроизвольно молится Ему, но для того, чтобы вера была прочной, постоянной, осознанной, надо освободить душу от оков предвзятости, насилия, общественного мнения, самообмана».

Брановер шел к Богу, возвращаясь к себе, преодолевая рационализм технократа (он был воинствующим атеистом!), сквозь полтора десятка лет «отказа», через аресты, коридоры ОВИРа и КГБ, отчаяние и череду новых надежд, от которых снова и снова оставались руины. Вера помогла ему проложить мысленную тропу на родину предков, а терпение и упорство сделали мечту реальностью.

Израильтянин Герман Брановер принадлежит к тому поколению моих соотечественников, которые, пройдя через годы лжи, насилия и унижений, теперь мучительно ищут «дорогу к Храму». Он рассказывал, что блуждал в потемках до тех пор, пока не обрел духовного наставника, которого хасиды называют Любавичский Ребе, проницательного и умного священника. Он живет в Нью-Йорке и полностью посвятил себя служению людям. Брановер пошел по его пути.

Дело тут не в иудаизме и не в хасидизме. Дело в могучей животворящей формуле: Учитель — Ученик. Не так уж и важно, приверженец какой именно веры занят поисками чистого родника, завещанного предками,— в нашей ли России, из памяти которой так и не вытравили Нагорную проповедь, в Америке ли, стране всех религий, или в Израиле, куда съезжаются евреи со всего света, чтобы снова почувствовать себя народом.

[1] Олим — люди, которые переехали в Израиль недавно.

[2] Алия — в переводе с иврита — восхождение, совокупность репатриантов.

* * *

В Тель-Авиве и Хайфе невероятная жарища; воздух горяч и влажен, как в русской парной, его можно потрогать руками. По набережной в шортах разгуливают бывшие москвичи, ленинградцы, киевляне, угощаются мороженым, пивом или кока-колой, обмениваются новостями, травят анекдоты, строят планы на отпуск — зимой в Израиле сезон дождей. Из-за того, что то и дело слышишь русскую речь, картина кажется какой-то ирреальной, фантастической.

Жизнь израильтян кажется беспроблемной до тех пор, пока не вглядишься в каждую конкретную судьбу. Впрочем, здесь, пожалуй, достаточно комфортно многим. Кроме тех, чьим смыслом жизни в Союзе было творчество на русском языке.

И тогда память вновь возвращала меня к тем временам, когда ты, Лаз, начал писать стихи. В них каждое слово вибрировало, как струна: мы завидовали тебе и были убеждены, что ты родился со своей неповторимой интонацией.

Между тем газеты вежливо и под разными предлогами отказывали тебе в работе.

«У меня здесь нет будущего, разве не ясно...» — говорил ты. И будто ожидал ответа от нас, будто искал опору тому решению, с которым уже мысленно смирился. Ну, а мы-то, осененные надеждой на далекое литературное плавание, молчали.

Спустя годы из Иерусалима пробивались в Москву — всякий раз в надорванных, измятых конвертах — твои строки:

У пустыни нет сердцевины,
и пустыня как жизнь пуста.
Обгоревшее солнце стынет
в голубой скорлупе песка.
Мы живем при попытке к бегству...

«Не обижайся и рассуди: Россия — это твоя страна, а я странник. Под омертвевшей, очерствевшей кожей все еще бьется прежнее сердце — бьется, пока не разобьется... Мы убегаем от необходимости выбора, не осознавая, что бегство — это тоже выбор. Повзросление и творчество — единственный выход из моей камеры-одиночки, где я уже отбыл долгий срок».

Не берусь судить и теперь, мог ли ты выбирать: между чем и чем?

* * *

В Москве сегодня человеческие лица угрюмы; хмурые очереди под разноцветными зонтиками маячат у консульства; на лицах — та самая настороженность, по которой немедленно распознают наше происхождение за границей. Уезжают врачи, философы, поэты, музыканты, инженеры, ученые, которые еще ничего про твою «камеру-одиночку» не слыхивали. Люди из очереди уже перестали интересоваться подробностями нашего перехода к рынку. Они не посещают митингов, не интересуются неформальной прессой на Пушкинской площади, не ругают Президента и ничего не ждут, кроме разрешения на выезд.

Уезжают они нынче не из зловонного брежневского болота. Но кто возьмет на себя смелость выйти навстречу этим очередям, крикнуть людям: «Погодите, остановитесь!.. Мы отменим пятую графу. Мы вытащим из архивов ваши запылившиеся научные труды, объявив ревизию всех ваших авторских свидетельств на изобретения. Мы попросим КГБ защитить вас от погромов. Ни один из вас никогда больше не найдет в своем почтовом ящике листовок с грязными ругательствами. Мы заведем уголовные дела на тех, кто поджигает двери ваших квартир или рисует на них рядом со свастикой звезду Давида!..»

Скажите все это людям из очередей. А они в ответ молча протянут вам номер «Молодой гвардии», где поэт-фронтовик Валентин Сорокин цитирует собственное выступление на митинге в Останкине: «Читайте, изучайте, разоблачайте антирусскую, сионистскую печать, гранитных властолюбивцев-христопродавцев, рассказывайте ее расистскую суть..., готовьте россиян к борьбе!.. Тайное удушение России продолжают планетарные негодяи!.. Мы уже — беземельные палестинцы!..» И спрашивает сам себя: «Что же «фашистского» в моем выступлении?»

Лично я испытываю из-за этого жгучий стыд, но ведь историю не поправишь и горестных страниц из нее не вычеркнешь. И вот о чем думается мне. Отдельных людей можно судить за скверные поступки, можно отправить в отставку целое правительство, если оно того заслуживает. Но как и чем оправдается наша великая нация потом, когда возродится страна, исчезнет глухая злоба водочных, табачных, хлебных очередей и всего будет вдосталь: еды, и одежды, и лакированных лимузинов, и жилья,— что скажем мы потом друг другу, когда в отчетах переписи населения соотечественники наши, евреи, перейдут в графу «прочие»? И не только евреи — поволжские немцы, крымские татары, турки-месхетинцы... Вот тогда, на фоне жизни обеспеченной и сытой, когда утихнет смута, возможно, придет иное осмысление жизни и конечности ее, время переоценки ценностей и понимание единственной истины: все люди Земли — братья.

* * *

Вот что я хотел сказать тебе, Лаз, когда увидел Израиль.

Сквозь нас текла река времени по имени Иерусалим. И пространство ощущалось многомерным, но совсем не пугающим, какой бывает черная пустота равнин.

Оставалась только ночь, чтобы наутро еще раз открылось тепло камней великого города; и масляничные деревья Гефсиманского сада под русской православной церковью, и золотой купол мусульманской мечети, и строгий мрамор синагоги, и кресты католических соборов и арабские кварталы на Голгофе, куда шел Иисус, подгоняемый римской стражею, чтобы искупить за нас грехи наши — и за меня, и за тебя, Лазарь, и за Германа Брановера, и даже за антисемита Сорокина...

Вечность была разлита вокруг; внимательный взгляд отметил бы даже негромкое свечение домов и храмов, словно и вправду над городом витали души всех умерших за долгие тысячелетия. Может быть, в мощной энергии, которую создавали здесь эти души, и заключена притягательность Иерусалима, его магнетизм, привлекающий сюда паломников со всего света.

Так я ступал за тобой по песку и камням Израиля, где нет спасения от жестокого зноя, когда хочется хоть на минуту оказаться в грибном лесу под Москвой. А тут пот заливает лицо и глаза: заплачешь — никто не заметит.

Иерусалим — Москва.

ПРИБЫТИЕ ПАТРИАРХА КО ГРОБУ ГОСПОДНЮ

Совершенно непонятно, как могли люди эту землю назвать землей Обетованной, землей желаний, землей счастья. Каменистые взгорья, в лучшем случае заросшие кустарником, нехватка пресной воды, пересыхающие уже в марте русла потоков, выгорающая уже весной зелень... Полупустыня. Святая земля. Не люди сделали ее святой, не они назвали ее Обетованной. В те давние века, которые от рубежа нашей эры отстоят не менее далеко, чем наши дни, Бог взял Израиль, привыкший к своему рабству в египетских землях, протащил его, упиравшегося, через пустыню, перевел через Иордан и сказал: «Вот твоя земля; ты получил ее в дар от Меня и будешь владеть ею, если будешь верен Мне; на этой земле ищи Меня, и Я буду открываться тебе. Эта земля — Святая».

А затем на этой земле «Слово стало плотью»; Творец и Искупитель неузнанным прошел среди Своего народа... И теперь «от концов Вселенной» едут и едут сюда «иноплеменники», чтобы поклониться тем святыням, мимо которых равнодушно проходят израильтяне.

В предпасхальные дни в Иерусалим ко Гробу Господню прибыл Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, спустя девять месяцев после своего избрания впервые выехавший за рубеж. Почему именно в Иерусалим? В Патриаршем послании, посвященном этой поездке, об этом говорится так: «Наша Русская Церковь только сошла со своей исторической Голгофы. Семьдесят лет поруганий, унижений, гонений и мук — вот та "Via Dolorosa", тот "путь скорби", который пришлось пройти нам. И не можем мы не чувствовать, что во мгле грядущих исторических дорог нам может быть уготована еще одна Голгофа... Особый крест ложится на Патриарха. Особо тяжек он во дни всенародных испытаний. Где же взять мне силы, чтобы, не отступая от Божией Правды, давать каждому то, что требуется и для его духовной пользы и для пользы Отечества?.. Потому и почел я необходимым в поисках духовного укрепления прежде всего поклониться от нашей Российской Голгофы Голгофе Господней».

Трудно пересказать радость от прикосновения к Святой земле. Главное открытие — как бы это сказать, никого не обидев? — эта земля — наша! Она не чужая. И от нее (особенно от Иорданской пустыни, давнего места отшельнических подвигов) исходит ощущение, которое присутствует в древних храмах: ощущение «намоленности». Да вся Палестина и есть единый храм, где куполом — само небо. Это ощущение всеприсутствующей священности связано и с повсеместным употреблением надписей на иврите. Хотя нам, привыкшим видеть иврит лишь в священных Текстах Писания, бывает нежданно-неприятно видеть слово «мусор», выведенное священными буквами.

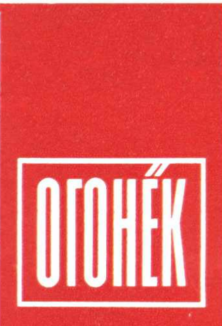
Для верующего паломника эта земля открывается и еще одним удивительным своим свойством: на ней не чувствуется истории. Да, ось мировой истории прошла через Палестину (и в центре храма Гроба Господня стоит камень, символизирующий центр Земли). Но история здесь не темна, не далека и в этом смысле не глубока. Камень, храм, руины, будь они X века до Рождества Христова, времен Понтия Пилата или VII века по рождении Богочеловека, говорят нам не о том, как далеко за толщей времен скрылись люди и события тех лет, а о том, как близок Господь к людям — и «во дни оны», и ныне. Для верующего человека в Палестине география заслоняет собой хронографию. Не-археолог, ступив на эту землю, слушает не столько биение времен, сколько стук своего сердца, в котором всплывают, обретая зримые очертания, слова, с детства притягивавшие своей необычностью. Иордан, Гефсимания, Сион, Вифлеем, Иерихон. И это все — сейчас. И те, с чьими именами связаны в нашей памяти эти места, живут. Ибо у Бога нет мертвых. И в Евангелии, если Христос кого-то окликает по имени, значит, этот человек обретет свободу от смерти. «Лазаре, гряди вон!» — и гробница Лазаря, в которую надо спускаться по пещерной лесенке и протискиваться в узкое отверстие, пуста. Но не обратился Иисус по имени к Пилату. К Иуде. К Каиафе... И они остались лишь принадлежащими истории, они остались в мертвой воде прошлого. А святые — всегда наши современники.

Патриарх приехал в Иерусалим не только для того, чтобы поклониться святыням. Для того чтобы паломничество христиан из России в Израиль вновь смогло стать массовым и регулярным, Патриарх вел с руководителями Израильского государства переговоры, касающиеся судьбы бывшего церковного имущества в Палестине. Вторая горькая проблема, встававшая в ходе этих встреч, конечно, антисемитизм... Недаром среди мест, посещенных Патриархом, был и мемориал Яд-Вашем, хранящий память о евреях — жертвах нацистских репрессий.

О России в Палестине приходится вспоминать часто. Не только потому, что часто видишь следы присутствия Русской Духовной Миссии. Но еще чаще слышишь на улицах Иерусалима русскую речь. Заблудиться нашему соотечественнику в Иерусалиме трудно, достаточно громко спросить на улице: кто здесь говорит по-русски — и несколько человек сразу откликнутся. И многие скажут потом, что продолжают считать своей родиной Россию. Но есть и иное... Пусты русские православные храмы в Иерусалиме, хотя среди уезжающих в Израиль из нашей страны есть немало евреев — православных христиан. На иммигрантов, как можно судить по многим рассказам, оказывается давление, чтобы склонить их к принятию иудаизма. Попробуй противопоставить свою веру государственной религии — и сразу возникнут сложности с изучением языка, с обретением работы и жилища и многим, многим иным. Вот и приходят к нашим священникам заплаканные люди со словами: «Батюшка, я больше не могу...» Об этом тоже надо предупреждать людей, желающих переселиться на свою прародину.

И все же Палестина — действительно наша родина, наш духовный исток. Припасть к нему хотя бы однажды в жизни — это радость огромная. Пасхальная.

Диакон Андрей КУРАЕВ.
Фото диакона Ивана СИРОТЫ.
Издательский отдел Московского Патриархата.

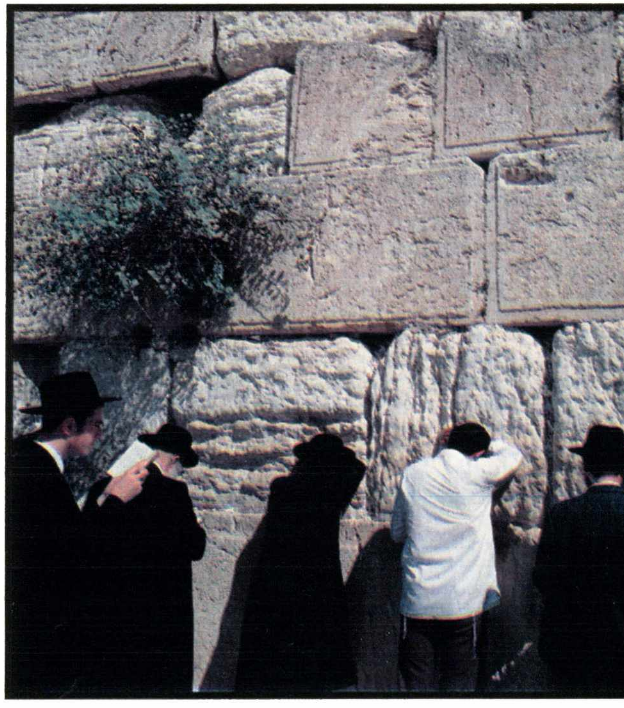

■ *Иерусалим.*

■ *У ворот Святого Стефана.*

■ *Встреча патриарха Алексия II у Яффских ворот.*

■ *В Горненском женском монастыре в Иерусалиме.*

■ *У Стены плача.*

■ Крестный ход на день праздника Входа Господня в Иерусалим (Вербное воскресенье).

■ Чтение Евангелия у гробницы, где произошло воскрешение Лазаря.

■ Патриарх Алексий II в Старом городе.

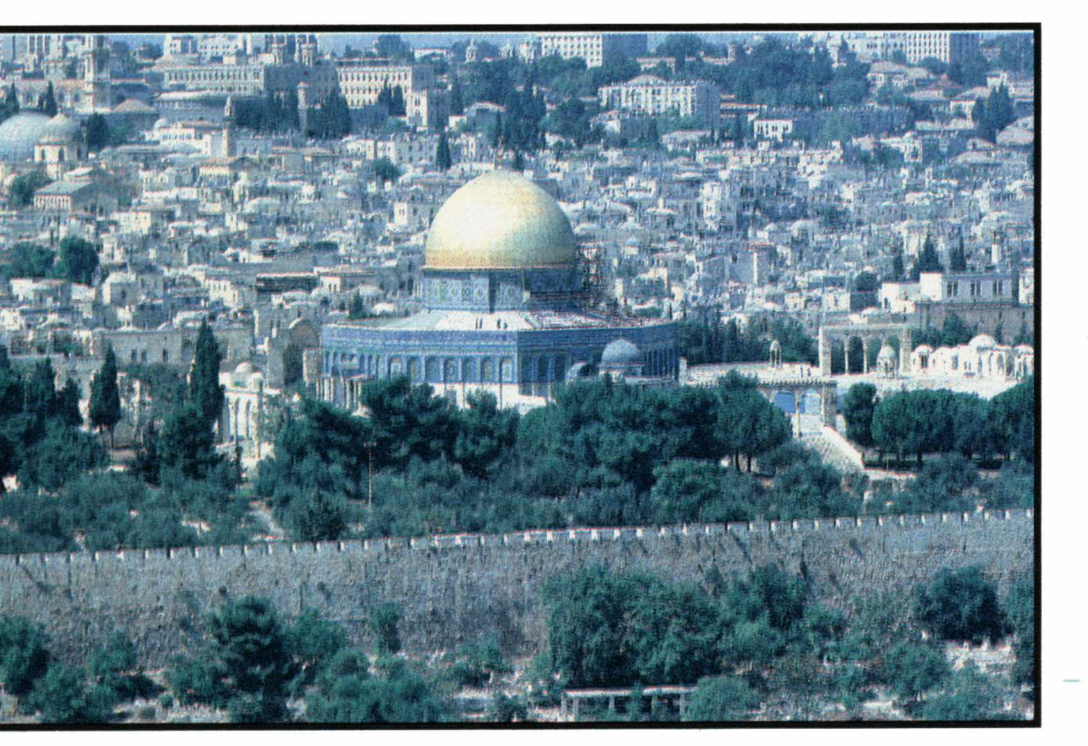

■ *Вид на Старый город.*

■ *Молитва о России на Голгофе.*

■ *Вифлеемская звезда на месте Рождества Иисуса Христа.*

Зинаида ГИППИУС

«ОНА НЕ ПОГИБНЕТ, РОССИЯ»

Имя Зинаиды Николаевны Гиппиус (1869—1945) биографически и духовно соединено с именем ее мужа Дмитрия Сергеевича Мережковского (1866—1941). В литературно-общественной, религиозно-философской, художественной жизни России на рубеже веков и в начале нынешнего столетия, в движении русского символизма, в культуре русского зарубежья — на протяжении нескольких десятилетий — развертывается интенсивная и многообразная творческая деятельность этих широко образованных, остро мыслящих, подвижнически неутомимых писателей-проповедников.

Будучи в области социально-политической беспартийными литераторами либерально-демократической и христианской ориентации, Мережковский и Гиппиус не принимали революционаристской, как мы бы сказали, тоталитаристской установки на насильственную кровавую диктатуру. Такая позиция сложилась у них очень рано, и рано поняли они, что именно это страшное будущее реально угрожает России.

И если Февральскую революцию 1917 года Мережковский и Гиппиус встретили с искренней радостью, то революцию Октябрьскую, как и последующие события, включая разгон Учредительного собрания, Брестский мир и красный террор, они без колебаний отвергли. С декабря 1919 года начинается для них жизнь в изгнании, в эмиграции, которую они понимали как миссию «свидетельствовать о правде, кричать о ней».

«Последние стихи» Гиппиус — одно из таких первых свидетельств, но созданное, произнесенное еще на Родине, в России, израненной четырехлетней войной, разрухой, революцией.

«Последние стихи» дают особую возможность услышать индивидуальный голос Зинаиды Гиппиус, голос поэта, отличимый даже в стихотворной симфонии «серебряного века», «голос из хора», выделяющийся сочетанием четкости и лиризма. Голос хрупкий, но твердый, как будто бы несильный, но бесстрашный, словно птица, грудью встречающая опасность. И оттого впечатляющий слиянием беззащитности, «слабости» с мужеством — мужеством открытости. Голос напряженный, обостренный драматизмом, величием и ужасом момента. «Всеми гневами звенящих строк» звучат «Последние стихи» — словно именно последние, в последний миг произнесенные.

«Все слова — как ненависти жала, // Все слова — как колющая сталь!» — сказал Блок о «Последних стихах», вызвавших у него неожиданный жест: «Ядом напоенного кинжала// Лезвее целую, глядя в даль...»

«Последние стихи» — это еще и нежность, и жалость, и надежда, и протест против войны и насилия, книга, созданная роковым временем (1913, август 1914 — апрель 1918). Песнь горестной любви к России...

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ.

«ПЕТРОГРАД»

Кто посягнул на детище Петрово?
Кто совершенное деянье рук
Смел оскорбить, отняв хотя
бы слово,
Смел изменить хотя б единый
звук?

Не мы, не мы... Растерянная
челядь,
Что, властвуя, сама боится нас!
Все мечутся, да чьи-то ризы
делят,
И все дрожат за свой последний
час.

Изменникам измены не позорны.
Придет отмщению своя пора...
Но стыдно тем, кто, весело-
покорны,
С предателями предали Петра.

Чему бездарное в вас сердце
радо?
Славянщине убогой? Иль тому,
Что к «Петрограду» рифм гулящих
стадо
Крикливо льнет, как будто
к своему?
Но близок день — и возгремят
перуны...
На помощь, Медный Вождь, скорей,
скорей!
Восстанет он, все тот же,
бледный, юный,
Все тот же — в ризе девственных
ночей,

Во влажном визге ветреных
раздолий
И в белоперистости вешних
пург,—
Созданье революционной воли —
Прекрасно-страшный Петербург!
14 дек. 14.

ТЛИ

Припав к моему изголовью,
ворчит, будто выстрелы, тишина;
запекшейся черною кровью
ночная дыра полна.

Мысли капают, капают скупо,
нет никаких людей...
Но не страшно... И только скука,
что кругом — все рыла тлей.

Тли по мартовским алым зорям
прошли в гвоздевых сапогах.
Душа на ключе, на тяжком запоре,
отврат... тошнота... но не страх.
28—29 октября 17.
Ночью.

ВЕСЕЛЬЕ

Блевотина войны — октябрьское
веселье!
От этого зловонного вина
Как было омерзительно твое
похмелье,
О бедная, о грешная страна!

Какому дьяволу, какому псу
в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном,
Народ, безумствуя, убил свою
свободу,
И даже не убил — засек кнутом?

Смеются дьяволы и псы над рабьей
свалкой,
Смеются пушки, разевая рты...
И скоро в старый хлев ты будешь
загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь!
29 окт. 17.

СЕЙЧАС

Как скользки улицы отвратные,
Какая стыдь!
Как в эти дни невероятные
Позорно жить!

Лежим, заплеваны и связаны
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.

Столпы, радетели, водители
Давно в бегах.
И только вьются согласители
В своих Це-ках.

Мы стали псами подзаборными,
Не уползти!
Уж разобрал руками черными
Викжель — пути...
9 ноября 17.

У.С.

Наших дедов мечта невозможная,
Наших героев жертва острожная,
Наша молитва устами несмелыми,
Наша надежда и воздыхание,—
Учредительное Собрание,—
Что мы с ним сделали..?
12 ноября 17.

14 ДЕКАБРЯ 17 ГОДА

Д. Мережковскому

Простят ли чистые герои?
Мы их завет не сберегли.
Мы потеряли все святое:
И стыд души, и честь земли.

Мы были с ними, были вместе,
Когда надвинулась гроза.
Пришла Невеста. И невесте
Солдатский штык проткнул глаза.

Мы утопили, с визгом споря,
Ее в чану Дворца, на дне,
В незабываемом позоре
И в наворованном вине.

Ночная стая свищет, рыщет,
Лед по Неве кровав и пьян...
О, петля Николая чище,
Чем пальцы серых обезьян!

Рылеев, Трубецкой, Голицын!
Вы далеко, в стране иной...
Как вспыхнули бы ваши лица
Перед оплеванной Невой!

И вот из рва, из терпкой муки,
Где по́ дну вьется рабий дым,
Дрожа протягиваем руки
Мы к вашим саванам святым.

К одежде смертной прикоснуться,
Уста сухие приложить,
Чтоб умереть — или проснуться,
Но так не жить! Но так не жить!

БОЯТСЯ

Щетинятся сталью, трясясь
от страха,
Залезли за пушки, примкнули
штык,
Но бегает глаз под серой папахой,
Из черного рта — истошный рык...
Присел, но взгудел, отпрянул
кошкой...
А любо! Густа темь на дворе!
Скользнули пальцы, ища застежку,
По смуглым пятнам на кобуре...
Револьвер, пушка, ручная
граната ль,—
Добру своему ты господин.
Иди, выходи же, заячья падаль!
Ведь я безоружен! Я один!
Да крепче винти, завинчивай
гайки.
Нацелься... Жутко? Дрожит рука?
Мне пуля — на миг... А тебе
нагайки,
Тебе хлысты мои — на века!
12 января 18.

НЕТ

Она не погибнет,— знайте!
Она не погибнет, Россия.
Они всколосятся,— верьте!
Поля ее золотые.

И мы не погибнем,— верьте!
Но что нам наше спасенье:
Россия спасется,— знайте!
И близко ее воскресенье.
Февр. 18.

«Приговор оставить в силе»

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Иск Верховному суду СССР

Генри РЕЗНИК,
адвокат,
кандидат юридических наук

Стало сильно жечь сердце. Такая боль впервые — ничего общего со случавшимися раньше невралгическими коликами. Неужели инфаркт?

Я стою в зале судебных заседаний Верховного суда СССР и слушаю приговор по делу моего подзащитного, бывшего прокурора Очамчирского района Абхазии Валерия Гурджуа, обвиняемого в превышении власти. По первым же фразам понимаю: приговор обвинительный. Боль — первый отклик сердца на несправедливое осуждение. Первый отклик мысли: «Не может быть! Да как же они посмели покарать невиновного?» Ведь в Верховном суде страны самые, казалось бы, справедливые, самые знающие юристы, неужели могут они так ошибаться?

...В здании по улице Воровского, 15 вершится правосудие. Как в виде рассмотрения дел по первой инстанции и вынесения приговоров (дело Гурджуа тому пример), так и главным образом в форме надзорного разбирательства жалоб на приговоры нижестоящих судов.

От подавляющего большинства надзорных жалоб осужденных и их адвокатов Верховный суд СССР огражден. Обратиться сюда с просьбой опротестовать приговор можно лишь в двух случаях: если это приговор Верховного суда союзной республики или если по приговору нижестоящего суда состоялось отрицательное решение президиума республиканского Верховного суда.

Так вот, едва ли не каждый день в кабинетах руководителей и членов Верховного суда СССР происходят человеческие драмы, вызванные демонстративными отказами опротестовать явно неправосудные приговоры, исправить судебные ошибки. Сотни людей разъезжаются в разные концы страны, окончательно утвердившись во мнении: добиться правды в этой стране нельзя нигде, даже в высшем судебном органе, казалось бы, располагающем всеми возможностями отстаивать истину и справедливость...

Но лучше судить о качестве рассмотренных дел и жалоб на верхнем этаже нашей судебной системы по моим конкретным защитам в Верховном суде СССР.

ДЕЛО ПРОКУРОРА ГУРДЖУА

Это дело, которым судебная система «достала» меня, можно отнести к числу нашумевших. Для тех, кто не читал о нем в «Комсомольской правде», «Московских новостях», еженедельнике «Союз», изложу кратко фабулу.

Вечером 15 июля 1989 года в Сухуми произошли столкновения между грузинами и абхазами. По команде МВД Абхазии были перекрыты все автотрассы, ведущие в столицу, одна из них — в г. Очамчире, на мост через реку Галидзгу. Ночью через заслон попыталась прорваться колонна грузовиков и автобусов из Западной Грузии. Атаку удалось отбить, в завязавшейся перестрелке несколько человек было ранено, один из прибывших с колонной убит. Нападавшие отступили с угрозами вернуться и «пройтись по Очамчире как каток». И действительно, вернулись рано утром на грузовиках, открыли по защищавшим заслон очамчирцам огонь из автоматов. Среди защитников уже не было ни одного сотрудника милиции. После ночной стычки те покинули мост и заперлись в здании райотдела. Перепуганные жители — на мосту канонада, по городу свистят пули — бросились к своей милиции и стали просить у нее защиты. В ответ полное молчание, к людям никто не вышел. Тогда толпа стала штурмовать райотдел, считая, что там хранятся временно изъятые у населения охотничьи ружья. В окна и дверь полетели камни, бутылки с зажигательной смесью. Уже разбиты окна, горит дверь... В этот момент на площади появился прокурор района Гурджуа. Он попытался успокоить народ, зашел в здание, потребовал возвращения сотрудников милиции на мост. И получил отказ.

Гурджуа знал то, что не было известно толпе: охотничьих ружей в милиции нет, зато там хранится табельное оружие, и если оно будет захвачено (двадцать человек не смогут противостоять полуторатысячной толпе), произойдет настоящее побоище. Решение принято: прокурор увлекает толпу к другому зданию — банку, где действительно находились изъятые охотничьи ружья. Взяв их в руки, очамчирцы держали оборону моста несколько часов, до прихода внутренних войск МВД СССР. В перестрелке погибли три человека, 22 получили ранения. Все смерти и половина телесных повреждений причинены из нарезного оружия, которое населению не раздавалось.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР признала Гурджуа виновным в должностном преступлении — превышении власти — и осудила его к двум годам лишения свободы.

Обвинительный приговор буквально ошеломил всех присутствовавших на процессе. Гурджуа подлежал безусловному оправданию, поскольку совершил свои действия в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожавшей жизни и здоровью граждан. Да и причиненный вред — одиннадцать легких телесных повреждений без расстройства здоровья — куда как менее значителен, чем вред предотвращенный.

Все было установлено судом: и нападение на заслон у моста, и автоматы у нападавших, и штурм толпой райотдела, и мотивация действий прокурора — раздавая ружья, он стремился только к одному — защитить людей от нападения, ничем иным его помыслы не отягощались. На все суд закрыл глаза, вынося неправедное решение: в протоколе судебного заседания одно — в приговоре другое. Сказано там немыслимое: не было в момент раздачи ружей никакой опасности ни для населения Очамчиры и Сухуми, ни для райотдела милиции, опасность эта су-

ществовала только в воображении прокурора. Ничего себе? Причины осуждения невиновного прокурора, выполнившего свой долг, для меня предельно ясны: незадолго до суда над Гурджуа вышел президентский Указ о разоружении боевиков в Армении. Что же это получается: в Армении разоружают, а за вооружение в Абхазии закон велит оправдывать? А раз политика может пострадать — закон надо отложить в сторону. Так, что ли?

И здесь я хочу привлечь внимание читателей к ловушке, которую сам себе расставил суд, вынося Гурджуа обвинительный приговор. Суть в том, что для осуждения прокурора, опять же по этому неудобному уголовному закону, недостаточно записать: «Опасности нападения не было».

Закон в данном случае мудр. Уголовное право издавна покоится на принципе: ответственность и наказание наступают только за вину, то есть когда человек совершает общественно опасные действия умышленно или неосторожно. Для заблуждавшегося, каким, если соглашаться с приговором, являлся Гурджуа, в этом праве существует детально разработанный институт фактической ошибки. Так вот, в соответствии с ним ошибочное представление о наличии опасности при любых условиях означает отсутствие умышленной вины и исключает тем самым осуждение кого бы то ни было за превышение власти — преступление, совершаемое с прямым умыслом. Посчитав, что прокурор заблуждался, суд обязан был доказать, что он по всем данным мог и должен был сознавать ошибочность своих представлений — и это давало суду право наказать Гурджуа за неосторожное причинение вреда. Но никаких обстоятельств, позволявших прокурору Очамчиры осознать свое заблуждение, по делу не установлено, более того, если согласиться с приговором, заблуждались все: от жителей Очамчиры, штурмовавших райотдел, до первого секретаря Очамчирского райкома, готовившегося взорвать мост. Но раз так, то Гурджуа заблуждался добросовестно, в его действиях нет вины и он подлежит оправданию как причинивший вред случайно.

Все эти соображения я изложил в надзорной жалобе, запасся толкованиями ведущих ученых-криминалистов, единодушно посчитавших Гурджуа невиновным, и отправился на прием к председателю Верховного суда СССР Смоленцеву Е. А.— он да еще Генеральный прокурор СССР вправе опротестовать приговор столь высокой инстанции. Я знал, что опровергнуть доводы жалобы нельзя. Знал об этом и председатель. А поскольку считаться с законом и реабилитировать невиновного прокурора он не собирался, диалога у нас не получилось — вышло два монолога, и единственный аргумент, услышанный из уст Евгения Алексеевича, был таков: «Что ж, у нас разные оценки». Вот так-то.

А предотвративший своими действиями массовое кровопролитие прокурор продолжает отбывать наказание.

ДЕЛО ВЕРЕСОВОЙ

Вересова Валентина Тимофеевна осуждена Московским городским судом 28 июня 1985 года за нарушение правил о валютных операциях, спекуляцию ювелирными изделиями, покушение на спекуляцию валютными ценностями на 11 (одиннадцать) лет лишения свободы с конфискацией имущества.

Я не участвовал в суде первой инстанции. Родственники осужденной обратились ко мне после вынесения приговора. В ноябре 1986 года подоспела амнистия, и под нее подпали все вмененные Вересовой в вину статьи, кроме одной. Самым страшным, непрощеным оказался единственный эпизод покушения на спекуляцию валютными ценностями.

Выглядел этот эпизод так. По подозрению в спекуляции была задержана жительница г. Москвы Л-на. При обыске у нее в квартире обнаружились 23 алмаза, 22 бриллианта и 5 сапфиров, оцененных по розничной государственной цене в 480 рублей. Арестованная пояснила, что камни принесла к ней ее знакомая Вересова и предложила купить за 2000 рублей, а когда она, Л-на, от покупки отказалась, оставила их у нее на хранение. Все. Этого оказалось достаточно, чтобы Вересову арестовать, предъявить ей обвинение, а затем осудить на 11 лет за то, что она намеревалась получить наживу в сумме 1520 рублей от продажи Л-ной скупленных где-то, как записано в приговоре, «у не установленных следствием лиц» драгоценных камней по государственной розничной цене.

Листаю дело. Вот он, протокол обыска. В нем запись: обнаружены и изъяты 5 камней темного цвета; 23 прозрачных бесцветных камня; россыпь прозрачных бесцветных камней в количестве 22 штук. Ищу заключение товароведческой экспертизы — определение природных свойств, состояния камней, их цены входит в ее исключительную компетенцию. Ищу и не нахожу. Не было экспертизы! Вместо нее имеется «Протокол вскрытия, осмотра и оценки», произведенный районным инспектором ОБХСС с участием двух товароведов ювелирных магазинов. Нарушение процессуального закона грубейшее. Никакого исследования, как при экспертизе, в «Протоколе» в помине нет. Остается гадать, по каким признакам определялись принадлежность и род камней: неизвестны также их вид (промышленные, инструментальные, являлись ли они частью ювелирных изделий) и состояние (повреждения, царапины, сколы, трещины, огранка). Товароведы-специалисты об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения не предупреждены. А одна из них проходит по делу свидетелем, что категорически запрещено.

Читаю показания Л-ной. Она сообщает, что мелкие алмазики — это ювелирные изделия, а «сапфиры» получены в наследство. Следовательно, нет состава спекуляции валютными ценностями (отсутствует скупка).

Все это я пишу в жалобе и между прочим замечаю, что если бы даже Вересова покушалась на спекуляцию, то 11 лет лагерей женщине с более чем 20-летним трудовым стажем, матери двух несовершеннолетних детей, дочери погибшего на фронте солдата, за стремление обогатиться на 1 500 рублей не только многовато, а просто дико.

Первый заместитель председателя Верховного суда РСФСР В. В. Шубин истребует по моей жалобе дело и приносит протест, но не на исключение из обвинения покушения на спекуляцию валютными ценностями, а на меру наказания — просит снизить ее до 8 лет. Паллиатив, конечно, но хоть какое-то смягчение участи...

И тут происходит неожиданное. На дворе сентябрь 1988 года. Но Президиум Верховного суда РСФСР под председательством Е. А. Смоленцева — он тогда возглавлял высший судебный орган республики — отклонил протест Шубина. Посчитали, что 8 лет за стремление сколотить капитал в полторы тысячи — наказание слишком мягкое, не успеет Вересова перевоспитаться за столь короткий срок.

Постановление Президиума Верховного суда РСФСР дает мне право обратиться в Верховный суд СССР, а тому предоставляется прекрасная возможность воплотить в конкретном деле требования закона и руководящие разъяснения собственного пленума о недопустимости доказательств, полученных с процессуальными нарушениями.

Но, увы. Я сталкиваюсь с откровенным нежеланием пересмотреть незаконный приговор хотя бы в части меры наказания. Первый отказ — за подписью председателя судебной коллегии. Интересно, как он парирует доводы об отсутствии товароведческой экспертизы? А вот так: «Данное дело рассмотрено с участием эксперта в судебном заседании, однако осужденная Вересова и ее защитник не заявляли ходатайства о дополнительной оценке указанных валютных ценностей». Юристов, написавших и подписавших этот текст, надо немедленно увольнять за профнепригодность. Азбучное положение закона: на обвиняемого нельзя возлагать обязанность доказывания. Открыто попирается презумпция невиновности. И где? На судебном Олимпе!

Выдерживаю паузу и иду с новой жалобой. На этот раз, несмотря на общий скепсис, уверенность полная: вышел новый закон о спекуляции. Теперь ее предметами считаются только товары, скупленные на предприятиях торговли. Скупка у частных лиц спекуляцией больше не является. В уголовном кодексе закреплен принцип: «Закон, устраняющий наказуемость деяний или смягчающий наказание, имеет обратную силу, то есть распространяется также на деяния, совершенные до его издания». Значит, приговор придется пересматривать в большем объеме — Вересова ведь скупала товар у частных лиц. Но... выясняется, что законы для Верховного суда СССР не писаны. Считайте, что не выходил новый закон о спекуляции, товарищ адвокат. А что касается ваших доводов о непроведенной экспертизе, то мы на них вот так ответим: «Согласно протоколу вскрытия, осмотра и оценки, изъятые у Л-ной камни без оправы являются сапфирами, алмазами и бриллиантами. Каких-либо нарушений норм уголовно-процессуального закона при проведении данного следственного действия не допущено».

А то, что нет такого следственного действия, как «вскрытие, осмотр и оценка», не предусмотрено оно законом, так об этом мне только остается сообщить читателям, не имеющим под рукой Уголовно-процессуального кодекса.

Валентина Тимофеевна Вересова между тем уже отбыла семь лет из отмеренного ей срока. Осталось «всего» четыре года. За желание продать так и не проверенные экспертизой камни, за так и не вырученные полторы тысячи рублей.

ДЕЛО ПАЛБЫ

Палба Юрий, выпускник сухумского университета, абхаз, осужден Верховным судом Грузинской ССР за умышленное убийство из хулиганских побуждений грузина В. и учинение массовых беспорядков 15 июля 1989 года в Парке имени Руставели г. Сухуми к 13 годам лишения свободы.

С самого начала было ясно: допускать расследование и рассмотрение уголовных дел об июльских 1989 года событиях в Абхазии органами правоохранения ни Грузинской республики, ни Абхазской автономии нельзя. Грузинская сторона стремилась представить столкновение в парке как заранее спланированную акцию абхазов, абхазская — как тщательно выношенную провокацию грузин. К тому же погибший был лидером Сухумского отделения Народного фронта Грузии — самой влиятельной к тому времени общественно-политической силы в республике. Это означало: в случае, если преступление не будет раскрыто, руководителей МВД и Прокуратуры Грузии ожидают большие неприятности.

События по делу развивались так. Вначале Прокуратура Грузинской ССР, ведущая следствие, попыталась соблюсти приличия: эпизод гибели В. поручила расследовать включенному в бригаду следователю из России. Затем, когда стали вырисовываться нежелательные для раскрытия преступления результаты, русского следователя отстранили и заменили его местным. Тот заканчивает следствие — прокурор Абхазской АССР обвинительное заключение не утверждает. Его постановление, в свою очередь, отменяет заместитель прокурора Грузинской ССР. Верховный суд Грузинской ССР подсудность изменяет и принимает дело к своему производству в связи с его «особой важностью и большим общественным значением». Как только я принял защиту Палбы — а он, кстати, вину свою категорически отрицал,— сразу бросился на Воровского, 15: не допускайте произвола, истребуйте дело, рассмотрите его сами или поручите рассмотреть суду любой другой республики. Отказ. Процесс в Тбилиси. Суд, сыгравший с обвинением в лице прокурора и представителя Народного фронта польку-бабочку,— точь-в-точь как в фильме Абуладзе. Обвинительный приговор. Большинство своих выводов судебная коллегия даже не пыталась мотивировать — нечем! На многочисленные нарушения закона следователями закрыла глаза. И вот я обжалую приговор в Верховный суд СССР. Пишу:

1. Не было в парке такого преступления, как массовые беспорядки. Массовые беспорядки — это государственное преступление, закон определяет его как действия, направленные против органов государственного управления и «сопровождающиеся погромами, разрушениями, поджогами, оказанием вооруженного сопротивления власти». В парке же произошла короткая 15-минутная драка — внезапно началась, сама собой закончилась. Не применялось не только огнестрельное оружие, отсутствовали ножи, вообще какие бы то ни было колющие и режущие предметы. Дрались избирательно — только мужчины с мужчинами. Присутствовавшие в парке женщины и дети никаких повреждений не получили. Мужчины, конечно, друг другу наподдавали прилично: около ста раненых, но повреждения все больше легкие. Скончался от ранений один человек. Слов нет, трагедия. Но массовых беспорядков не было. Не могут ими признаваться даже самые массовые драки — это положение в уголовном праве азбучное.

2. Кто бы ни нанес погибшему смертельные повреждения, не действовал этот человек из хулиганских побуждений, то есть без всякого повода, чтобы эпатировать окружающих. В самом приговоре сказано, что драка произошла «на почве межнациональной розни». А почва эта никак не хулиганская. Значит, отягчающее ответственность обстоятельство отсутствует.

3. Не доказан умысел на убийство. По приговору В. скончался от перелома костей черепа, причиненного рейкой от садовой скамейки. Но сам по себе удар палкой по голове еще не обнаруживает стремления непременно причинить смерть. Многие участники драки наносили друг другу сильные удары камнями, палками, кусками арматуры по голове — все, кроме В., отделались легкими, в худшем случае средней тяжести повреждениями. Умер пострадавший в больнице через двое суток, до кончины приходил в сознание, беседовал с врачами. А это означает, что имело место не умышленное убийство, а причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть,— преступление менее тяжелое и не столь сурово наказуемое, тем более при отсутствии хулиганских побуждений.

4. Не установлено, что повреждение, повлекшее смерть, причинено осужденным.

Зря бумагу переводил. Два отказа из Верховного

суда СССР — две страницы. На первых три пункта жалобы никакого ответа, будем считать, что их не существовало, товарищ адвокат. А вот на доводы по четвертому мы вам ответим.

Сомневаетесь, что рейкой от скамейки вообще можно череп проломить. Пишете, что грубые нарушения при проведении судебно-медицинских экспертиз допущены: толщина костей черепа не промерена, форма головы не определена, и палка почему-то не взвешена, а не взвешена потому, как в ней всего 300 граммов; даже заключением светила судебной медицины запаслись, где он выводы экспертиз в пух и прах разбивает. А мы вам вот как ответим: «Считать заключения экспертиз необоснованными, как это делаете вы в жалобе, нет никаких оснований». Правда, изящно?

Да, вы еще и судебно-почвоведческую экспертизу — новейшее достижение криминалистики — порочите. Утверждаете, что не имеет она доказательственной силы по делу, потому как туфли обвиняемого при изъятии не были осмотрены и отдельно от других изъятых вещей опечатаны, а почва с места происшествия, на них обнаруженная, в момент изъятия отсутствовала и следователем-фальсификатором позже налеплена. Оно, конечно, закон нарушен: ни на месте изъятия, ни по месту производства следствия туфли не осмотрены. Вон и суд в приговоре назвал это «оплошностью» и следователю пальчиком погрозил. Но мы-то и этого написать не можем, потому что опротестовывать приговор не собираемся. Поэтому лучше по-простому: «Вина Палбы подтверждена также судебно-почвоведческой экспертизой». Не устраивает такой ответ? Издевательство, говорите? Ну, знаете, чем богаты...

И вообще, товарищ адвокат, постыдились бы: пять очевидцев преступления обвинение выставило, все они Палбу опознали, подробно рассказали, как он рейкой от скамейки орудовал. В показаниях у всех противоречия? Двое просто не могли быть на месте происшествия — так расчет времени показывает? Третий на другое место указывает и фамилию того, что с палкой был, иную называет? Показания еще двух всей обстановкой происшедшей драки опровергаются? Знаете что? К черту подробности. Показания свидетели изменили, вы даже требовали их привлечь к ответственности, а мы в ответе эти показания назовем последовательными. И давайте на этом закончим.

Я предъявляю эти козыри защиты вам, читатели. В ходе судебного следствия обнаружилось исчезновение из дела протоколов одного из допросов главного свидетеля обвинения Д-ли и проверки ее показаний на месте происшествия. Я связался со следователем, первоначально расследовавшей дело, а потом от него отстраненной. Она объяснила мне причины исчезновения указанных протоколов и ряда других документов: они опровергали версию обвинения и не подтверждали показаний «очевидцев». Мне также стало известно, что следователь сообщала работникам Прокуратуры и МВД СССР о необъективности следствия, за что и поплатилась.

Есть в законе такой институт — вновь открывшиеся обстоятельства, то есть те, которые не были известны при рассмотрении дела. Обстоятельства эти — сведения, сообщенные мне следователем, документы, исчезнувшие из дела, подложные вещественные доказательства — должны автоматически повлечь возбуждение расследования, а затем новое судебное разбирательство. Но ведь мы уже выяснили: Верховный суд СССР закону подчиняется только тогда, когда он этого хочет.

ДЕЛО ХУДАЙБЕРДИЕВА

Худайбердиев Н., бывший премьер-министр Узбекской ССР, 6 сентября 1989 года осужден судебной коллегией Верховного суда СССР к 9 годам лишения свободы за получение взяток от трех зависящих от него по службе должностных лиц и за дачу взятки тогдашнему первому заместителю министра внутренних дел СССР Ю. Чурбанову.

В симпатии к номенклатуре меня заподозрить нельзя, но берусь утверждать, что вина Худайбердиева ни по одному эпизоду в судебном заседании доказана не была. В связи с этим сложилась занятная ситуация: Худайбердиев за получение взяток осужден, а все трое контрагентов по обвинению в даче этих взяток нижестоящими судами оправданы. В отличие от Верховного эти суды руководствовались законом и разъяснениями самого высшего судебного органа о недопустимости основывать обвинительный приговор на ничем не подтвержденном признании обвиняемого, тем более таком, от которого тот затем отказался.

Эпизод с дачей взятки Чурбанову еще забавнее. Раньше, до суда над Худайбердиевым, оба «сделку» признавали, в том числе и на процессе Зятя. Признание было, правда, довольно странным: совпадали только «дал — взял» да сумма — 50 тысяч рублей. Все остальные обстоятельства — время, место, способ, купюры, их упаковка, произнесенные при встрече фразы — ничего общего. Да нечего тут детали выяснять, погрязли наши верхи во взяточничестве, где уж им упомнить, когда и где брали-давали, досадливо поморщится иной читатель. Оно, конечно, так, но вот закавыка: закон (какой же он все-таки неудобный!) обязывает по каждому делу устанавливать время, место, способ и другие обстоятельства содеянного, без этого факт преступления не может считаться доказанным.

Рассказ Чурбанова о встрече с Худайбердиевым оказался ложью: не мог тот передать ему кожаную папку с деньгами днем в саду резиденции ЦК КП Узбекистана между разговорами о мудрости Шарафа Рашидова. Неопровержимо установлено: премьер весь день свой служебный кабинет не покидал.

Худайбердиев, устав, как он пояснил в суде, сопротивляться домогательствам и угрозам следователей, решил оговорить себя, но нарисовал совсем другую картину, полностью отличающуюся от повествования Чурбанова. В надежде на то, что независимый и объективный суд обнаружит нелепость всей ситуации. В протоколе допроса Худайбердиева на следствии записано, что деньги он Чурбанову дал, но не днем, а поздним вечером, не в саду, а в гостиничном номере, не в запечатанных банковских пачках, а в самодельной упаковке, не в папке, а в коробке вместе с упакованным в ней чайным сервизом.

Суд обязан был проверить показания обвиняемого и прежде всего ответить на вопрос: мог ли поместиться в коробке с сервизом сверток с деньгами довольно большого размера? Но суд, как и следствие, этого не сделал. Дело в том, что следственный эксперимент дает вполне определенные результаты: о факте преступления они говорят предположительно («сверток в коробку помещается — следовательно, мог быть в нее положен»), о его отсутствии — категорически («сверток в коробку не помещается — значит, никак в ней быть не мог»). Первый результат для доказанности обвинения не дает почти ничего, второй полностью его опровергает. А ну как деньги в коробку не поместятся — тут уж предельно ясно, что Худайбердиев на следствии себя оговаривал. Придется его оправдывать, а вот этого допустить никак нельзя: Чурбанов ведь за получение взятки от Худайбердиева уже осужден, и не где-нибудь, а в этом же зале Верховного суда. Что же прикажете — ради оправдания невиновного бить по собственному престижу?

В итоге приговор нарисовал такую прелюбопытную картину: Худайбердиев осужден за взятки на сумму 15 тысяч рублей, полученные в 1973—1974 годах, и взятку на сумму 50 тысяч рублей, переданную в 1982 году. Ну, 15 тысяч, понятно, берег десять лет, предвидя встречу с Чурбановым. А остальные 35 тысяч откуда?

Пишете: сами даем указания нижестоящим судам обязательно устанавливать источник появления взяточных денег? Не спорим, товарищ адвокат, даем. Но им даем, не себе же.

ДЕЛО ХУДАЙКУЛОВА

Дело Джизакского хлопкопромышленного объединения, где одним из обвиняемых был директор Пахтакорского хлопкозавода Фазыл Худайкулов,— целая эпопея. Без малого год шел процесс в Верховном суде РСФСР. Почти два года велась мною борьба в Верховном суде СССР за отмену незаконного обвинительного приговора. 116 страниц взаимной переписки: 110 — мои жалобы, 6 — ответы из Верховного. Хотя бы кратко описать, как его члены и руководители исхитрялись не отвечать ни на один из 50 доводов моих жалоб, нет никакой возможности. Но от приведения некоторых моментов не удержусь.

Худайкулов осужден за получение взяток от трех своих подчиненных. В приговоре записано: взятки получил «за предоставление (этим работникам.— **Г. Р.**) возможности работать в занимаемых должностях». Я пишу в жалобе: «Как же это могло быть, ведь всех троих директор изгонял с работы за злоупотребления и недостачи, причем с позорящими формулировками». Ответ: «Вывод суда о доказанности вины осужденного является правильным».

С одним из лиц, оговаривавших Худайкулова, он находился не просто в неприязненных — во враждебных отношениях. Доказательство тому в деле вагон. Спрашиваю прямо: допустимо ли основывать обвинительный приговор на показаниях сообвиняемого — врага, противоречащих всем другим доказательствам? Прямой ответ: «Доводы жалобы не соответствуют материалам дела».

Если верить еще одним показаниям взяткодателя, приписывавшего хлопок на заготпункте, директор завода сыграл с ним злую шутку. Цитирую протокол судебного заседания: «Худайкулов говорил мне, я сам приму твои недостачи на завод. Но и здесь он меня обманул, в дальнейшем не сдержал своего обещания, деньги вернул». Проучил, в общем, врага. Нехорошо, конечно. Но деньги возвращенные, если безоглядно верит суд человеку, Худайкулова оговаривающему, взыскивать с директора зачем? Ведь незаконно это! А вот ответ на мои доводы: «Суд полно и объективно исследовал материалы дела и дал действиям Худайкулова надлежащую юридическую оценку».

Вы ощущаете разницу стилей адвокатских жалоб и ответов на них: с одной стороны, суетное копание в доказательствах, с другой — парящие над низкой правдой факта чеканные фразы. Фразы эти выкованы в многолетней борьбе с жалобщиками и кочуют из ответа в ответ. Я, честно говоря, не понимаю, почему из них до сего времени не изготовлен стандартный бланк, куда оставалось бы только вписывать фамилии осужденных и свидетелей.

Дело Худайкулова представляет интерес еще в одном отношении.

Здесь и нарушения права на защиту, и допросы людей, не владеющих русским языком, без переводчика, и домогательства показаний насилием, угрозами и обманом, и незаконное освобождение от уголовной ответственности, и просто прямая фабрикация искусственных доказательств.

Обо всех этих нарушениях я подробно пишу, надеясь на строгую их оценку верховными поборниками законности. Но неожиданно этот текст жалобы оказывается тестом, позволяющим установить, сколь внимательно читаются (читаются ли вообще?) в Верховном суде адвокатские ходатайства.

Вот что я написал в одной из жалоб: «По делу органами следствия и судом допущены грубейшие нарушения закона. Поэтому откровенное нежелание пересмотреть явно необоснованный и незаконный приговор ставит под сомнение принципиальность позиции Верховного суда СССР по уголовным делам, расследованным группой Гдляна и Иванова».

А вот что получил я в ответ: «Утверждение жалобы о том, чтоб бригаду следователей возглавлял Гдлян, является ошибочным». Да не было такого утверждения!

«Конечно, усилия тщетны...» Когда ты сталкиваешься не со случайным противодействием — судья был не в духе или у него, скажем, предубеждение против осужденных за взяточничество,— когда против тебя система. Под отказами-отписками стоят подписи практически всех руководителей Верховного суда — председателя, двух из трех его заместителей, председателя и трех членов коллегии по уголовным делам; еще двое председательствовали на процессах, завершившихся несостоятельными приговорами. Какими принципами руководствуется Верховный суд, каким целям служит, какие идеи стремится воплотить в своей деятельности?

В № 5 журнала «Социалистическая законность» за 1990 год опубликована статья Е. А. Смоленцева «Судебно-правовая реформа и совершенствование правосудия». Читаем: «Сейчас стало модно говорить о том, что суд, назначая наказание, должен исходить только из данного случая, а что происходит с преступностью в стране, это, дескать, к конкретному уголовному делу не может иметь отношения». И дальше эта «мода» развенчивается. Наказание, оказывается, надо назначать, ориентируясь на статистику преступности.

Прошу простить за последующий резкий эпитет, но для председателя высшего суда страны такие мысли иначе, как странными, назвать не могу.

Часто сравнивают ситуацию в стране с той, какая была в России 60-х годов прошлого века. Сходство несомненно. Но и различия велики. Тогда страна получила новый, независимый суд. Новый суд — это не только изменившиеся законы, это новые люди. На судейские должности пришли нравственные личности, с Богом в душе.

У нас обновление судейского корпуса произошло пока лишь в низовом звене. На вершине судейской пирамиды по-прежнему судьи, вскормленные эпохой застоя. У них большой опыт. Но опыт преимущественно отрицательный. Они действительно привыкли бороться с преступностью, проводить указанную сверху карательную политику, выполнять директивы. Их так учили. Такой суд опасен для общества.

Свои досье по всем пяти описанным делам я передаю в Верховный Совет СССР с просьбой провести парламентское расследование деятельности Верховного суда Союза ССР. Убежден: осужденные и адвокаты, чьи надежды на правду и справедливость были похоронены в кабинетах здания по улице Воровского, 15, помогут парламенту, пришлют туда свои материалы.

СОВЕТСКО-БРИТАНСКОЕ

ПРЕДЛАГАЕТ ПРЕДПРИЯТИЯМ ШИРОКИЙ АССОРТИМЕНТ ОДЕЖДЫ И ОБУВИ.

ВОЗМОЖНЫ КОНТРАКТЫ ЗА РУБЛИ.

НАШ ТЕЛЕФОН В МОСКВЕ: 208-31-58.

ВАС УДИВИТ ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО ТОВАРОВ ПРИ ИХ ДОСТУПНОЙ ЦЕНЕ!

Научно-производственный кооператив

·тонкие пленки·

РАЗРАБАТЫВАЕТ, ИЗГОТОВЛЯЕТ И ПОСТАВЛЯЕТ ПО ЗАКАЗАМ СОВРЕМЕННУЮ, ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТУЮ ИОННО-ПЛАЗМЕННУЮ И ИОННО-ЛУЧЕВУЮ ТЕХНИКУ И ТЕХНОЛОГИЮ:

МАГНЕТРОНЫ различной конфигурации и производительности для нанесения в вакууме тонких пленок (0,1 — 10 мкм):
- металлов и сплавов (сталь, титан, хром, никель, медь, бронза, алюминий и др.)
- диэлектриков (окислов, нитридов, карбидов)
- алмазоподобных покрытий
- полупроводников и сложных соединений
- защитно-декоративных, коррозийно-стойких и других специальных покрытий

на изделия из металла, пластмассы, стекла, дерева и других материалов

ИСТОЧНИКИ ИОНОВ с холодным катодом и различным профилем пучка для:
- нанесения в вакууме магнитных и диэлектрических тонких пленок
- нанесения покрытий в вакууме с ионным ассистированием
- ионной очистки поверхности изделий перед нанесением покрытий
- ионной активации поверхности пластмасс и других материалов
- ионного и ионно-химического травления
- ионной полировки поверхностей

БЛОКИ ПИТАНИЯ магнетронов и источников ионов — компактные, надежные в эксплуатации, управляемые от ЭВМ — мощностью 0,5 — 50 кВА.

Заказы направлять по адресу: 113546, Москва, Булатниковский проезд, д. 10-Б.

Телефоны: 383-11-91, 384-42-81.

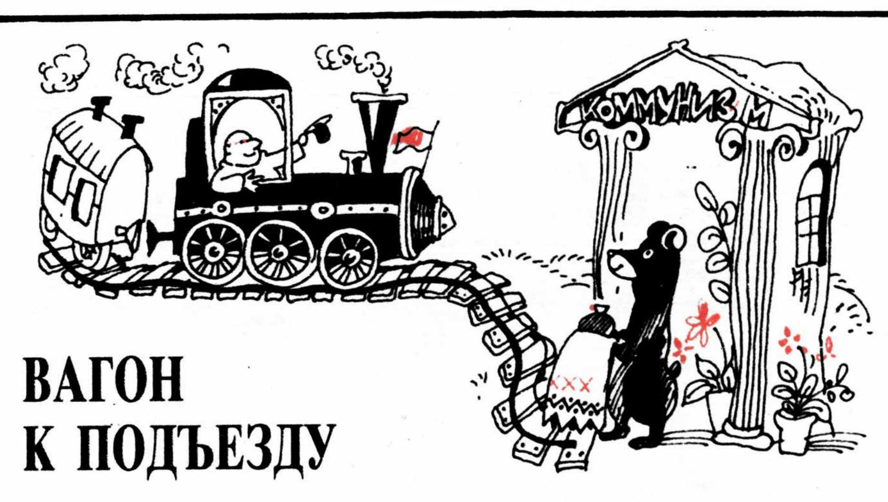
МОСКВА, телефоны: 166-22-13, 166-22-19

СОЕДИНЕНИЕ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ И ПОЛНОГО ОТСУТСТВИЯ ТОВАРОВ В СССР

ПОРОДИЛО НОВЫЕ ФОРМЫ ВЫГОДНОГО БИЗНЕСА. БРОКЕРСКИЙ ТЕЛЕФОННЫЙ КАНАЛ ФИРМЫ «ЭРОН» РАБОТАЕТ КРУГЛОСУТОЧНО ДЛЯ ВСЕХ, КТО ХОЧЕТ ВЫГОДНО

КУПИТЬ, ПРОДАТЬ, ОБМЕНЯТЬ.

«А Я ВСЕ ТАНЦУЮ»

Майя Плисецкая, Владимир Ткаченко, Екатерина Гордеева, Владимир Джанибеков... Что может объединять таких разных людей, кроме таланта и популярности? У всех четверых — неблагополучный позвоночник, который успешно лечил, нет, не Касьян и не Дикуль, а Завьялов — Игорь Завьялов, спортивный врач мужской баскетбольной команды ЦСКА. В перерывах между первым десантом в Афганистан, работой в авиационной медицине и врачеванием «сборников» разных видов и категорий, Игорь изобрел собственный метод «динамической коррекции», на который с интересом поглядывают спецы из-за «бугра».

Как все гениальное, метод прост и представляет собой соединение коррекции позвоночника с комплексом специальных упражнений. Правда, упражнения должны стать такими же обязательными, как чистка зубов. Поначалу эта обязанность может оказаться не такой уж безболезненной, Владимир Ткаченко на лечебных тренировках даже слезу смаргивал, зато сейчас очень неплохо смотрится в Испании.

Майя Михайловна курсом лечения тоже осталась довольна. Великая балерина неоднократно слышала от разных медицинских светил приговор: «С балетом придется расстаться». Но, как добродушно шутит Майя Михайловна: «Светила давно ушли в мир иной, а я все танцую».

«ЛЮБО, БРАТЦЫ, ЛЮБО...»

Клуб имени Нестора Махно начал функционировать в городе Бердянске Запорожской области. Члены клуба решили бороться за отмену «продразверстки» — поставки продовольствия Центру. А еще ньюмахновцы выступают против всяческой диктатуры и насилия, за свободные демократические выборы, уравнивание прав действующих партий и организаций. На обращение «анархисты» члены клуба принципиально не отзываются.

Многие считают создание клуба акцией странной. Но, видимо, бердянские махновцы не одиноки — у памятника Махно, сооруженного в Париже, говорят, каждый день появляются свежие букеты.

СВЯТО МЕСТО

Движение «ЭТИ», которое расшифровывается как «экспроприация территории искусства», славится своими скандальными акциями. Любимое место их проведения — Красная площадь. На ней «ЭТИ» осенью снимали фильм «Цена 2.20» (о колбасе, стало быть), на этой же площади в Новый год водрузили холодильник и с него толкали речи...

И вот новая выходка! 18 апреля на брусчатке Красной площади «ЭТИ» выложили своими телами неприличное слово из трех букв, за что немедленно были доставлены в милицию. Как стало известно, протоколом и штрафом для лидера «ЭТИХ» Осмоловского дело не ограничилось. Ему грозят большие неприятности, вплоть до уголовной ответственности. В данный момент правоохранительные органы добиваются от Осмоловского ответа: что это было — политическая акция или обыкновенное хулиганство? Осмоловский с надеждой на то, что его поймут, объяснил, что в акции не было никакого политического смысла, что акция эта чисто художественная и цель ее — «десакрализация Красной площади и превращение ее в действительно народное место»...

ВАГОН К ПОДЪЕЗДУ

До некоторых пор славный город Донецк гордился тем, что имел непосредственное отношение к Никите Сергеевичу Хрущеву — здесь он начинал свою трудовую жизнь простым шахтером. Когда-то здесь существовал небольшой музей его трудовой доблести, в котором хранились инструменты с отпечатками пальцев Никиты Сергеевича. Позже, когда Хрущев оставил ответственный пост главы государства, музей, как говорят местные жители, был в считанные дни упразднен.

А вот здание, в котором находилась донецкая резиденция Никиты Сергеевича в пору расцвета его карьеры, сохранилось. Сейчас в нем, в этом уютном особнячке, расположен научный центр, но вам охотно покажут место возле большого окна, где стояла кровать, на которой спал Никита Сергеевич. На втором этаже находился зимний сад с фонтаном, оленями, бобрами и прочей живностью, разумеется, чучелами. В подвале работала кухня, было две трапезных: одна побольше, другая — для интимных ужинов в особо узком кругу. И узкий круг, надо сказать, отдавал должное уюту и гостеприимности скромного домика, в разные времена здесь бывали и Щербицкий, и Брежнев — еще до того, как стал «дорогим Леонидом Ильичом».

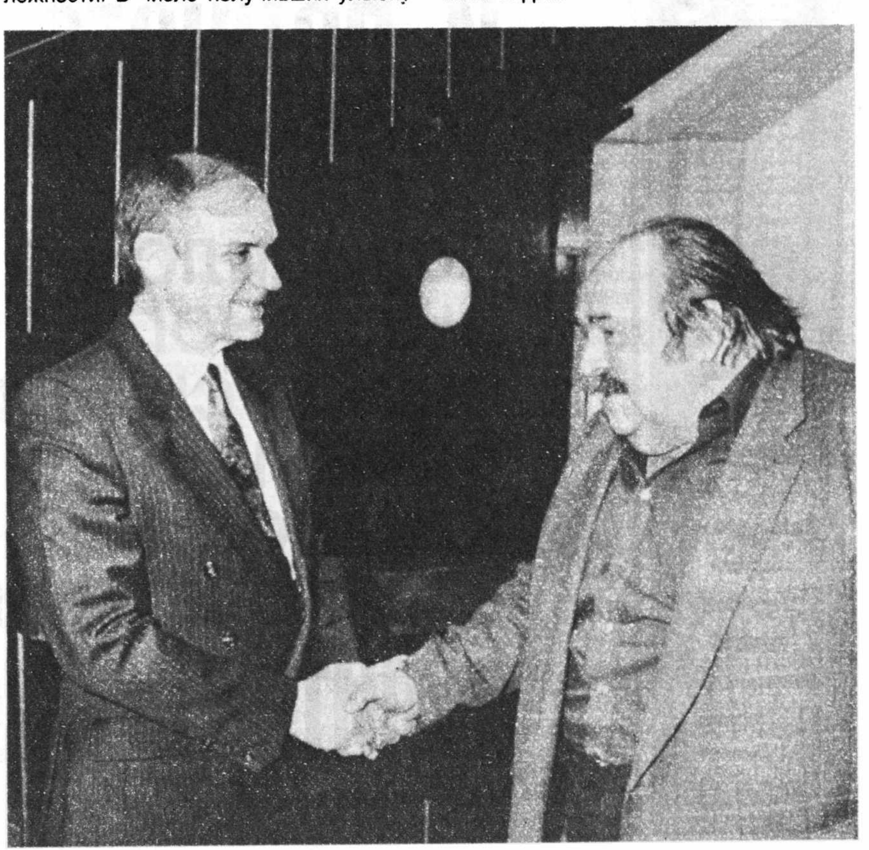
Впечатляет и радует стремление бывавших здесь больших людей к простоте и демократичности: их не подвозили от вокзала к подъезду дома сверкающие «Чайки» или какие-нибудь иномарки с шоферами и охранниками. Нет, все было просто и достойно: прямо к дому подходила железнодорожная ветка, по которой можно было на специальном поезде, минуя вокзал, въехать почти во дворик. Во дворе же находился сад летний, некогда, говорят, сказочной красоты и ухоженности, а сейчас, естественно, захиревший...

ВПЕРВЫЕ В МОСКВЕ

Семнадцатого апреля в генеральном консульстве Израиля состоялся прием по случаю Дня национальной независимости Израиля, которой (независимости) исполнилось уже сорок три года.

Генеральный консул Арье Левин встречал приглашенных ласковой улыбкой. Улыбка досталась всем присутствующим без различия пола, возраста, партийной и национальной принадлежности. В числе получивших улыбку были: Елена Боннэр, Михаил Ульянов, Юрий Бондарев, а также многие известные режиссеры, академики...

Присутствующим было подано шампанское, пепси-кола, минеральная вода и незначительная закуска. Поняв, что больше ничего не дадут, слегка разочарованные советские граждане не стали долго задерживаться на израильской территории и покинули ее с независимым видом.

БОРИС, ТЫ НЕ ПРАВ!..

Почти все с умилением вспоминают годы своей учебы в школе: кто не прочь похвастаться хорошими оценками, кто — милыми шалостями. В числе тех, кто получал нелестные отзывы учителей и ходил в школу в сопровождении родителей,— многие известные люди. Видимо, не хватило их школьным учителям в свое время прозорливости — кого учили! И подтверждение тому — извлеченные на свет Божий школьные характеристики многих политических лидеров, опубликованные в газете «Европиэн». Например, о нынешнем премьер-министре Испании Фелипе Гонсалесе его преподаватели говорили, что он сможет хоть чего-то добиться, только если перестанет приставать зазря к одноклассникам (или одноклассницам?). Неизвестно каким путем попавшая к представителям буржуазной прессы характеристика Михаила Сергеевича Горбачева повествует, что ученик он был хороший, но несколько склонный к заносчивости и вечно спорил с учителями. Что же, если даже и придумано, то со знанием дела... Будущий президент Чехословакии Вацлав Гавел, по словам учителей, был «недостаточно пролетарский, и его буржуазное происхождение делало дальнейшее его образование невозможным». Канцлер Германии Гельмут Коль, как следует из его характеристики, ученик был неплохой, но вечно вел себя так, как будто знал больше учителей, что учителей, разумеется, задевало. Самая, пожалуй, отрицательная характеристика — у нынешнего премьер-министра Великобритании Джона Мейджора: «Сознательно решил бездельничать». А далее сказано, что история у него идет сравнительно неплохо, а вот естественные предметы вызывают у него невообразимую скуку. Совершенно иная характеристика была дана учителями в свое время будущему президенту Франции Франсуа Миттерану — он был застенчив невероятно. Настолько, что на устном экзамене на звание бакалавра не смог рта открыть — и провалился... А вот характеристика еще на одного крупного политического деятеля: «Борис — зачинщик всяких проделок и может дождаться того, что его исключат, если он будет продолжать в том же духе...» Видимо, здесь можно обойтись без фамилии.

ДОЛЖОК-С!

Разумно и практично поступили в свое время ленинградские власти — они решили не уничтожать кафедральный собор Петра и Павла, принадлежавший Евангельско-лютеранской церкви России, а переделать его в бассейн, хозяином которого стало Балтийское морское пароходство.

На просьбу вернуть храм Евангельско-лютеранской церкви, которая официально возродилась в марте этого года, пароходство предложило пастору Йозефу Баронасу построить взамен новый бассейн. Исходя из этого, можно прикинуть, сколько всего придется построить лютеранам, чтобы вернуть свои помещения. В одном Ленинграде им надо будет возвести спортзал, библиотеку, Дом природы, фабрику спортивных изделий. В Москве — завод диафильмов. А уж по Союзу!..

Параллельно лютеранам придется выручать свое имущество, прижившееся в самых разных организациях. Музей архитектуры, к примеру, задолжал им алтарь восемнадцатого века. Из крематория № 1, что в Донском монастыре, предстоит извлечь орган. Пожалуй, труднее всего будет получить ценнейшие часы из церкви Петра и Павла, которые сейчас украшают фасад КГБ СССР. Интересно, что попросят за часы?

ИВАН, ПОМНЯЩИЙ РОДСТВО

Большое количество ученых мужей и дам — историков, архивных работников, этнографов из Москвы, Ленинграда, Минска съехались на конференцию «Возрождение родословия России», состоявшуюся в Центральном Доме литераторов. Они, естественно, делились открытиями и находками, но в основном записывали в блокнотики истории неспециалистов, приглашенных для того, чтобы рассказать о своих родословных. Оказалось, что множество россиян знает своих предков — кузнецов, ткачей и землепашцев до седьмого колена! Например, рабочий Иван Муха выяснил, что его предки, потомственные оружейники, славились твердостью характера и смекалкой еще во времена Петра Великого. Сам Иван считает, что перенял у пращуров лучшие качества, и заявляет об этом без ложной скромности. И правильно — не только дворянские потомки должны иметь родословные.

БЛЮЗ ДЛЯ БРОДЯЧИХ СОБАК

Беспрецедентную благотворительную акцию собираются провести музыканты бывшего квартета, а ныне трио «Секрет». Они предполагают дать четырехчасовой сольный концерт, цель которого — привлечь внимание общественности к бедственному положению советских бездомных собак. В зале практически не будет людей — слушателями будут только собаки. Деньги на проведение акции дают спонсоры — крупные ленинградские предприятия, а за это «Секрет» будет рекламировать их во время своих выступлений. Часть спонсорских денег пойдет в специальный «Собачий фонд», который будет заниматься постройкой пунктов, где животным могла бы оказываться разнообразная помощь: от ветеринарных услуг до возможности просто утолить голод. На вопрос корреспондента «Светской хроники», почему объектом благотворительности были избраны собаки, лидер трио Николай Фоменко сказал, что в «нашей стране уже сложно помочь людям, да и неблагодарное это дело — помогать тем, кто может если не сам справиться со своими проблемами, то по крайней мере самостоятельно заявить о них...».

ПРЕМЬЕР ИГРАЕТ НА БАЯНЕ

Российская телерадиокомпания отпраздновала свой первый (нулевой?) день рождения.

Гуляли в Доме кино, каковое заведение в последние годы прославилось устройством всяких досадных происшествий. То на три часа предоставят сцену Ельцину, то на всю ночь сдадут все залы и буфеты «Московским новостям» под бал-маскарад.

Эти проделки хоть и собирали у входа толпу неприглашенных и милиционеров, но оставались страшно далеки от народа и совершенно невидимы.

Теперь — конец. Теперь козни масонов, проказы так называемых демократов и амбиции рвущихся к власти элементов войдут в каждый дом. Для чего и родилось на свет Российское ТВ.

Президент РТР Попцов был в красном галстуке и с красной гвоздикой в петлице. Блистая очами, он выразил надежду, что ему не дадут соврать присутствующий Силаев и отсутствующий Ельцин.

Хасбулатов поведал, что где-то в глубинке (не сказал, где) местные власти сжигают постановления Верховного Совета России, скрывая от народа мудрость республиканского руководства, но теперь эту мудрость не задушишь, не убьешь.

Актер Филатов пошутил, что путь к Российскому телевизионному каналу затянулся из-за внутренних мучений с Беломоро-Балтийским каналом и международных разборок с Суэцким.

Хор мальчиков (без красных галстуков) дивно грянул «Славься великий наш русский народ!», причем публика почтительно встала.

Премьера Силаева коварно выманили на сцену и представили как баяниста. Подсунули и баян. Силаев отнекивался. Публика возбудилась. Силаева уговаривали. Он согласился. Играет Силаев ужасно, но мило.

Будем благодарны вам за информацию о сенсациях, интересных фактах и событиях. Ее можно сообщить по телефону 212-23-07.

Выпуск подготовили Светлана Бабыкина и Юлия Сударенко. Им помогали Андрей Болтенко, Вероника Боде, Наталья Быканова, Вера Лаврешина, Арина Иванова, Александр Чернушкин. Рисовала Евгения Двоскина. В выпуске использованы материалы информационного агентства «Евро-икс».

Алла БОССАРТ

АНТИУТОПИЯ. ТЕМА ДЛЯ НОВОЙ ВОЙНЫ

Очень не хочется, не модно и неуместно, а приходится согласиться с замечанием В. И. Ленина, что важнейшим из искусств для нас является кино. Живую эту, занятную мельтешню, эту пульсацию идеи можно использовать гораздо продуктивнее, чем любимую «Аппассионату». Как в воду смотрел.

Целые поколения сформированы «Кубанскими казаками», «Заставой Ильича», «Чучелом», «Маленькой Верой» (в порядке поступления). Кинозалы были и остаются диспансером, где зрителю, то есть обществу, вводятся инъекции мировоззрения, философии, моды, идей и идеалов. Разумеется, вождь имел в виду кино не всякое, а лишь такое, которое отвечает основной задаче: массовости. Ясно, что именно в ней и заключена «важнейшесть» нового искусства. Хотя не исключено, он не допускал и мысли о том, что демократическая муза вообще способна породить мутантов для гнилой элиты. Не следует заблуждаться насчет ключевого слова во фразе о важнейшем из искусств: безусловно, это слово «НАС» и, безусловно, в невзоровском понимании. Я бы даже рискнула предложить более отчетливый вариант афоризма: ВАЖНЕЙШИМ ИЗ ИСКУССТВ ДЛЯ НАШИХ ЯВЛЯЕТСЯ КИНО. Смотрите, как удобно: «наши» меняются — и лозунг, оставаясь как бы прежним, тоже меняется — и кино меняется! Так, в рамках одного государственного режима происходит эволюция от «Взятия Берлина» к «Интердевочке».

И если кинематограф пустил боковой побег в виде «авторского» кино, это еще не повод указывать Ленину на ошибку. Ибо игровое кино во всех своих проявлениях есть «dream», то есть мечта, метафизика, идея, схема, я бы сказала — схема мечты. Только в одних случаях мечты официальной, в других — неофициальной. Но во всех случаях оно — инструмент отвлечения. Отвлечения зрителей, то есть общества, от реальной жизни. Так как никогда, нигде, никакое художественное кино не имело с реальной жизнью ничего общего. О чем бы и о ком речь ни шла — о Чарли Чаплине, Бертолуччи, Кире Муратовой или Никите Михалкове. (Как, кстати, никаким зеркалом и никакой энциклопедией не являются ни Пушкин, ни Толстой.)

Но произошла вещь, обычная для физико-химического мира: разное расположение атомов в молекуле углерода образует разные вещества. Разное положение кинокамеры относительно мира образует внутри одного и того же технического изобретения две абсолютно различные природы: кино художественное и кино документальное. Или, как сейчас принято говорить, игровое и неигровое. Природа их, повторяю, не просто разная, но противоположная.

Ну вот, к примеру.

Гуляю по Петропавловской крепости. А там какие-то лошади топчутся, извозчики, дамы в горжетках, бабы, офицеры. Снимается кино о народовольцах. Небось очередные враки. И вдруг над компанией задастых извозчиков, здоровых таких мужиков бородатущих, взлетают и звенят на морозе женские голоса. Потом вижу — мчится мимо на облучке еще один и орет довольно визгливым сопрано: «Валька, опять захапала мои рукавицы, зараза!» На что бородатая Валька весело и мелодично хохочет. Спрашиваю у той, что без рукавиц: отчего же у вас ванек дамы изображают? «Мужиков не хватает»,— холодно отвечает возница.

Значит, увидим мы художественный фильм с феминизированными биндюжниками, ничего под их бородами не разглядим, цыкнем зубом на Веру Засулич, плюнем и домой пойдем. А вот покажу я документальную короткометражку об этих дурацких извозчиках — одна сплошная прелесть: жизни — через край, и образ, и метафора, и множество различных аналогий в усталой голове.

В то время как игровой кинематограф отвлекает, неигровой бесцеремонно выпихивает нас в жизнь, обдирая кожу, спускает на нас эту редко когда веселую, а чаще свирепую жизнь, как овчарку.

Вот потому на документальные фильмы народ и не ходит, хватит с него (Подниекс и Говорухин не в счет, как исключения, по неизвестной мне причине подтверждающие правило).

Неигровое кино не стало как для прокатчика, так и для зрителя важнейшим из искусств, заняв положение байстрючонка. На II Международном фестивале неигрового кино в Ленинграде большая часть внеконкурсной программы шла по кинотеатрам города. Билеты продавались свободно. В залах собиралось аж до семи человек. (Забавно, что на ту же проблему жалуются американские документалисты.) Возможно ли представить себе такое на международных кинофестивалях в Москве? Между тем как в Ленинграде показывали подчас фильмы блестящие, а в Москве, во всяком случае в последние четыре года, крутят на летних кинотусовках умопомрачительную дрянь.

Итак, рядовой зритель (и прокат) документальным кино пренебрегает. А «наши»? Нет, «наши» заветам верны. «В борьбе за это» — хоть на мокрое дело.

И тут кончаются теории. И начинается практика. В кино пришла война. Не только на экране. Война не на жизнь, а на смерть. Война, где против камер — боевые патроны и пули со смещенным центром.

* * *

...Он сказал: «Сними меня, сними, это же будет свидетельством... Это тоже будет свидетельством».

Подниекс плачет.

За дверями малого зала Ленинградского Дома кино, где тихо поминают Андриса Слапиньша, дымит профессиональный клуб — ПРОКК. На улице Чапыгина, возле телецентра, разводит пары митинг; под присмотром ОМОНа кричат каждый свое, а в конечном смысле одно и то же Невзоров и Курков. Одного бандитские пули прямо изрешетили, другой выламывают руки непосредственно в президиуме Съезда народных депутатов. В Москве в переулке у Литовского — посольства? постпредства? — толпа ощетинилась рожками поднятых пальцев — за нашу и вашу свободу! Кинематографисты принимают обращение против того-то и того-то. Полупьяный ПРОКК скучно дымит. Харриета Эдер, немка, уходит, не дождавшись двухчасового ночного автобуса, в гостиницу пешком — через Марсово поле, через Кировский мост. Военный прокурор Полохов советует нам ходить по вечернему Ленинграду не меньше как втроем. Харриета, не привыкшая бояться у себя в Берлине, пошла прогуляться до гостиницы. На пустынной улице дрались мужчина и женщина. Она хотела вступиться, но раздумала, потому что «женщина отвечала на удары». ПРОКК между тем дымит, веселья не получается.

Еще жив тяжело раненный оператор Гвидо Звайгзне.

Плачет Подниекс.

Оператор Слапиньш не был борцом. Он работал и был со своим народом, как говорят, в час испытания. Оператор Андрис Слапиньш был убит во время штурма здания МВД в Риге. Убит не в перестрелке — прицельно. Стреляли по камерам. Полковник Алкснис в одноименной передаче, маленького роста, вровень с Невзоровым, с тонкой усмешкой рассказывает, что Слапиньш был убит своими, провокационно, выстрелом в спину — омоновцы стреляли бы в лицо. Невзоров слушает жадно, подавшись вперед, раздувая ноздри. Двое маленьких мужчин. Они похожи на заговорщиков. На Тома Сойера и на Гека Финна. Но мне неинтересен заговор, в который они играют. В котором они играют...

Оператор Слапиньш не был каскадером. Он не умел группироваться и ловить пулю плечом. Ему попали прямо в сердце.

Майя Селецка, режиссер монтажа, говорит, как на бегу, словно преодолевая тугой ветер, забивающий рот песком:

— Он как-то вообще не должен был там находиться. Он делал совершенно другой фильм, для Западной Германии... Он должен был сидеть и монти... монтировать. Он вообще был такой... этнограф среди наших режиссеров. И его судьба, как все наши события... как мы называем — песня о революции. Началась с песен, а кончилась на баррикадах, выстрелами и... смертью*. Он рвался, ему не надо было быть там... Он сам напросился со своей камерой, и сам побежал... Совершенно не его был жанр... Он такой неосторожный всегда. Такой неаккуратный...

Майя виновато улыбается.

Кино не только коллективный пропагандист и агитатор. Оно еще и коллективный свидетель. Важнейший свидетель. И его надо убрать.

На фестивале показали фильм, который Слапиньш начал кадрами прошлогодней мирной революции, а его друзья закончили по его материалам уже сейчас. Там есть все — русская баррикада с трехцветным флагом России, и русский парень говорит: стреляют не только в Литву и Латвию, стреляют в нас, потому что мы тоже живем на этой земле и мы будем ее защищать. Там есть танки, колючая проволока и пунктир трассирующих пуль. Там есть очередь к телефону-автомату, очередь мужчин, которые по-русски и по-латышски отвечают на один вопрос: «Куда вы звоните?» — одно и то же: «Домой», «Жене», «Предупредить семью, чтоб не волновались», «Жене и детям. У меня двое близнецов. Мальчик и девочка». И ночь штурма, когда баррикады уже раздавлены танками, и этих мужчин, которых дома ждут жены и близнецы, мальчик и девочка,— уже ничто не отделяет от наведенных на них стволов, ни хрупкие доски, ни игрушечные камни, ни паутина колючей проволоки — только ночной ветер. И несколько метров земли.

На эту землю с хрустом опускается огромный сапог. И сразу — тьма. Кромешная пустота, будто камера уперлась в ночное небо.

В тот день не было конкурсных просмотров, прибалтийская делегация показывала свои видеоматериалы. Частевки, минутные ролики, записи телевизионных передач. Они шли один за другим, как подробный репортаж, они громоздились один на другой, как еще одна баррикада,— из кинословидетельств. Возможно, кадры перемешались в моей памяти, как цепляются друг за друга случайные предметы в баррикаде, конструируя, монтируя ее цельное тело. И мне трудно уже отделить латышские эпизоды от литовских. Кадры Слапиньша, вошедшие в фильм, от отдельных снятых им и его товарищами фрагментов.

Это общее кинодосье шарахнуло в зал, как снаряд. И когда зажегся свет, все молча, не вытирая слез, сидели, словно у края воронки, отброшенные взрывной волной, а комья земли еще летели в глаза.

Один журналист подошел тогда к микрофону, и его слова не показались такими уж абсурдными:

— Я думаю, что фестиваль на этом можно закрывать. После того, что мы видели, какие еще фильмы можно оценивать и награждать?

Надо сказать, что ни Литва, ни Латвия ничего не представили на конкурс. Так же, как и Армения, и Азербайджан. И студии Средней Азии. И Молдовы. И Грузии. Всего советских гостей и участников съехалось в Ленинград около 260. Не намного больше, чем раненых и убитых в Вильнюсе.

А в программе фестиваля советские фильмы уже не помечались, как в прошлом году,— «СССР». В скобках писали: «Россия. Украина. Москва».

Я думала: почему вся наша скорбь и гнев — Прибалтика? Разве не льется больше кровь в Карабахе? Разве празднуют в Цхинвали, в Дубоссарах, во Львове?

Юлий Даниэль в антиутопии «День открытых убийств» предсказал Карабах и сумгаитскую резню, и перестрелки на грузинских дорогах, и пьяные от казней кишлаки. Но в день, когда всем со всеми позволено было безнаказанно сводить счеты,— в Прибалтике не прозвучало ни выстрела, не пролилось ни одной капли крови.

И вот лопнула и эта струна на наших изношенных колках. Может, потому и страшно так стало вдруг всем?

На прошлом фестивале мы видели израильские и палестинские ленты. Сейчас их не было. Ничего не привезли поляки, венгры, болгары.

Сальвадор. Румыния. Сербия. Ирак. Антииракская коалиция. Кувейт. Земной шар воспалился, вспух, до предела натянув струны меридианов и параллелей. Доживем ли мы до XXI века?

Война живет в нас. Мы дети войны. Но мы же носим в себе и ее зародыш. Война — проклятье, заклятье, которое поколение исторгает из себя, как недоноска, но недоносок уползает и прячется в зловонных задворках, в тряпье, питаясь нечистотами. И начинает держать голову со скошенным лбом. И встает на четвереньки. И, не поднимаясь с них, карабкается на бронетранспортер. Война — мой ночной кошмар, когда танки, как землетрясение, раскачивают улицу, стягиваясь на водопой к предрассветному Кремлю. Война —

* Подробно об этом см. в «Огоньке» № 16: А. Головков, «Расстрелянный сюжет».

мой кошмар в очереди за спичками и солью. Мне часто снится война, которую я не видела, и всегда она — трухлявые чердаки и люди без лиц беззвучно гонятся за мной. Иногда мне снится мой ужас на заброшенном лесном шоссе, где я гуляю с дочкой пыльной зимой. Из машины выходят пыльные люди и идут ко мне, чтобы забрать у меня мою дочку. У меня полон рот пыли, и ноги вязнут в пыли, и этот ужас — война. Ночью я крадусь к входной двери и ловлю шаги и шорохи на лестничной клетке. Я никогда не читаю книг о войне, не слушаю ветеранов и не смотрю военные фильмы. Плохо сплю, жду — грязная, она придет за мной ночью.

У тебя такая славная западная мордаха, такой женственный юмор, зачем ты полезла туда, Харриета Эдер, немка? Что нам до нее в наши с тобой сорок?

Я едва не родилась в Бресте; маму на сносях привезли в Москву, прямо к Грауэрману. Харриета родилась во Фленсбурге, в том же году. Ее бабушку уничтожили в психиатрической больнице, как некачественный человеческий материал. Ее отец после войны в советском лагере для военнопленных похудел на тридцать килограммов. Первое время мать носила его на руках. Он ушел на войну восемнадцати лет, как и мой. Только мой — добровольцем, а вермахт своих мальчиков призывал. Ее родители не были фашистами, но и антифашистами не были тоже. Когда она попросила маму рассказать о Гитлере, та рассказала ей про бабушку. Отец Харриеты никогда не говорил с ней о войне. Мой рассказывал какие-то хохмы. Ее отец, вернувшись домой, начал пить. Мой — вступил в партию. Мои родители долго верили Сталину, потом — Хрущеву. Потом они, по-моему, не верили больше никому. Я не помню, чтобы в детстве со мной кто-нибудь говорил о Сталине,— и я довольно поздно поняла, откуда выпускали моего деда. Уже совсем взрослой Харриета узнала, что Ленинград и Сталинград — это разные города. И только сейчас — про Ленинградскую блокаду. Немецкие послевоенные школьники не изучают войну, как мы. А нам про нее почти полвека врали.

Я работала корректором. Харриета — косметичкой. Потом я стала журналистом, а она — политэкономом и режиссером. Я бы никогда не взялась писать о войне. «Моя война» — первый большой фильм Харриеты Эдер (в соавторстве с Томасом Куфусом).

Позже я смотрела фильм еще об одном ветеране и добровольце — Вадиме Сидуре. Там звучит дневниковая запись Сидура о каком-то немце: может, он был среди тех, к кому в окружение мы попали; может, это как раз он стрелял в меня и ранил в лицо; вот мы сидим сейчас, выпиваем, и нам так хорошо вместе.

А я, разговаривая с Харриетой, все думала: ведь она не знает, где воевал ее отец. Может, именно под Псковом, и может, именно он ранил моего долговязого мальчика-папу в колено. А сейчас мы живем в одной гостинице, сидим в ресторане, и наш товарищеский ужин так интересен и приятен нам.

— Нас учили, что для советского народа война была Отечественной, то есть справедливой. А как оценивала войну ты, твое поколение молодых немцев?

— Была война, вот и все. В школе это был перечень дат и побед. После студенческих волнений шестидесятых годов, после забастовок пришли новые учителя,— и вот тогда молодежь раскрыла пасть и полезла на отцов: какого дьявола ты пошел на эту войну?

— Мы не спрашивали...

— Вот в том и разница между тобой и мной.

— Знаешь, я подозреваю, что разница между нами гораздо больше, чем разница между нашими родителями. Они росли при одном режиме. И я продолжаю жить при тоталитаризме. А ты живешь в свободной стране. И не боишься ходить ночью по улицам...

— В нашем фильме, ты помнишь, один из тех бывших солдат говорит такую фразу: «Русские — они как звери совершенно...»

— Но наши солдаты тоже видели в немцах зверей.

— Это и есть тот вопрос, который меня интересует в первую очередь. Как можно к такому привести людей, так воспитать их, чтобы один народ пошел убивать другой народ? Что надо было сотворить с людьми, чтобы один народ мог пойти против другого, чтобы ЛЮДИ УБИВАЛИ ДРУГ ДРУГА? Что должно было происходить с каждым отдельным солдатом, чтобы он был готов к убийству другого человека?

...Сумгаит, Карабах, Кишинев, Абхазия, Северная Осетия, Ош, Фергана, Душанбе, Тбилиси, Баку, Вильнюс, Рига...

«Моя война» («Серебряный кентавр» фестиваля) — фильм-интервью с шестью немецкими ветеранами, которые солдатами снимали «свою войну» любительскими камерами. Нам представлена уникальная хроника будней гитлеровской армии — от строевой подготовки до сбитых самолетов.

И кадры старой любительской хроники начинают в конце концов странным образом влиять на перспективу.

Благополучные пожилые господа, в которых превратились те лопоухие солдатики, что корячатся дурацким гусиным шагом, падают в снег, козыряют пузатому ефрейтору, жадно вылизывают миску; обалдевшие, вскакивают по тревоге среди ночи, выволакивают из крестьянской избы свинью, закапывают расстрелянных, крушат танками рощу, покрикивают на пленных, натягивают с жалкой улыбкой шлем и лезут в самолет; с гоготом ловят на деревенской улице панически гогочущих гусей; перед атакой пишут письмо маме и фройляйн; бреются, смеются, роют окопы, торопливо спят, умываются, бестолково бегут, стреляют и снова падают в снег — уже навсегда...— оставшиеся в живых благополучные пожилые господа бесконечно далеки от нас и — от тех солдатиков. Они о чем-то не очень интересно рассуждают, как из космоса,— а те мальчики отчетливы, до пуговицы на гимнастерке. Смени им форму да пусти фонограммой матюгов — и кадры немецкой фронтовой хроники второй мировой войны можно без ущерба для стилистики вставлять в фильм А. Ханютина «ДМБ-91» («Золотой кентавр» фестиваля).

— Когда воспитанием становятся приказание и страх,— сказала мне Харриета Эдер,— «обрезается голова», как у нас говорят. Люди перестают быть людьми, становятся зверьми.

Да что ж зверей-то обижать... Гораздо страшнее становятся эти люди.

Молодой Алексей Ханютин показал нам, как в деталях происходит этот процесс.

О «Дембеле» Ханютина замечательно написал Александр Минкин («Огонек» № 4). Я хочу только кое-что добавить. «Моя война» наводит на некоторые историко-географические параллели. Моральность силы, механизм тотального страха слабого перед сильным — «дедовщина» — могли стать нормой, политическим механизмом не только для нашей армии и нашей страны.

Если бы не наша победа, этот режим, эта норма, эта дедовщина захватили бы цивилизацию. Развязка войны отрезвила не только Германию — она заставила задуматься весь мир. Кроме одной шестой его части. Поэтому Германия спаслась, Италия спаслась, Франция, Англия, Япония, Югославия — спаслись более или менее успешно все. И только мы, как выяснилось, по уши увязли в ...своей победе.

— У вас есть комплекс вины перед нами? — грубо спросила я Харриету. Но такой уж пошел разговор.

— Вины нет. Ни у стариков, которые были солдатами и как солдаты убивали. Ни тем более у нас — хотя послевоенное поколение протестует против своих родителей. Вины нет, но есть сознание, что вы — жертва. Наша жертва. Поэтому сейчас немцы, особенно старики, одержимы потребностью помочь вам, шлют посылки...

— Но мы же победители!

Харриета долго молчит, покусывает короткий ноготь. Я выключаю диктофон.

— Все равно вы жертва.

Мы обе смягчаем улыбками ее приговор.

Она права. Только жертва мы — ничья. Своя собственная. Война ничему нас не научила. Советская победа была победой разумного начала во всем мире. Только для одной страны и ее ближайших соседей наша победа оказалась поражением. И эта страна — не Германия.

Немецкие старики никогда не разговаривают со своими детьми о прошлом. Любой вопрос о войне кончается в семье скандалом — дети обвиняют, старики защищаются. Дети задают вопросы, на которые ответить нельзя, как невозможно объяснить голод тому, кто никогда его не испытывал, цвет — слепому, веру — атеисту, а грехи прошлого — юным и безгрешным.

В нашем государстве обвиняют — ветераны. И обвиняют не тех, под чьим знаменем обездоливали и обезглавливали сами себя. Обвиняют нас. Тех, кто пытается жить честно, богато и свободно — достойно. Тех, кто так, как они, больше не хочет и не может.

У немецких солдат хорошая старость, и они с удовольствием живут настоящим, а солдатики, в которых они играют, как один из героев «Моей войны»,— щеголеватые наполеоновские уланы, безобидно гарцующие под игрушечной Триумфальной аркой.

У русских солдат — старость жалкая, убогая, бесконечно унизительная. И радость они черпают только в прошлом. А прошлое их — война. И вот съезжаются старики с иконостасами медалей на потрепанных пиджаках, поют, чокаются — кто за Сталина, кто за 4-й стрелковый, и со слезами вспоминают лучшее, что было в их жизни,— молодость. Но молодостью их была война.

А старые генералы — и боевые, и те, что были при них замполитами,— клянутся именем, честью и кровью старых, от седой головы до оторванной ноги обманутых солдат и ставят на молодых полковников. Полковники же играют в своих солдатиков. Но то уже не оловянные всадники в красно-синих киверах. То крепкие парни в афганских панамах, пятнистых робах спецназа и черных беретах. И просто в грязных гимнастерках с опозоренными на городских площадях собственной страны буквами «СА» на погонах.

Вообще-то Харриета Эдер хотела сделать совсем другой фильм. Ее интересовало, как мальчики становились мужчинами, не успев отведать любви в мирной жизни. Кто была его первая женщина — русская или полька? Какая она была? Как творилась на войне любовь? Какие письма немытые, отчаянные, перепуганные отроки писали своим любимым? Прекрасный замысел. В каком же мире мы живем, если даже у нее, прелестной, счастливой, женственной западной фрау, этот фокус не удался?

Жизнь тянет на себя. Слишком больно натянуты струны.

И Слапиньш остался бы жив, продолжай он снимать красивые, наблюдательные сине-белые фильмы о шаманах и древних обычаях.

Но кровоточат колки.

Хотя в фильме Валерия Стародубцева и Олеси Фокиной «Автопортрет в гробу, в кандалах и с саксофоном» любовь есть. Я бы даже сказала, что это фильм о любви. Заключительная часть полнометражной ленты — панорама графики и скульптуры Сидура, такая обширная, какой мы никогда и нигде не увидим. В распятой бронзе, глине, гнутых трубах, фарфоровых изоляторах, целлулоиде, проволоке, раскрашенном дереве — восстание плоти, вакханалия страсти в могучих откровениях символики — грозный поход жизни против бесполого, кастрированного времени, сочащегося с экрана ржавой струйкой указов, постановлений, протоколов и газетных передовиц.

Вадим Сидур был старшеклассником-комсомольцем, когда в объявлении войны его в сердце поразили слова: «Братья и сестры». Он бросил пластилин и плакал, упав на кровать. Спустя годы его семнадцатилетняя Юля, единственная любовь, не смогла понять тех слез. Что в них, в словах из черной тарелки — ну, братья, сестры... Что ж такого?

Подрастало опасное поколение. Его можно было поднять на любое дело любым, точно рассчитанным словом.

Вадим Сидур — ветеран, пропущенный через мясорубку войны. Уже зрелым человеком он, затравленный, затоптанный государственным носорогом, с ностальгической нежностью вспоминал... комсомол.

Правильнее было бы сказать, что «Автопортрет» — фильм Олега Киселева, Стародубцева и Фокиной: он крепится на каркас прижизненных съемок Сидура, невозможен без них. Киселев, друг художника, по собственному замыслу Сидура фиксировал каждый шаг его подпольной жизни. Конечно, никакого адреса у того «домашнего» фильма тогда не было. Но время пришло — и материал оказался бесценным. Как любительская хроника военных дней. Как хроника рижских, вильнюсских, тбилисских операторов. Он тоже стал свидетельством.

Скульптор Сидур не объявлял войны государству, но не смог обслуживать его дедовщину. Может быть, именно потому, что близко знал другую войну — ее искалеченные образы населили знаменитый сегодня подвал. И за это государство развязало войну против своего солдата. Против его ран.

В немецком городе Касселе стоит памятник «Погибшим от насилия». В чистеньком немецком парке, среди немецких роз. Среди множества других обезумевших от боли изваяний Сидура на немецкой земле.

А под русской землей, в гнилом подполе русский художник, доведенный своей страной до полного физического разрушения, каждую ночь, приняв горсть таблеток, туго бинтовал глаза несвежей тряпкой и ложился в постель — каждую ночь, как в могилу. Чтобы ни одна вспышка, ни один звук бесконечной войны не проникал в сознание.

Стада носорогов, вытаптывая посевы и кладбища, мчатся на водопой к огненной чаше войны, и под канонадой их копыт прогибается земля. Русская, немецкая, балтийская, обетованная. Прогибается Земля, наша небольшая, с теннисный мяч, планета.

Галина Старовойтова приходила в ПРОКК. И так сказала: то, что происходит,— отнюдь не гражданская война, как считают многие. Гражданская война — это когда одни граждане воюют с другими гражданами той же страны за идею, власть или экономические преобразования. У нас же армия страны воюет с гражданами этой страны. Какая уж тут гражданская война.

Я люблю ее слушать. Мало кто обладает речью такой точной, умной и убедительной. Но я не согласилась с ней. Всякая война, даже мировая,— гражданская в том смысле, что люди воюют с людьми. Живем-то на одном мячике. В этом смысле в трактовке гражданской войны прав художник со своим — не знанием, но Предчувствием.

Но вопрос в другом — «что надо сотворить с людьми, чтобы они были готовы убивать друг друга»?

Парнишка из спецназа, запинаясь, рассказывает, как ночью на посту увидел в небе светящийся предмет. Крупный яркий шар. Он завис, потом исчез.

— Ты не стрелял? — спрашивают его.

Паренек пожимает плечами — широкие плечи, узкие глаза:

— Не было приказа...

Этот короткий фильм Виталия Манского «Пост» о Карабахском спецназе кончается неожиданно, как мог бы кончиться Апокалипсис:

Мертвое плато. На горизонте — мертвое дерево. От него отделяются три существа в касках. Облитые солнцем, они неторопливо и слаженно движутся в дрожащем мареве, коренастые гуманоиды с огромными, круглыми сверкающими головами.

А может, права мудрая Старовойтова, и с людьми уже давно воюют не люди...

* * *

...На заре нас будил ликующий горн с «Авроры». Интуристовская гостиница «Ленинград» построена аккурат напротив крейсера. Видимо, чтоб держать интуристов в тонусе. В развернутом на всю стену экране гостиничного окна вставал по утрам прозрачный, как хрусталь в серебре, Божий мир. Широкая гладь сияет, тонкий ночной лед медленно истаивает, открывая муаровые полыньи. Золотая шпага Петропавловки со свистом распарывает голубой шелк, и небеса реют на просторе двумя полотнищами, как праздничные корабельные флаги.

Всю неделю не могу я оторваться от этой редкой для скупого Питера солнечной благодати, но стараюсь не поворачивать головы. В правом углу экрана вмерзла в лед серая мемориальная туша.

Чем мне мешает славный революционный крейсер? Наверное, прав Александр Глебович — все мы, кто не вполне разделяет его романтической влюбленности в ОМОН и вообще в военных, забываем и предаем славу русского оружия. Может быть, все может быть... Во всяком случае, тень на крейсер падает. И она так сгустилась за последние семьдесят лет, что совсем затмила благородный серебряный отсвет русского флота.

Гуляя с нами по Ленинграду, не по годам взрослый мальчик из Москвы воскликнул: «Ну что за город — сплошной военный психоз!» Правда, куда ни пойдешь, всюду натыкаешься на небольшие зеленые пушки. Многие из них тоже еще стреляют. Так что ленинградцы к бэтээрам как бы психологически готовы.

Говорят, к военному положению можно привыкнуть быстро. Как привыкли к танкам под окнами ереванцы и вешали на их стволы белье. Когда одну из машин перегнали на новое место, малыш, выглянув поутру на улицу, заплакал: «А где же наш танк?»

Литовские телевизионщики умудрились заснять первые минуты захвата телецентра. Только что велись передачи, потом картинка пропала,— и вот уже по коридору топают солдаты, грохочут сапоги, мотаются автоматы, а лиц не видно, каски надвинуты низко, они упираются прямо в камеру.

Я не верю, что к ним можно привыкнуть — к сапогам и автоматам в наших мирных прокуренных коридорах. Впрочем, кадр литовского свидетельства будит мое воображение и выводит «мечту» на качественно новый уровень.

Из нашего кабинета с картинкой на двери (у придурковатых с виду зверюшек на лбу нацарапано: «Вова», «Алла», «Настя», «Дима») — мы вываливаемся в буфет — Вова, Алла, Настя, Дима. А навстречу, от линии горизонта, от разбитого окна, с грохотом, держа нас на прицеле, в ногу топают плечистые бородавчатые существа с литыми скафандрами голов. По лестницам наползают новые орды саламандр, и камень опасно прогибается от их слаженного шага.

Нет, боюсь, мы не готовы.

Наша жизнь — еще не антиутопия. Но, включая важнейшее из искусств,— очень близкое и острое Предчувствие.

Когда материал был закончен и сдан в секретариат, я узнала о смерти второго оператора группы Подниекса Гвидо Звайгзне.

БАНЯ ПО-БЕЛОМУ

Что такое «Арасан», знает в Алма-Ате, конечно, каждый, даже тот, кто ни разу не переступал порога этого великолепного комплекса бань.

— Как же, это тот самый мраморный дворец, что воздвигнут в застойное время,— скажет один из таких знатоков,— наслышаны-с, что банька обошлась народу в семь миллиончиков (другой знаток назовет 10, а то и все 15.—**Ю. Л.**), только ведь простому человеку туда не попасть, все для этих.— И ткнет пальцем в потолок...

Ох уж эти знатоки. Что тут скажешь? Наверное, не стоит всех собак вешать на застойное время. Конечно, «Арасан» (целебный источник в переводе) не баня по-черному на даче. Это уникальное сооружение, сразу же ставшее архитектурной достопримечательностью столицы Казахстана. «Арасан»— это лечебно-оздоровительный центр с врачами и опытными массажистами, способный удовлетворить самые привередливые вкусы посетителей. «Арасан»— это баня по-белому, вернее, комплекс бань. Тут и традиционная русская баня с жаркой парной, с березовыми и дубовыми вениками, которые здесь же и продаются. Тут и финская сауна с сухим паром. Тут и восточная баня с подо-

ным бассейном (первый ряд партера, так сказать) — пять сорок, но в душевое отделение (галерка) — всего 35 копеек, причем дети до 12 лет (при родителях) всюду проходили бесплатно. С апреля, увы, подорожала и банная жизнь в три с лишним раза. Так что, как сказку, запомним старые цены. Впрочем, кому не нравится — не ходи. Но идут потоком, потому что давным-давно сказано: «Баня парит, баня правит». Особенно такая, как «Арасан».

Юрий ЛУШИН,
собственный корреспондент
«Огонька»

Фото
Владимира ВЕЛЕНГУРИНА

греваемыми полом и каном (лежанкой), с круглым, необычайной красоты бассейном под высоченным куполом. За двухчасовой сеанс «Арасан» принимает почти триста человек, а в день таких сеансов — семь. Думаю, для более чем миллионного города не так уж много, и будь моя воля, я бы построил еще хотя бы парочку таких комплексов. Пока же приходится записываться заранее, чтобы попасть на сеанс банной терапии. Кстати, о ценах. До апреля они были сопоставимы с театральными. Вход в русскую баню, например, стоил три двадцать, в «Люкс» с индивидуаль-

БЕСЫ В ПАРИЖЕ

Дерек КАРТУН
РОМАН

О находке в лесу Ингрид и Серж услышали в восемь утра — в сторожке было радио.

— Наконец-то нашли. — сказал Серж.— Представляю, в каком виде!

— Пакость! — Ингрид вся передернулась и выключила радио.— Он еще и не мылся никогда, скотина! — В голосе ее прозвучало неподдельное отвращение.

— Пойду погляжу, что там делается,— решил Серж.— А потом кофе выпьем, тут у старика есть.

Он спустился по ступенькам и направился к забору со стороны авеню Рузвельт. Отыскав щель между досками, он выглянул наружу и увидел прямо перед собой черную стену — спины полицейских и спецназовцев, стоявших в ряд вдоль тротуара. Сердце у него внезапно замерло, подогнулись колени. Он осторожно пошел вдоль забора, метров через тридцать нашел другую щель и выглянул снова: то же самое! Их, выходит, окружили... Ничего себе — хорошо спланирована операция! Эта девка — фанатичка, она только о взрывах и думает, а как прикажете отсюда выбираться? Так вот почему она именно его выбрала для нынешней акции: только потому, что уверена — он все сделает, как она велит. Он-то свою часть работы выполнит. Но они же ему обещали путь к спасению — это их часть работы. Сейчас только восемь, а полицейские так и кишат. Что же будет через два часа? Он бегом вернулся в сторожку.

— Мы в оцеплении! Полицейские плечом к плечу стоят, по всем тротуарам — нас предали, это точно!

— Да уймись ты,— сказала Ингрид невозмутимо.— Никто нас не предавал. Я же тебе обещала — сделаем, что собирались, и уйдем.

— С разрешения полиции и спецназа, что ли?

— Не собираюсь обсуждать с тобой подробности. Сделаем дело, откроем ворота и выйдем — больше пока ничего не скажу.

— Не верю!

— Это уж как тебе угодно.

Серж замолчал. Она сумасшедшая, что ли? Или правда сговорилась с полицией? Как это они запросто отсюда выйдут — на глазах полицейских? Не могла же она договориться с каждым из них. Быть такого не может, это невероятно, врет она все. Но ведь... но ведь всегда операции разрабатывались так дотошно, полиция всегда оставалась с носом. На первый взгляд невероятно, но может, она все-таки права?

Внезапно он решился.

— На меня не рассчитывай,— заявил он.— Дело наше — это, конечно, важно, но к самоубийству я как-то пока не готов. Ты что, не понимаешь, что, если мы высунемся отсюда после взрывов, нас тут же пристрелят?! Они только того и ждут. Может, вы с кем-то там и договаривались, с большим начальством, может быть. Но уж рядовым-то только дай пострелять, разбираться они после будут...

Он резко поднялся со скамьи, на которой до сих пор сидел, не слишком хорошо представляя, что сделает в следующий момент. Ингрид сидела напротив него за столом. Взгляд его упал на пистолет в ее руке. Он перевел глаза на ее лицо — неподвижное, ничего не выражающее, и ничего не прочел в глазах, однако почувствовал: убить его она может, для нее это — не проблема. Он так и стоял, облокотясь обеими руками о стол.

— Я в тебе ошиблась.— Голос Ингрид, когда она заговорила, был тверд и значителен.— Доложила штабу, что ты надежен. Что ты все сделаешь по высшей марке. И никого не выдашь, если тебя схватят. Но я теперь вижу: ты просто трус. Еще ничего не произошло, а ты уже раскололся.

— Не трус, а обыкновенный человек. Рисковать я готов, но это — западня, в такие игры не играю.

— Говорю тебе — полиция нас пропустит.

— Ты лжешь — или только мне, или и себе тоже. По правде сказать, мне кажется, ты просто бредишь. Это же бред — выйти прямо под выстрелы. А еще больший бред — сидеть здесь и ждать, пока нас схватят.— Он попытался встретиться с ней взглядом, но не получилось.— У меня ни малейшего желания повидаться в их подвалах с заплечных дел мастером — ты их методы знаешь...

— Ты трус, но постарайся свою трусость преодолеть.

— Да не трус я, а просто человек. Вот этого тебе никогда не понять.

— Все трусы так говорят.

Серж почувствовал, как в нем вскипает злоба,— до тошноты, до головокружения, она придала ему храбрости. Убить его Ингрид не убьет — ей одной с минометом не справиться. Тогда она свою миссию не выполнит, а для нее только это и важно.

— Я тебе не Жан-Поль, понятно? — выкрикнул он ей в лицо.— Меня не купишь — хоть на серебряном блюде себя поднеси. Думаешь, я не понимаю, почему ты с ним расправилась? Насчет его ненадежности — это одна болтовня. Просто стыдно стало, что ты с ним спишь. Сама себе этого простить не могла. Что уж там с тобой, не знаю, но только по женской части у тебя непорядок. Сама себя ненавидишь, а заодно и всех остальных, между прочим, тех, ради кого все наше дело и затеяно. Ах да, ты дело наше любишь, только эта любовь тоже какая-то истерическая. Само по себе дело никаких чувств не имеет и ни в ком не нуждается. Не то что живые люди: этим и сочувствие нужно, и понимание. А у тебя и тебе подобных такого товара не водится...

— Ах ты, грязная свинья, никогда тебе этого не прощу! Все, что ты тут мелешь, это ложь... ложь, слышишь? — Глаза Ингрид горели, голос звенел, однако палец на спусковом крючке — Серж это отчетливо видел — не дрожал, казался совсем белым, бескровным. Но почему-то он перестал ее бояться и продолжал говорить, не заботясь больше о последствиях. Слова так и рвались из него:

— Жан-Поль — он кто был? Просто бедолага, ничего хорошего в жизни не видел. Грубый, конечно, неотесанный. Образования не получил, в политике не разбирался. Ну и что? Он же был наш человек, он столько сделал! А насчет того, почему он это делал,— да кто ты такая, чтоб об этом судить?

— Заткнись ты, свинья вонючая! — Ингрид почти визжала от злобы, исчезли ее наигранное спокойствие и привычно повелительный тон. Глаза затуманились, лицо пошло пятнами, на тонкой шее вздулись жилы.

— Можешь орать сколько хочешь, не очень-то это умно с твоей стороны, стрелять ты все равно не посмеешь. Во-первых, акция твоя провалится к чертовой матери, а, во-вторых, если меня тут найдут, в штабе сразу разберутся, что это ты меня шлепнула. Хоть что хочешь им наплети, один малюсенький вопросик они все равно зададут: как же это получилось, что ты жива? В чьих это интересах, чтобы Серж умер, а Ингрид живехонька осталась? И благополучно скрылась с места происшествия? Трудно будет объяснить, правда ведь? После того как ты всегда ухитрялась сухой из воды выйти... Не-ет,— они подумают,— это и вовсе уже не в дугу. И кто-нибудь — Феликс, может, как его там? — он скажет: хватит с нас таких совпадений, лучше уж развязаться с этой Ингрид, хотя польза от нее и была. И отведут тебя в тихое местечко, и всадят парочку пуль в твою красивую шейку — просто потому, что подозрения возникли...— Он замолчал и перевел дыхание, пораженный собственным красноречием.— Так что пока ты в меня стрелять не станешь. Потом, конечно, когда из миномета пальнем, тут ты свое возьмешь. Но я дожидаться не буду.

Ингрид уже снова держала себя в руках, голос ее прозвучал, как всегда, ровно:

— Хоть шаг сделаешь к двери — стреляю! Руки со стола! — Она вскинула пистолет.— Сидеть тихо!

Он убрал было руки, но тут же схватился пальцами за край стола и резко опрокинул его, одновременно бросившись на пол. Пуля ударила позади него в деревянную стену. Ингрид вскочила на ноги, но снова выстрелить не успела — Серж, рванувшись вперед, схватил ее за обе руки и выкрутил пистолет; он упал на пол, Серж поднял его.

— Легко ты стреляешь — аргументов, что ли, не хватило? Успокойся — я-то стрелять не собираюсь. А ну сядь!

Она молча опустилась на стул — спина гордо выпрямлена, голова откинута. Взгляд ее передвинулся с пистолета на опрокинутый стол.

— А ну, без фокусов. В случае чего выстрелю. Убери ноги от стола подальше.

Она послушно задвинула ноги под стул и глянула ему прямо в глаза.

Окончание. См. «Огонек» №№ 11—21.

— А я и не знала, что ты к Жан-Полю ревнуешь. Если дело в этом, так договорились бы как-нибудь, ты и я. Такой красивый парень, ты мне нравишься — как раз люблю сильных и агрессивных...

— Жаль, Ингрид, ты и вправду не поняла. Я не из тех мужиков, что сами плывут в ваши лапы,— вроде тех пауков, знаешь, которых самки съедают, как только они свою задачу исполнят. Ты мне и не нравишься вовсе, но за предложение спасибо.

Она не ответила, ее взгляд блуждал по стенам, видно было, что она все-таки надеется перехватить инициативу.

— Послушай-ка,— произнес Серж.— Я отсюда смываюсь. Немедленно. А ты оставайся и стреляй себе из миномета, если хочешь. И если можешь. Только предупреждаю: для этой штуки нужны двое, пока один держит ствол, второй заряжает, одному не управиться. Но это твоя проблема. Если ухитришься отсюда благополучно уйти, в штабе, конечно, расскажешь про нашу маленькую ссору. Уж непременно они мне вынесут смертный приговор. Только сначала надо будет меня отыскать...

— Из-под земли достанем. Полиция на нас поработает. А уж когда найдем...

— Хватит грозить, Ингрид.

В углу сторожки он заметил веревку, подобрал и скрутил ей руки за спиной, привязав к стулу.

— Через полчаса ты, пожалуй, и освободишься,— рассудил он.— Еще останется время установить миномет. Желаю успеха. Я бы и сам стрельнул, только потом отсюда не выберешься. Так что действуй на свой страх и риск.— Сунув в карман пистолет, он развернулся на каблуках, вышел из сторожки и захлопнул за собой дверь.

В половине десятого сотрудник ОТО доложил, что Руассе недавно видели на одном из перекрестков, но куда он делся потом, никто не знает. «Уж не отправился ли он по своим делам?» — встревожился Баум.

Они с Алламбо в полном расстройстве сидели в радиофургоне и прикидывали, в какой момент ждать станет уже невозможно и придется сказать полиции или спецназу, что на стройплощадке прячутся террористы. И тогда те наверняка пожелают участвовать в операции. Но если хоть кто-нибудь появится на стройплощадке раньше времени, то террористам, вне всякого сомнения, позволят уйти, все дело окажется на волоске. А если упустить момент и не поставить их в известность, то при расследовании его, Баума, неизбежно обвинят: мол, сознательно утаил информацию и тем самым помешал арестовать преступников. В любом случае виноватым окажется он, если только... Словом, время сейчас решает все!

Радиооператор, сидя в наушниках, принимал донесения сотрудников ОТО и время от времени — просто от скуки — переключался на частоты, где переговаривалась полиция. Вдруг он схватил блокнот и карандаш и начал записывать. Потом жестом подозвал Баума и протянул ему вторую пару наушников. Кто-то с перекрестка Рон Пуан беседовал с префектурой:

— Прихлопнуть их радио? Хорошо, передам инспектору... Да, где-то тут, на соседней улице... Нет, обыск мы не делали. Радиофургон на месте, а люди порасходились. Куда их послали, мы не знаем. Да, шеф...

Баум стянул наушники.

— Через минуту они появятся здесь,— сказал он верному Алламбо.— Чтобы заткнуть нам глотку. Ну и пусть, весьма кстати — потом это будет выглядеть просто замечательно. Мы отсюда исчезнем. А вы с водителем,— распорядился он, обращаясь к оператору,— вы остаетесь. Протестуйте, посопротивляйтесь немного. Если что из оборудования окажется сломанным, вам отвечать не придется.— Он усмехнулся, подмигнул и похлопал оператора по плечу.— Только чтобы сами остались целы, ладно?

— Ладно, шеф!

До 9.45 Баум безуспешно пытался связаться через свой отдел с командованием частей специального назначения, с заместителем министра внутренних дел или главным инспектором полиции, даже мэру Парижа чуть было не позвонил, но вовремя спохватился: этот-то уж наверняка на параде.

Не осталось, пожалуй, ни одного облеченного властью лица, кто мог бы разрядить ситуацию. Подумал Баум и о премьер-министре, но сразу же от этой мысли отказался: пока объяснишь этому осторожному и изворотливому политикану все, что он захочет узнать, прежде чем отдаст какое-либо распоряжение, слишком много времени уйдет. Да и кто его знает, где он проводит погожий воскресный денек...

Оставалось всего полчаса до того момента, как по Елисейским полям сверху торжественно двинутся полицейские на мотоциклах, за ними — первая колонна участников парада, наиболее достойные из них: борцы освободительной армии, ветераны уличных боев в Париже в июле—августе сорок четвертого. Вдоль тротуаров и возле перекрестка Рон Пуан стояла плотная, шумная толпа, перед самой стройкой в оцеплении толпились одни только черные мундиры. Звуки оркестра республиканской гвардии перекрывали гомон праздника. Многие пришли с детьми и теперь подняли их на плечи. Повсюду продавались разноцветные флажки: цвета Франции и с деголлевским лорренским крестом [1], даже британские и американские. День обещал быть жарким.

Баум оставил при себе двух снайперов и еще пару оперативников — все остальные были посланы на поиски неуловимого Руассе.

— Если бы он знал, что ему наконец представляется случай принять участие в историческом событии, он бы сам как миленький прискакал,— утешил Баум себя и Алламбо.

Машина ОТО стояла в двух кварталах от Рон Пуан. В 9.53 с улицы Соссэ сообщили, что Леон нашел-таки Руассе на площади Конкорд и тот готов встретиться с Баумом. Они едут к Рон Пуан.

— Ступай перехвати его,— сказал Баум инспектору Алламбо.— Тащи его сюда поскорей. Скажи, у меня к нему личное поручение от президента.

— Он что, такой простак? Поверит?

— Вполне. У него повышенное чувство собственной значимости, этим мы и воспользуемся.

Алламбо явился на Рон Пуан как раз в тот момент, когда Руассе вылезал из машины. С ним был Леон. Пока Алламбо передавал слова Баума, офицеры полиции при виде заместителя начальника префектуры засуетились: кто-то одернул мундир, двое поспешно натянули снятые перчатки. Руассе величественно помахал им рукой и удалился в сопровождении Алламбо. Леон испытал приятное чувство самоуважения, успеха, даже профессиональную гордость — он обожал тереться возле начальства.

— Ну и как вы полагаете, я могу выполнить эту вашу просьбу? — спросил Руассе, сидя рядом с Баумом в его машине. Баум начал было объяснять, но тут вмешался водитель — он все время слушал по радио переговоры полицейских между собой:

— Извините, опять насчет нас...

— Послушайте сами,— предложил Баум собеседнику.— Думаю, это вас лучше убедит.

Снова говорили с командного поста на перекрестке Рон Пуан:

— Руассе приехал, и с ним из контрразведки... Как поступить, если он попытается отменить ваш приказ? Да, понял. Только сам господин префект... На параде? Так вы с ним поговорить не можете? Ладно, попытаюсь сам отказать, только это трудно, вы же этого напыщенного индюка знаете...

— Когда все кончится, я с этого субъекта шкуру спущу,— пообещал Руассе, лицо его побагровело от унижения и уязвленного самолюбия.— Пошли, сейчас я им устрою!

Чтобы освободиться от веревки, Ингрид понадобился почти час. Серж, затягивая узел, не пожалел сил — сырые волокна так и впились в нежную кожу. Ингрид долго извивалась, перетирая веревку. Когда она сумела все-таки высвободить руки, на запястьях у нее были кровавые ссадины. Она беззвучно рыдала в отчаянии, но боли почти не чувствовала.

В те минуты, когда Баум и Алламбо перебирались из радиофургона в свою машину, Ингрид откинула брезент, укрывавший миномет, и начала развязывать бумагу, в которую он был упакован вместе со всем снаряжением. Собирать его не пришлось — они с Сержем принесли оружие в готовом виде. Две красные бризантные мины и дымовая шашка аккуратно лежали в своих гнездах. Тут Ингрид вспомнила о воротах — Серж, выходя, оставил их незапертыми. Она вышла, пересекла стройплощадку и задвинула засов.

Потом подыскала место, где лучше всего установить миномет: между строящимся зданием и высоким забором нашелся достаточно ровный, уже забетонированный пятачок. Она проверила оружие, припоминая по пунктам недавно прочитанную инструкцию. Вынула мины из гнезд и уложила их рядом с минометом. Минут десять ушло у нее на то, чтобы придумать, как зарядить миномет в одиночку. С помощью подобранных тут же кирпичей и дощечек она установила и закрепила ствол под таким углом, чтобы мина, если ее опустить одним концом в дуло, сама бы скользнула вниз.

Она даже попрактиковалась немножко, поднимая мину и поднося ее к жерлу ствола. Сооружение сработает, она уверена. На часах было без десяти десять — целых двадцать пять минут в ее распоряжении.

Она подумала о Серже. Теперь-то она знает — он вполне способен пойти в полицию и все там выболтать. Только что он будет делать после? Скрыться ему нипочем не удастся: в штабе известны имена его родственников и приятелей, выследить его ничего не стоит. Тянуть они не станут: слишком много этот трус знает. Не дай Бог, контрразведка их опередит, они-то его разговорят, в этом она не сомневается — сегодня утром он себя показал. Как же она в нем ошиблась, какой же это подонок!

А что станется с ней самой? Неужели это конец? В штабе ей обещали, что она сможет уйти отсюда беспрепятственно, но ей не верится. Тут Серж прав: одно дело — большой начальник, он что угодно пообещает, но рядовой полицейский просто стреляет — и все. Раньше во время акций она не думала о смерти или о провале. Все даже говорили, будто у нее нервов нет. Чепуха это, просто она умеет держать себя в руках. У нее железная внутренняя дисциплина с самого детства. Тогда это было ей необходимо и потом — во все времена. Если ребенка бить, то он либо ломается, либо становится сильным. Она еще маленькая была, не все сознавала, но уже тогда решила: ее не сломают. Побои, жестокость, которыми сопровождалось все ее детство,— это цена, которую слабый платит за то, чтобы обрести силу. Поэтому она такая сильная. А сила — главное достоинство человека. Если каждый будет сильным, то и все общество тоже, в конечном итоге — вся нация. А отсюда всего шаг к преклонению перед героями — вершителями истории. Когда, скажите, страна овеяна была славой, когда в ней царили уважение к законам, дисциплина, настоящий порядок? При Наполеоне. При Гитлере. Не совсем, но почти — при де Голле. Совсем малышкой она плакала по ночам, мечтая, чтобы прекрасная фея унесла ее в страну, где царствуют мир и любовь. Потом, когда выросла, ее кумиром стал сильный правитель,— он выметет всю нечисть, все это убожество, он наградит истинные добродетели — послушание, стойкость, смелость. Эта мечта поддерживала ее, когда она играла в смертельные игры с бомбами и автоматами. Ницше бы ее понял. А из французов — Петен...

Этот миномет бьет не меньше чем на сто метров. Главное — чтобы не было перелета. Если пустить мину почти вертикально, через забор, навстречу движущимся колоннам, она упадет далеко, возле какого-то другого здания, и там не сразу поймут, откуда стреляли. Ее мысли раздваивались: практические соображения насчет того, что предстоит сделать прямо сейчас, и тут же какие-то далекие, смутные воспоминания. Все из-за Сержа, из-за его мерзкой выходки...

Она вдруг почувствовала, что снова плачет. Как давно с ней этого не бывало! Она попыталась унять слезы — о чем ей сейчас плакать? «О моей пропавшей жизни,— призналась она себе.— О том, что совсем скоро я умру, а так и не влюбилась ни разу».

ГЛАВА XVII

Руассе в сопровождении Баума, который семенил рядом, и Алламбо, державшегося чуть позади, подошел к группе офицеров полиции и спецназа в четыре

[1] Лорренский крест — эмблема голлистов.

минуты одиннадцатого. Шум толпы к этому времени уже достигал перекрестка, перекатываясь волнами по мере того, как процессия приближалась. С середины улицы ее уже было видно, впереди шествовали политические и общественные деятели при всех регалиях, сопровождаемые знаменосцами,— знамена принадлежали множеству организаций: ветеранов армейских частей, политическим группам, профсоюзам, разным ассоциациям. Позади двигались со своими оркестрами военные, сопровождаемые разнообразной техникой. В светлом утреннем небе непрестанно вычерчивали гигантский лорренский крест несколько самолетов «Мираж». Возглавлял процессию весь в белом мотоциклист, с трудом удерживавший мощную машину на малой скорости.

— Что это тут происходит? — спросил Руассе старшего по званию полицейского офицера, на его коллегу из спецназа он даже взглянуть не пожелал.

— Ничего не происходит,— растерянно ответил офицер.

— Кто ответственный за радиосвязь?

— За нашу радиосвязь?

— Да, конечно же, за вашу!

— Инспектор Дюбоск.

— Он мне нужен немедленно!

— Тьфу ты,— шепотом сказал Баум инспектору Алламбо.— Ему бы первым делом самоутвердиться, про нас он и думать забыл.

Еще минута ушла на поиски злосчастного Дюбоска. Наконец он прибыл — сама предупредительность и внимание.

— Вам известно, кто я? Как меня зовут?

— Разумеется. Вы — господин Руассе, заместитель префекта полиции.

— А еще кто?

Баум почувствовал отчаяние — тут уж он ничего поделать не может.

— Разве это не вы назвали меня совсем недавно напыщенным индюком? — вопрошал между тем Руассе, почти наслаждаясь ситуацией. Офицер, красный как рак, стоял молча, будто язык проглотил.

— Я имел удовольствие только что прослушать ваши переговоры по радио, этим я еще займусь и вами особо, можете быть уверены. А пока — очистите тротуар.

— Но у нас приказ, господин Руассе...

— Я кому сказал — очистить тротуар! — взревел Руассе, голос его сорвался почти на визг. Полковник спецназа рискнул вмешаться:

— И у меня приказ...

— А вы,— заорал Руассе, обрушивая начальственную ярость на него,— а вас я попрошу заткнуться! Находясь на улицах Парижа, вы подчиняетесь префектуре. Здесь префектура для вас — я, я, Ален Руассе. А теперь немедленно очистите от людей тротуар и пропустите сотрудников отдела территориальной охраны. Быстро, я говорю!

Он не успел еще докричать свой приказ, как сотрудники отдела уже бросились к стройплощадке. Было одиннадцать минут десятого, колонна находилась метрах в ста от опасного места — там она приостановилась на минуту, строго придерживаясь распорядка, и снова неспешно двинулась.

Руассе еще не закончил разнос.

— Ваше имя как — Жоспен? — набросился он на старшего офицера.— А ваше, полковник?

Полковник Рок счел за лучшее больше не спорить и назвал себя, как положено, по всей форме.

— Жоспен, отвечайте, выходил кто-нибудь со стройплощадки, которую вы столь ревностно охраняете?

— Примерно час назад вышел один из сторожей.

— Вы хотите сказать, что это он так представился — одним из сторожей?

— Это было именно так, господин Руассе.

— Merde! — услышал Баум, сразу поняв, что означает сие неблагозвучное восклицание: одного, по крайней мере, уже упустили. Он кивнул Леону — что там ни говори, это был его, Леона, звездный день.— Бегом давай!

— Стрелять разрешается?

— Можно.

Позади линии полицейских оперативники ОТО уже взламывали ворота. Под ударами железных ломиков они устояли всего полминуты: засов поддался, тяжелые створки повисли на одной петле. Полицейские и спецназовцы изумленно наблюдали, как небольшая группа штатских в помятых костюмах и нескладных ботинках стремительно разбегается по стройплощадке.

Ингрид все подготовила. Она стояла на коленях на бетонном пятачке, дожидаясь, пока процессия дойдет до угла строящегося здания, так, чтобы первый снаряд упал метрах в пятидесяти позади тех, кто идет в первом ряду. Там, в этих рядах, есть люди, которым никак не следует причинять вреда. Она уже собралась с силами и испытывала странное спокойствие. Ей помнилось, что во время прежних своих акций она не бывала так уж совсем спокойна.

С ее места не было видно ворот, поэтому она не заметила, что на стройплощадке появились люди. Не слышала даже, как взламывали ворота. И снайперов она не видела, а они уже карабкались по лестнице на башенный кран. Приказ им дан был четкий: убить. Если после первого выстрела останется жив, только ранен,— стреляйте снова,— сказали им.— На следствии выкрутимся как-нибудь.

Ружья с оптическим прицелом висели у них за спиной, пока они поднимались, останавливаясь через каждые десять—двенадцать ступенек, чтобы осмотреть площадку сверху. С высоты примерно двадцати метров они заметили Ингрид — она стояла на коленях спиной к ним. Стрелки тут же расчехлили ружья.

— Я мечу в голову,— сказал один.— Ты целься пониже.

— Постой-ка, да это девушка!

— Ну и что? Они все одинаковые.

Снайперы разговаривали, держа цель на мушке.

Ингрид подняла к стволу миномета бризантную мину. Хорошо бы дымовую сейчас, вот был бы переполох, но не может она позволить себе такое удовольствие. Миномет стоял наготове, она опустила свою ношу в дуло и чуть подождала, пока та опустится: тогда только можно нажимать на спусковой механизм — так сказано в инструкции. Мина заскользила вниз. Вот он и настал — важнейший момент в истории их движения. Через секунду она услышит взрыв, а вслед за ним — панические крики. Это и есть политический эффект — паника, вопли, страх. Это и значит — добиться политического результата. В конце концов, миномет или револьвер олицетворяет власть...

В момент, когда мина заскользила вниз по желобу, оба снайпера выстрелили одновременно, а Ингрид резко наклонилась, успев нажать на спуск.

Пуля, нацеленная в голову, просвистела мимо, а вторая, та, что метила в сердце, попала в плечо — мина уже двинулась по стволу вверх. Девушка дернулась от толчка и упала прямо на жерло, мина вошла ей в грудь, пробила тело насквозь и, ударившись о бетон, тут только взорвалась.

— Господи Боже,— произнес снайпер, попавший в цель.— Девушка! Боже ты мой!

На следующий день Жорж Вавр был вызван к президенту для отчета о вчерашних событиях и дальнейших планах. Утром случилось несколько мелких происшествий, которые не остались не замеченными в отделе территориальной охраны. С утра министр внутренних дел Ги Маллар побывал в президентском дворце, и вскоре после этого Вавра попросили быть около пяти вечера на месте — с ним желают побеседовать. Все попытки Баума связаться по телефону с Руассе оказались безуспешными: сначала ему отвечали, что господин Руассе в префектуре, но занят и не может подойти, потом — что он вообще ушел и вряд ли вернется, на два последних звонка просто положили трубку. От чьего-то приятеля-журналиста в отделе узнали о том, что в четыре состоится пресс-конференция по поводу успешной ликвидации террористской группы. Проведет пресс-конференцию официальное лицо из аппарата премьер-министра.

Президент был с Вавром не слишком любезен. Слушал его с кислым видом, перебивал и торопил.

— У меня назначена еще одна встреча. Ограничьтесь, прошу вас, только ответами на вопросы. Вы намерены провести еще какие-либо аресты?

— Возможно. Мы охотимся за тем, кто сбежал с места происшествия, описание злоумышленника у нас имеется.

Никакого интереса не выразил президент и тогда, когда Вавр доложил, при каких обстоятельствах был задержан Бернар Пеллерен, он же Бруно, и объяснил, почему его пришлось отпустить. Наверняка полная информация об этом происшествии уже дошла до первого лица государства.

— Хорошо. Мои помощники свяжутся с вами.— Президент поднял телефонную трубку, давая понять, что встреча окончена.

— Знаю я эти дела,— сказал позже Вавр Бауму.— Государственный аппарат сейчас изо всех сил отмазывается от того, что мы раскопали.

— Но парня, сбежавшего со стройплощадки, поймать можно, он кое-что порасскажет.

— Если так все и дальше пойдет, не успеем.— Вавр говорил, будто думал вслух.— Мы сейчас из области контрразведки попали в джунгли политики, друг мой. А в джунглях, как тебе известно, каждый норовит другому за спину зайти...

В четыре состоялась многолюдная пресс-конференция. Официальное лицо сделало заявление о том, что во время парада была намечена террористическая акция, но ее, к счастью, успели предотвратить благодаря бдительности полиции и частей специального назначения. Один террорист убит. Ранее другой участник той же группы был задержан полицией в районе порта Жавель, на месте задержания найдены бомбы и другое оружие.

— Кто они — троцкисты, маоисты? — задал вопрос кто-то из зала.

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

— Мы располагаем информацией, что это анархисты,— последовал ответ.

— Откуда они получали деньги и оружие?

— Есть основания считать, что они поддерживали связь с остатками итальянских «красных бригад». Часть обнаруженного вооружения — итальянского производства. Расследование в этом направлении еще не завершено.

Тот журналист, у которого были друзья в отделе территориальной охраны, спросил:

— Не могли бы вы прокомментировать слухи, будто раскрытая группа принадлежит к крайне правым экстремистам?

— Это не соответствует действительности. Можно судить хотя бы по тому, кто и что подвергалось их атакам. Для подобных слухов нет оснований.

— Ходят также разговоры о разногласиях между службами, отвечающими за государственную безопасность.

— Эти разговоры абсолютно беспочвенны.

— Играл ли какую-то роль в ликвидации данной группы отдел территориальной охраны? — спросил:

— Только косвенную. Роль этого отдела, как вам известно, ограничивается надзором за иностранцами.

Ведущий передал личную благодарность от премьер-министра полиции за проявленную бдительность и поблагодарил министра внутренних дел и префекта полиции за то, что деятельность террористов в Париже полностью пресечена.

— Так и должно было случиться,— философски заметил Вавр, проглядывая телепринтные листки с отчетом о конференции.— Не могут они признать, что это были правые,— тогда бы всплыли имена весьма почтенных господ. Того же Пеллерена, к примеру. А на плохую работу полиции в нашей стране даже и намекнуть нельзя, преступность и насилие — слишком деликатные темы для политических деятелей.

Явившись к пяти часам в кабинет к министру внутренних дел, Вавр был готов ко всему.

— Президент и премьер-министр хотят как можно скорее нормализовать ситуацию. Именно по этой причине ваш друг Руассе получил новую должность — он теперь заместитель начальника главной полицейской инспекции, отвечает за положение в южных регионах,— нескрываемая ирония прозвучала в словах «ваш друг».

Жорж Вавр ничего не сказал в ответ, только улыбнулся. Министр продолжал тем же скучным тоном:

— Сегодня у меня побывал префект полиции, мы долго беседовали. Я удовлетворен результатом этой беседы — он сам назвал кандидатуру человека, которого хотел бы видеть на месте Руассе.— Тут министр откашлялся.— Кроме того, президент просил меня передать вам кое-что лично. После вашей сегодняшней встречи он хотел бы сказать вам, что расследование, ранее вам порученное, можно считать законченным. Вы меня поняли?

— Понял, господин министр.

— Он сказал также, что дальнейшими расследованиями относительно этой и других террористических групп надлежит заняться полиции.

Вавр кивнул в знак согласия. Министр сделал жест, означающий, что беседа закончена.

— Вот и все, господин *заместитель префекта.* Благодарю, что вы пришли.

Когда, тяжело поднявшись со стула, Жорж Вавр уже направлялся к дверям, министр остановил его как бы небрежно:

— Ах да, еще одно.— Он снова слегка закашлялся.— Досье...

— Досье, господин министр?

— Да, все досье, касающиеся лиц, так или иначе имеющих отношение к этому делу. Имен я не перечисляю, но мне бы хотелось с ними ознакомиться. Пришлите мне их завтра пораньше.

— Включая и те, что заведены на членов правительства?

— Да. Я же сказал — всех, кто проходит у вас по этому делу.

— Хорошо.

И Вавр тяжелым шагом направился к себе в отдел, в соседний подъезд того же здания.

Бауму он напомнил:

— У нас и раньше требовали досье, помнишь, Альфред? Так что ты знаешь, что делать.

— Знаю. Все надо дублировать. Абсолютно все, чтобы сохранить архив полностью.

— Министры приходят и уходят, а архивы остаются. Так что это я поручаю тебе.— Наступила небольшая пауза.— Послушай, старина, а что ты все же думаешь насчет этой утечки информации? Теперь, когда все позади?

— У меня раньше были подозрения, которые теперь перешли в уверенность.

— Ну?

— Этот паршивец Пишу, когда тут поливал грязью своего благодетеля Пеллерена, сказал одну любопытную вещь. У меня тогда возникло какое-то подозрение — я и попросил инспектора выяснить как бы невзначай, где благодетель провел тот день, когда мы сообщили Маллару, что задержали Пелленова сынка, и попросили дальнейших указаний. Помните, Маллар сказал, что перезвонит через пятнадцать минут, а потом сказал, будто поговорил с папашей Пеллереном, и сынка, мол, надо поскорее отпустить. Так вот Пишу утверждает, что в тот день его босс в министерстве не появлялся и был в таком месте, куда дозвониться невозможно, то есть у дамы. Так что, может, это сам Пишу дал нам указания. Во всяком случае, моя точка зрения подтвердилась — Маллар хотел, чтобы мы прекратили расследование. Зная о его давней дружбе с Хеммингом, я в этом уверен. Хотя, может, трибунал счел бы эти факты недостаточным доказательством его вины. И потом — с психологической точки зрения — Пеллерен не стал бы проделывать этот фокус с инициалами. Слишком уж примитивно для такого матерого, старого политикана. Скорее всего, к двойному блефу прибегнул Маллар, на него это больше похоже.

Он умолк и задумался.

— Подумать только, такой грязный делец у власти, хотя вслух об этом говорить и не следует, он наш начальник.

— Ладно, Альфред, я тебя не слышал.

— Но мое мнение тут хоть что-нибудь да значит?

— И да, и нет. Нет, потому что никто этой историей больше заниматься не станет. Да, потому что я бы хотел, чтобы в архивах хранилась правда, даже если мы сидим по уши во лжи. У меня просто пунктик насчет архивов.

— Как же я могу занести в досье свои подозрения, хоть я абсолютно уверен, что они правильны?

Вавр усмехнулся:

— А это уж не моя проблема, Альфред, сам соображай.

Во вторник американского посла пригласили на набережную Орсэ. Министр иностранных дел принял его чрезвычайно тепло и угостил великолепным шерри, в который собственноручно, из уважения к высокому гостю, бросил кусочек льда.

— Счастлив видеть вас, господин посол, надеюсь, вы и ваша супруга в добром здравии.

— Вполне,— коротко ответствовал посол. Он еще не забыл неприятную беседу с президентом и был намерен, если нападки тут, в министерстве, возобновятся, как можно быстрее прервать встречу. Но, судя по любезности, которую проявляет министр, она затянется.

— Очень мило с вашей стороны, что вы пришли, как только получили приглашение,— продолжал министр.

— Мне это только приятно,— ответил посол. «Что, черт возьми, тут происходит?»

— Я вот почему вас пригласил,— сказал министр, заглядывая в свой бокал с такой осторожностью, будто ожидал увидеть в нем лягушку.— В нынешнем году мы хотим организовать у себя небольшие торжества,— он чуть помолчал и продолжал доверительно: — Йорктаун, вы понимаете?

Посол слыхом не слыхивал о торжествах по поводу какого-то Йорктауна, но виду не подал. С какой стати он должен что-то знать об этом Йорктауне? А если и правда должен, то почему этот кретин —

первый секретарь посольства — его не предупредил?

Министр, который в обычное время тоже не был силен насчет Йорктауна, тем не менее продолжал:

— Мы планируем ряд мероприятий в знак чувства солидарности, которое наш народ испытывает к Соединенным Штатам, помня о союзе между генералом Вашингтоном и нашим национальным героем Лафайетом в битве при Йорктауне. — Он сделал паузу и закончил: — Фактически эта битва завершила войну американцев за независимость.— Его только что просветили на этот счет, и в памяти были еще свежи кое-какие подробности: — В этом году как раз исполняется двести лет...

...Министерство иностранных дел в полном составе все утро рылось по архивам в поисках хоть какого-нибудь юбилея — премьер-министр приказал найти мало-мальски серьезный повод для организации торжеств. Перебрали и отвергли даты рождения и смерти знаменитых художников, философов, литераторов и политических деятелей, и положение казалось уже безнадежным, когда кто-то вдруг вспомнил о битве с британцами под Йорктауном. Такой повод сочли вполне подходящим.

Посол сколотил свое состояние во Флориде, он передал в распоряжение своей партии миллион долларов, чтобы заполучить нынешнее место: его жена всегда мечтала жить во Франции. В истории он не разбирался и потому ограничился тем, что с рассудительным видом кивнул.

— В ходе торжеств,— продолжал министр,— мы бы хотели выразить добрые чувства к вашей стране, в частности путем вручения наград некоторым из ваших выдающихся сограждан. Я мог бы порекомендовать кандидатов на эти награды...

Посол наконец все понял и позволил себе расслабиться. Он даже рискнул произнести: «Ну, разумеется» — и отхлебнул немного шерри: этот напиток отнюдь не принадлежал к числу его любимых.

— Я слышал,— произнес министр иностранных дел,— что ваш коллега Рольф Хемминг, посвятивший свою многолетнюю деятельность связям между нашими странами, скоро заканчивает срок службы и намерен вернуться домой. Мы будем счастливы наградить его по такому случаю орденом Почетного легиона.

Посол впервые слышал относительно планов Хемминга, но был достаточно сообразителен, чтобы понять смысл сказанного.

— Я уверен,— согласился он,— что Хемминг сумеет оценить оказанную ему честь.

— Всегда приятно вручать подобные награды за службу, способствующую взаимопониманию между нашими странами,— сказал министр. — Именно в знак окончания этой службы.

Посол согласно кивнул головой.

— Вручение сопровождается соответствующей церемонией,— добавил министр.— Награду вручает наш посол.— Он поднес к губам бокал и отхлебнул немного.— В Нью-Йорке.— Он кашлянул.— В самом скором времени.

Посол снова кивнул. Не станет же он заступаться за этого Хемминга — он вообще пидоров терпеть не может. Желают французы его отсюда выпереть — да ради Бога!

Министр иностранных дел поднялся.

— Очень любезно с вашей стороны было прийти,— сказал он.— Мое почтение вашей супруге, и, надеюсь, скоро увидимся в менее официальной обстановке.

— Я тоже,— сказал посол и распрощался.

— Нос мог быть чуть длиннее,— высказался Баум.— И глаза, пожалуй, маловаты. Но форма ушей исключительно хороша и стать безупречная. Фактура меха отличная. И темперамент мне тоже нравится.

Он с нежностью провел рукой по кошачьей спинке и перешел к следующему экспонату.

— А это настоящий красный камео,— одобрил он.— Нос и подушечки лап розовые, мех — просто загляденье. Смотри — отливает серебром и чуточку розовым. Красиво, правда? Немного только прикус подкачал — ты согласна?

Он был среди друзей на ежегодной выставке кошек в Сен-Клу. Служебный кабинет и вся эта чепуха — его работа — отсюда бесконечно далеки. Эстелла рядом с ним делала вид, будто тоже разбирается в кошачьих породах, но мысли ее блуждали. Кажется, на прошлой неделе с Альфреда свалилось огромное бремя. Он больше не жаловался на печень, спал неплохо и в свободное время отдыхал. На ее деликатные расспросы муж ответил только, что ему удалось решить одну загадку.

— Ты же знаешь, как я ненавижу все непонятное, разные там загадки...

Сегодня Баумы пригласили на ужин друзей. Она их угостит прекрасной розовой форелью, приготовленной в медном котелке, который Альфред недавно привез из Парижа, а он достанет из своего скромного погреба бутылку доброго «вовре».

Вечер обещает быть приятным.

НЬЮТОН БЕЗ ГОЛОВЫ

Мастерская московского скульптора Леонида Баранова — сугубо материальное царство всевозможных станков, моторов, верстаков, напильников, молотков, клещей. И в то же время магическое пространство, в котором сами собой вырастают скульптуры,— кажется, они умножаются, обретают дар речи, теснят предметы. Здесь встречаются Фрунзе и Суворов, Гоголь и Достоевский, Екатерина II и Юдифь, Шостакович и Грабарь...

Леонид Баранов заражен историей, как неизлечимой болезнью,— он почти физически ощущает ее божественные взлеты и чудовищные провалы в безвременье. Его персонажи не творцы, а великие мученики истории. Личность интересует Баранова не с точки зрения конкретных биографических фактов, а как воплощение определенной идеи и уникального духовного мира. Но и бытовой фон становится действующим лицом разыгрывающихся коллизий. Из свидетеля и статиста предмет может неожиданно превратиться в гонителя и агрессора. Чаще всего жертвой подобной метаморфозы оказывается Достоевский: то его пытается поглотить гипсовый шкаф-сундук, то летящая муза заносит над его головой стул, и хотя стул, слава Богу, не топор, тем не менее муза сия воспринимается как аналог Раскольникова.

Апофеозом алогичности взаимодействия предмета и героя может служить голова академика Ломоносова, которая наподобие шляпы водружена на гардеробном шесте. Поистине это со всем согласный, удобный для употребления Ломоносов. Таким, быть может, хотели видеть его завистники и конкуренты. Или композиция «Ньютон». Фигура ученого уподоблена порталу собора, но напрочь лишена головы. Для чего нужен был скульптору столь вызывающий и, по сути, внехудожественный прием? Быть может, он по рассеянности забыл приставить голову к телу? Или, скажем, завелась в мастерской нечистая сила и подшутила над недвижным изваянием... Нет, виной всему история — ведь за великие открытия, выходящие за пределы установленных схем и догм, безумцы нередко платили головой.

Баранов ставит исторических героев в парадоксальные, рискованные ситуации. Только в его версии Достоевский может наподобие декоративной статуэтки стать украшением шкафа или оказаться в объятиях рабоче-крестьянской музы с жезлом сталевара в руке. Можно предположить, что Баранов пародирует потребительское отношение обывателя к гению, способное любую идею превратить в расхожую монету, сделать национальное наследие предметом интерьера. Но не только. Ведя своих героев по кругам бытовых неурядиц, психологических стрессов, вопиющих социальных нелепиц, Баранов повествует и о том, сколь драматична и несуразна судьба гения, когда она подвержена вмешательству всего привходящего, когда духовный поиск тонет в окружающем скудоумии. Посредственность стремится опредметить творческую личность — этот тезис наглядно выражен в антипортретах Ломоносова, уподобленного вешалке, и Ньютона без головы.

...Среди столь разных героев в мастерской скульптора появляется и он сам — в образе римского сенатора. Живя собственной жизнью, все персонажи вступают в диалог, находят единомышленников и оппонентов. Именно этого эффекта и ожидает Баранов. Его эксперимент состоит в том, чтобы, пусть в воображаемой ситуации, совместить, перехлестнуть мысли и переживания людей, разделенных десятками и сотнями лет. Так, в одной многочастной композиции встречаются Рихман, Ломоносов и приглашенные принять участие в беседе герои 80-х годов.

Другой парадокс — герой может умножаться, и тогда, как в фантастическом романе, несколько персонажей-близнецов начинают жить параллельной жизнью. Гоголь может беседовать с Гоголем, Ломоносов с Ломоносовым. Внутренний монолог обретает форму диалога. Сплошь и рядом у Баранова можно встретить несколько «альтернативных» Ломоносовых, целую династию Достоевских, одновременно переживающих ряд духовных коллизий. Или развернутая в пространстве немая зеркальная сцена — композиция «Пушкин и его время». Здесь и Николай I как воплощение судьбы, и несколько Наталий Гончаровых как воплощение судеб, два Гоголя, которые, как в известном кинофильме, решают — кто из них более Гоголь, наконец, три разделенных пространством, но жаждущих воссоединения Пушкина.

Есть герои, но нет определенного сюжета, тем более нет рассказа. Тему ведет сама магическая НЕМОТА, загадочная судьба, скрывающая развязки и финалы. Попадая внутрь этого зачарованного мира, зритель ощущает эффект остановленного времени. Словно сплетаются мир реальности и сна, воспоминаний и предчувствий, случайностей жизни и неотвратимости вечных законов.

В магическом пространстве мастерской Леонида Баранова — в этой загадочной стране нелинейного времени — встречаются исторические герои. И кажется, что скульптор до последнего момента не знает, каков будет их характер. И каждый раз персонаж остается для автора загадкой, а его жизнь — экспериментом, рискованным и часто трагическим путешествием в область непознанного, где прошлое тождественно будущему.

Сергей ОРЛОВ

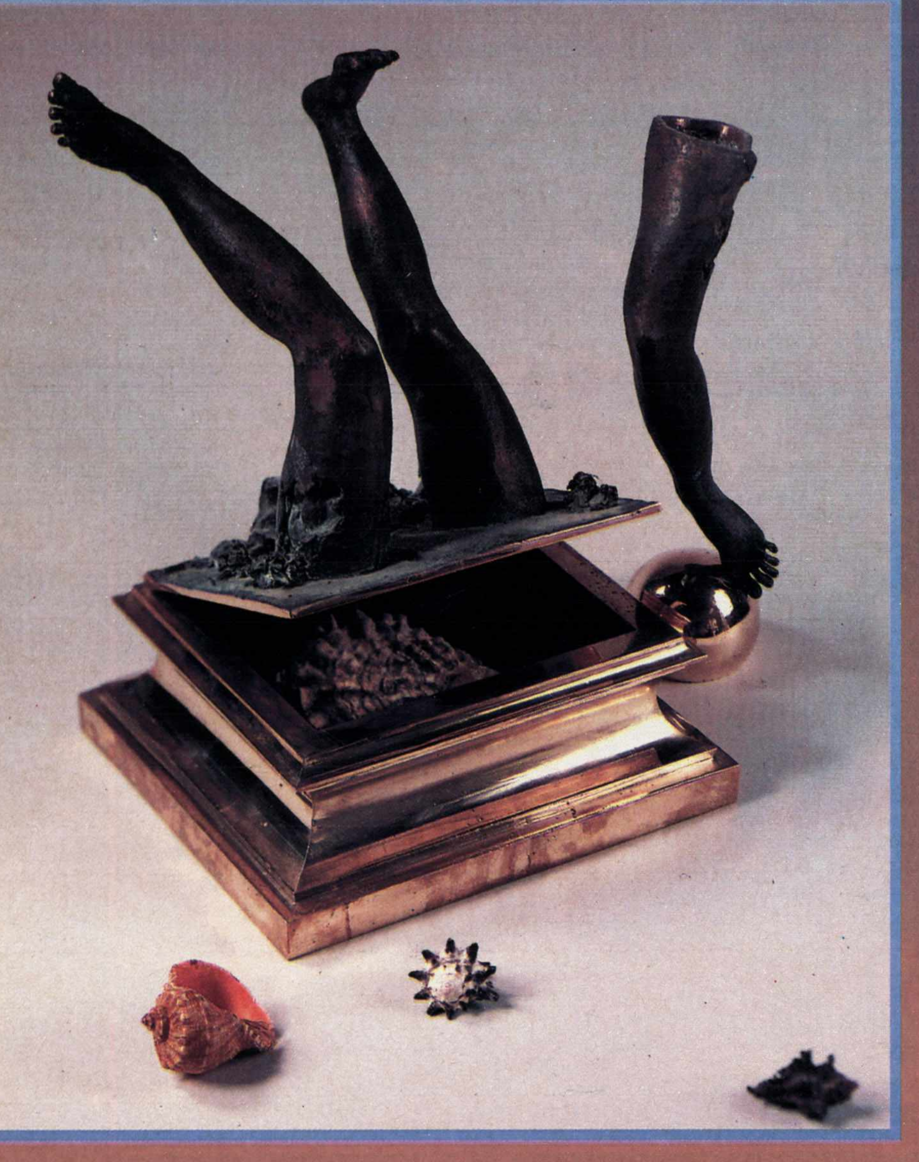
Фото
В. ЧЕРТОКА, В. МАНОШКИНА
и В. ДЕРЕВЯНЩИКОВА

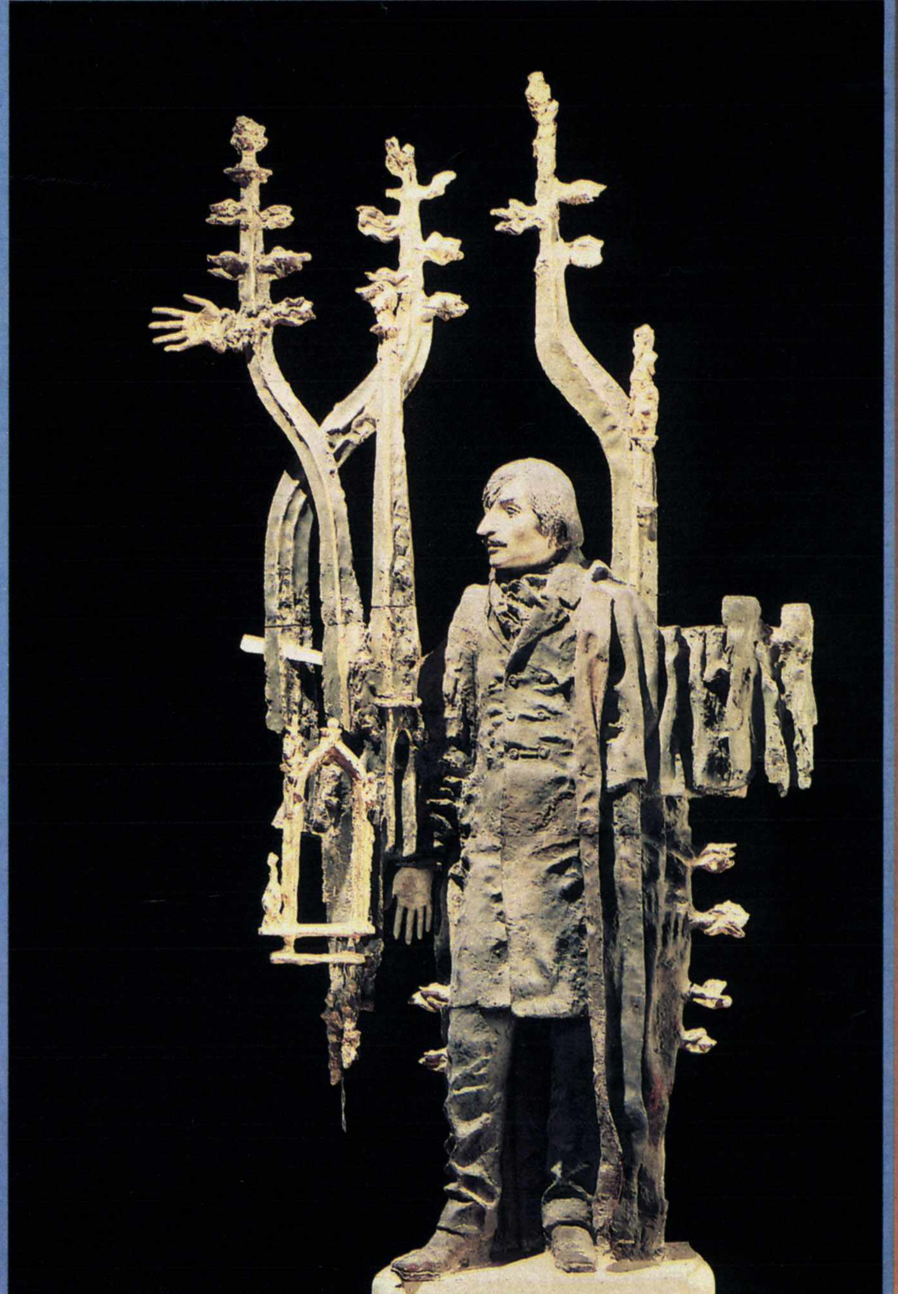
МАСТЕРСКАЯ

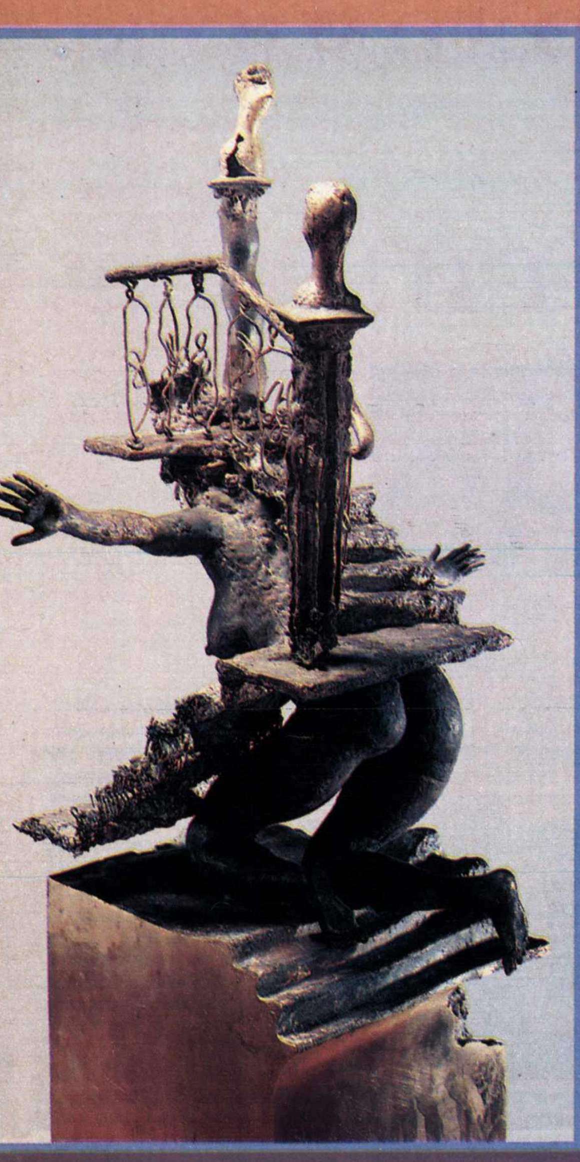

Леонид БАРАНОВ

ДОСТОЕВСКИЙ (апофеоз). 1987

МОИ ДРУЗЬЯ И ГЕРОИ
(Г. Рихман, М. Ломоносов, Н. Басов, В. Брайнин, С. Джафарова). 1987

ЩКАТУЛКА. 1990

ГОГОЛЬ (готика). 1987

ЛЕСТНИЦА. 1987

Фрагмент экспозиции выставки. 1988

СОБЛАЗН. 1989

Бабушки наши говорили: Москва — город страннолриимный, а странники — люди Божьи. И возникали сразу в воображении золотые купола, белые головы да черные платки. А теперь людей Божиих называем мы «бичами», не от «стороны-страны» словом образованным, а как бы вовсе наизнанку смысл вывернули, и если и имеют эти люди отношение к Богу, то разве что относительно «бича Божьего», кары, наказания. Столица же осталась для них местом привлекательным, как и встарь.

Прошлой осенью по Москве слух прокатился, что в подножии монумента Мухиной «Рабочий и колхозница» дом у бичей. Ну прямо на славу аллегория, если так! Поискали мы их главного бича, то бишь странника Третьякова Евгения — он про них все, как брат, знает,— да не нашли. Что ж, и он человек без адреса. Осталось тайной — жили или не жили. Куда там Кортасару, и тут мы победили. Помните: у него входят в метро каждое утро несколько миллионов человек, а выходят то ли на четыре, то ли на одиннадцать человек меньше. Конечно, западный писатель мистики подпустил, да и дураку ясно, что там у них все просто, как в тетрадке по арифметике: бичи в метро ночуют. А где нашим-то ночевать? Или в тюрьме, или по перронам кочуют больших и малых городов, ближе к людям держатся, как лоси и волки в голодные времена.

То, что вы прочтете ниже,— это дневниковые записи и письма ко мне женщины, имя которой по понятным причинам изменено. Надеюсь, эта публикация не вызовет чувства брезгливой досады, а пробудит, пусть даже в нескольких душах, человеколюбие, уснувшее в наше пугающее остросюжетностью время.

Раиса ПРИБЫЛОВА

СНЫ ОТТУДА

«физиологический очерк» эпохи абсурда

Из письма Нины Соловьевой: *«Этот мир нисколько не ушел из памяти, но он, этот мир, не исчезает и с лица Земли, принимает в свои «объятия» все новых и новых людей. Мне уже под пятьдесят, и как фронтовикам до конца дней все снятся бои, так и мне до сих пор все снятся сны оттуда, из прошлого. Я неверующая, но хочется верить в разум, доброту, красоту, которых в себе не сумела взрастить. Все это есть в людях, пусть и не так много, как хотелось бы. Уйти в Бога проще, труднее понимать и любить человека, причем стремиться к взаимности. Эгоизм не любящего ни Бога, ни людей разъедает душу, все кажется, что тебя не понимают, тебе делают больше зла, чем ты другим. Каждый в жизни устраивается между своим и людским злом по-разному. Я и людям, и себе не много добра дала. Другим на меня наплевать, так и мне на себя наплевать! — так было».*

1

...Идешь и идешь. Нет нигде пристанища, нет покоя, как только присядешь где, охватывает такая бесприютность, страх сжимает сердце. И хоть ноги устали, идти и идти — создается иллюзия цели. Не хочется видеть никого, так как прохожие смотрят с презрением на твою несвежую одежду, помятое лицо. Выпить бы, тогда жизнь покажется если и не чудесной, то вполне сносной. А денег нет, украсть что-то с прилавка в трезвом виде не могу, видно, не весь стыд еще потерян. Искать какого-нибудь «карася» и вовсе не хочется. Их и искать-то особенно не надо, стоит лишь пойти к вокзалу или на «стрелку» в центре города, он и сам поймается. Но за эту бутылку его ведь и ублажать надо, хорошо еще, если без синяка обойдется. Иногда удается напоить его и забрать кое-что из карманов, иногда выпить и просто вовремя смыться. И все равно не могу с ними связываться, эта «легкая жизнь» надоела до жути... Покоя хочется и определенного места в жизни. Ночую я в недостроенном доме на окраине города, там уже подвели тепло. Утром выхожу пораньше и бреду пешком в центр, торопиться некуда, надо убивать как-то время. Хожу целый день, собираю пустые бутылки, сдаю их, покупаю поесть. Если встречу кого из своих бродяг, то, возможно, сообразим выпить. А вечером, лишь только наступают сумерки, снова иду в свой «приют», сажусь у батареи и думаю... Уснуть долго не могу: внутреннее постоянное беспокойство не дает. Сижу у теплой батареи в темноте, и в душе темно. Единственная мечта, которая иногда появляется (такая же облезлая, как и я сама): найти бы на улице сто... тысячу рублей. Созвать на пир всех бродяг и крикнуть: гуляй, рванина!.. И тут же эта мысль ускользает, надвигается главная: ну как, ну как дальше?! Как?

В школе была пятерочница, но в институт идти не осмелилась — отец погиб в конце войны, а у мамы нас оставалось четверо. Поступила в вечерний институт. Друзья, подруги, общежитие — жилось весело, интересно. Шли годы, подруги устроились, моя же личная жизнь не задалась. Все чаще и чаще я стала выпивать в компании таких же неудачниц, а затем и одна. Оправдание находила в том, что чувства выше разума, а без любви я не хотела строить судьбу. В то время ахматовская строка «а ты, любовь, всегда была отчаяньем моим» служила мне утешением. Вино стало нравиться, потому что заставляло вспыхивать разнообразные оттенки чувств, но через несколько лет иллюзорное свойство иссякло, оставалась лишь физиологическая потребность «залить горло». Если не выпью, то всю ночь мучают кошмары: вокруг страшные люди, у которых одна-единственная цель — задушить меня... Ни в коем случае я не считала себя алкоголиком, убежденная, что брошу, как только захочу.

Пришел день, когда не захотела выходить на работу. Не могла больше вообще жить и — отравилась. Вызвали в общагу «Скорую», спасли, в больницу пришли с работы, уговорили лечиться от алкоголизма, уверяя, что об этом никто знать не будет. Мне было все равно, и я согласилась лечь в психиатрическую больницу.

В первую очередь в приемном отделении этой больницы меня остригли наголо. Ночь провела на одной кровати, за неимением свободных, с психически больной. Эту первую ночь я не забуду никогда. В дополнение к моему собственному состоянию вокруг истерики, крики, вой, вопли, жалобы. Я тогда подумала, что волосы здесь остригают для того, чтобы они не становились дыбом от ужаса.

Через месяц, накачав антабусом, меня выписали. Вернувшись в общежитие, я поняла, что обо мне знают абсолютно все. Мне не было места в коллективе, хотя не пила почти месяц. И, как бы вызывая дополнительный огонь на себя, вытягивая чужое злорадство до последней капли, в силу своего характера, наконец, напилась, тем самым дав повод говорить обо мне в полный голос. Меня снова увезли в ту же больницу. Вернувшись, уволилась с прежней работы и — пошло-поехало.

В столовой с вешалки сняла чью-то куртку, конечно, была сильно пьяной, решившись на такое. Хотела продать на выпивку. И вот я в тюрьме. Я знала, что это ужасное место и что туда добрые люди не попадают.

Но странно, в камере ничего такого, чем пугали, не произошло, никто меня не «прописывал», ничего не отбирал, никто не издевался. Загремели засовы, забряцали ключи, и открылся новый мир. Сизый дым вокруг тусклой зарешеченной лампочки, одно небольшое окно с очень внушительной решеткой, двухъярусные «шконки» и серые любопытные лица. Не так уж много тут разнообразия. Коридорные надзиратели, в основном женщины, в этой среде имеют давно закрепленные за ними прозвища: Тактичная, Конь-голова, Красючка. Фамилий своих они при знакомстве не называют, имен также, а следует их называть «гражданкой начальницей». Правда, за людей они нас не считают, хотя сидящие здесь знают себе цену: «Охраняют нас, как золото, ценят, как дерьмо...»

Украшает жизнь переписка между женскими и мужскими камерами, любовные ксивы, которые передаются через форточку на нитке или через унитаз и сточные трубы. Любовь возникает умопомрачительная, сколько красивых слов пишут друг другу, плачут бабы над этими ксивами, кричат по вечерам в форточку: «...люблю, очень, очень, очень!» И за нарушение такого рода схлопатывают карцер. Крик этот несется над всей тюрьмой,— это высшее принародное доказательство любви.

Замки и решетки, баланда, напряженность в ожидании суда, постоянный надзор в глазок камеры. Поэтому-то с кем-то истерика, то с чьей-то «шконки» рыдания, иногда впадают в разгул — пляски, оранье, драка дикая, за что несут наказание карцером. В многосудимках, где сидят не по первому разу, женщины вступают в гомосексуальную связь. Такое в зонах существует в немалых размерах. Это неискоренимо, как ни борется с этим лагерное начальство. Причем все это начинается также с любовных ксив, ухаживаний и т. п.

Бывает так, вот появляется в зоне красивая, на свободе имеющая мужа осужденная. Узнав, что творят здесь между собой женщины, она плюется, на всех перекрестках зоны обличает эту связь, а, смотришь, прошел год, и куда что подевалось: стирает белье, варит чифир и с огромной любовью взирает на своего избранника женского пола. Это новая пара. Если на свободе существует дефицит любви, доброты, милосердия, дружбы, то в зоне — вовсе дефицитище всего этого. Здесь каждый хочет элементарно выжить, каждый в одиночку борется со своим горем, жалеет и любит сам себя. Но, видно, человеческая природа берет свое, и находятся вот такие пары, готовые заботиться друг о друге годами.

Странно такое знать человеку, живущему на свободе, в нормальных человеческих условиях.

Законы зоны неписаны, они сами складываются в силу обстоятельств. Лишенные наказанием личной жизни, женщины вместе с тем не могут существовать без нее, и одна из основных сторон этой «личной жизни» не столько половой вопрос, сколько потребность в заботе о другом. Так уж Бог устроил женщину. Появляется «семья» — возникают и заботы, и чувства, и проблемы...

Из письма Нины Соловьевой: *«...Как я смогла подняться? Я не сильный человек, всегда так считала. Но как поняла по себе — сила есть в каждом. Сила жизни, жизненная сила! Даже у слабовольного рано или поздно она проснется и позовет из полузабытья. И в этот момент распутья важно посмотреть вперед и не отвести глаза, и не оглянуться назад, а хоть немного пройти вперед, тогда назад больше не захочется, даже если будешь оглядываться, то только в ужасе от увиденного там, за спиной...»*

2

Сроку у меня два года. Работаю, исправляюсь. Из дома мать написала, что лучше не возвращаться, не позорить ее. После освобождения на работу не берут — судимость, затрапезный вид. Вокруг — вакуум, чувствую себя белой вороной, вернее черной среди белых. Но все же терплю, жить-то надо. Но ненадолго меня хватило, я снова запила. И началось — вокзал, базар, подъезд, подвал. Познакомилась с бомжами, оказалось, много нас. Летом жить малина, выпивки раздобудем, у реки посидим, у костра, здесь же и переночуем.

Связала свою судьбу с Колей Скворцом. Он рецидивист, недавно освободился, «берет» на базаре мясо с прилавков, «шмели» (кошельки) из карманов, а я в качестве подруги и прикрытия. Иногда Коля шипит: «Эх, какой «шмель» уплыл из-за тебя, ни хрена не соображаешь!» Коля соблюдает воровские законы, к даме относится по-своему благородно, человечно. Правда, под горячую руку материт многоэтажно, но эту «горячую» руку на женщину не поднимает. Зубов у него нет, легкие доедает туберкулез. Часто на досуге рассказывает воровские байки: быль и небыль вперемешку, поет блатные песенки, даже где-то гитару выкрал. Только недолго он гулял, поймали за руку в чужом кармане. Меня в тот день с ним не было, о его «бесславном конце» узнала позже. И опять я осталась без защиты. Уже приближалась осень, и мы с одной подругой обнаружили поля пригородного овощеводческого совхоза. Начали с укропа: время засолки — возили его мешками и продавали. Затем пошли морковь, щавель, репа, редька. Ночевали в недостроенной гостинице на берегу, там много бомжей обитало, по ночам на всех этажах горели костерки — готовили ужин. В номерах — кучи тряпья для ночлега.

Но вот поля опустели, стало холодно. Ночевать переселились на дачи — уро-

жай убран, и, кроме сторожей, там почти никого не бывает. В них и пропитание кое-какое находилось.

Контингент бродяг меняется в городе за два-три месяца полностью: одни уезжают, другие уходят в зону, а третьи освобождаются оттуда.

Я познакомилась с Борей и Геной. Гена — бывший инженер, а теперь бич (бывший интеллигентный человек), то есть ни украсть, ни покараулить, только и вины, что некуда деваться. Отсидел раз, семья не приняла, вот и поплыл по воле волн.

Боря — мужик, «ломом подпоясанный», на все руки мастер: пойдет на вокзал, чемодан притащит, всех нас приоденет. Деньги у него всегда есть, и он никогда не спивается. Свой образ жизни менять не собирается, несмотря на то, что несколько раз сидел за бродяжничество. И только в пьяных песнях слышна тоска по жизни иной...

Возле дач они вскрыли погреба и принесли несколько мешков с банками — соленья, варенье. Наша задача — продать все это. И опять гуляем! Мало похожа эта собачья ли, волчья ли жизнь на жизнь. Через два дня нас выловили на этих дачах и отправили в приемник-распределитель. После него мы уже не встретились.

В приемнике отошла от пьянки, получила новые документы. Как-то ночью дежурные милиционеры разгадывали кроссворд, а нас вызвали к себе мыть полы. На каком-то слове они застряли, я не выдержала и подсказала. Они удивились — сошлось. Другое слово спросили — опять верно. Потом и в камеру приходили, спрашивали и удивлялись, как будто видели заговорившую человеческим голосом собаку,— разве может быть бомж умным человеком?! Наверное, они правы, не должно быть умных людей среди бродяг.

В приемнике-распределителе мне пришлось побывать несколько раз, но направление на работу оттуда я получала всего однажды, в совхоз, неподалеку от города. Там меня с этим направлением, конечно, послали куда надо, хотя и висело объявление во всю стену: «Нужны...»

Не бродить же по совхозным полям, опять поехала в город. Встретила женщину, тоже только что вышедшую из распределителя. Пригласила она меня на Золотую Горку — на свалку, значит. Говорит: «Вот так (!!!) можно жить». У нее там муж, эпилептик, и шалаш в лесочке. Уже осень, но в шалаше много тряпья, почти не мерзнем. Как только приезжают мусоровозы, изо всех щелей и лесков выползают фигуры в серых плащах, с мешками и палками, на конце которых крючок. Собирают бутылки, тряпье. Иногда попадаются упаковки с чем-нибудь вполне приличным, то ли бракованным, то ли излишки. Что находим получше — то пропиваем, а остальное в своем «хозяйстве» останется. Здесь же добываем и пищу — из магазинов и со складов привозят много списанных продуктов. Конечно, можно и отравиться, но у бродяг желудки железные. И не только бродяги «пасутся» на свалке, приходят и горожане, находят и они, чем здесь поживиться.

Мы втроем (меня приняли в «семью») собираем в основном бутылки, моем их в ванне и складываем в мешки. На следующий день хозяйка наша едет с мусоровозом в город сдавать посуду, а мы продолжаем заниматься промыслом. Возвращается она поздно вечером, затаренная и под хмельком, привозит фанфурики, и мы всю ночь гужуемся, гуляем. Так идет жизнь дальше. На свалке есть своя королева. Она живет не здесь, но с мужем и несколькими парнями (свита) приезжает сюда часто, «наводит порядок». Кто не по ним, могут выгнать, избить. Моя «семья» представляет меня им, и мне милостиво разрешают остаться в этом благодатном месте. Один из свиты оказывает мне свое высочайшее внимание, приглашает выпить, но я благодарю и ухожу поскорее. Он больше не приставал, но зато моя хозяйка вдруг заревновала ко мне мужа. Меня принимает на жительство соседка, уже старая женщина. У нее настоящая землянка, живет «получше». Много лет провела в зонах, а сейчас вот здесь окопалась, но где-то что-то получает, то ли пенсию, то ли от детей. Пьет она редко, больше употребляет теофедрин. У нее и в самом деле астма. Я против нее «сявка», как она говорит. Позже я поняла причину ее гостеприимства. Она намеревалась приторговывать мною. Видимо, у нее я не первая «квартирую». Все посетители из города эту бабку знают и зовут Бабой Ягой.

Через несколько дней пришел из города вполне приличный парень, искатель острых ощущений, поговорили о чем-то с бабкой моей, и она мне: «Пойди, доченька, выпей с человеком, а то ему одному скучно, а я не могу компанию поддержать, болею». Пошли мы с ним в лесок, выпили, разговаривала вполне светски, он паспорт мой посмотрел, чтобы помочь с работой, и положил его в карман. После этого уверенно за меня взялся, и вдруг я поняла все и взвилась, пьяная-то! Как я с ним расправилась, не помню, но его рядом не стало. Возможно, скандала испугался и убежал. Я вернулась к бабкиному «дому» и накинулась на нее, но она оказалась сильнее меня, пьяной, избила основательно, ребра поломала. Очнулась я утром, доползла до шалаша, отлежалась дня два и ушла в город. Идти тяжело было, каждый шаг, каждый вздох с болью, но никакая больница не принимала меня и отлежаться негде, не в канаве же.

И опять одна...

Из письма Нины Соловьевой: *«...В моем гороскопе силен Плутон, а плутонианцы в жизни чувствуют себя лишними людьми, нередко уединяются, уходят в дальние экспедиции, в тайгу, а порой становятся бродягами. Так действительно, может быть, во всем виноват Плутон?..»*

3

Уже холодно. Просидела день на вокзале, ночь провела в подъезде многоэтажного дома, за лифтом. На следующую ночь опять пошла туда, кто-то из жильцов приметил, позвонил в милицию. Я облегченно вздохнула: хоть отвезут в тепло приемника. А милиция перевезла через мост и говорит: иди и ночуй вон в тех домах где-нибудь, а в наш район вернешься, котлету из тебя сделаем. Ах, скольких бродяг находят убитыми — в подъездах, на свалках, в теплотрассах! И всего единственный раз в моей жизни был такой случай: лежу я в чужом подъезде, идет человек с вечерней смены, увидел меня, прошел мимо, а через несколько минут возвращается вместе с женой, и говорят они: «Иди к нам, поспи, что ты тут будешь валяться». Я, конечно, сказав спасибо, ушла. Куда я к таким хорошим людям ввалюсь — грязная? Но на душе было еще долго тепло.

И вот иду я, дрожь бьет, потому что одета как попало, а холод настоящий, людей боюсь, никто не защитит, а милиция перекрестится: одной бичихой меньше стало...

Нашла я подвал, где горячие трубы, там жил старик, бомж. Он немного сумасшедший, зарос волосами, неизвестно, сколько ему лет. Жильцы его не трогали — он спокойный. Я там ночи три переночевала, а потом подростки разнюхали, что в подвале женщина, и поздним вечером начали осаду. Бросали пластмассу зажженную, кричали деду: «Отдай нам бабу!» Дед лежит себе и никак не реагирует, а я думаю: конец пришел, изнасилуют, убьют. Ведь подвал огромный и пустой. Надо на улицу выбираться, там менее опасно. Нашла какую-то палку и неожиданно для ребятни с диким воплем, размахивая палкой, как всадник саблей, бросилась к выходу. В первый момент они опешили, и я проскочила, а там уже была на остановке автобуса.

Из письма Нины Соловьевой: *«...Сейчас у меня все прекрасно (почти) в жизни. Можно сказать, завоевала место под солнцем — и неплохое отношение, устойчивое место в сознании окружающих, коль уж даже в совет трудового коллектива избрали...*

О своей жизни я никому не рассказываю, я не очень открытый человек, да и боюсь остаться непонятой, да и мало настолько близких людей, чтобы о постыдном... Обычно облегчают душу в церкви или рассказывают незнакомому человеку, с которым ничто не связывает, кроме его желания выслушать. Трудно нести все в себе, хотя из-за своего прошлого ущербности не ощущаю, не дают повода к этому окружающие. И сама стараюсь быть человеком, какой нужен среди людей. Выходит, вернулась к себе такой, которая была до всего т о г о, хотя уже и не такой».

4

Старушек бомжей бродяги называют: баба Оля, баба Зина и т. д. Они ходят, бутылки собирают, в церкви милостыню просят и на базарах, в магазинах. Ночлег — на вокзале. Их уже никуда не забирают, за бродяжничество «берут" только до пенсионного возраста. Баба Зина — бывшая учительница. Хоть и зубов нет, речь вполне интеллигентная. Но с похмелья — аки зверь рыкающий, а выпьет флакушечку, добреет. Заходит в женский туалет, садится у батареи, достает из сумки, в которой чего только нет, газетку с кроссвордом и предлагает: давай поразгадываем. Кроссворды — ее хобби, как у милиционеров. А баба Оля такая шустрая, напросит денег, запрячет в чулке под резинкой и весьма экономно расходует. Но вдруг как-то сразу сдала, еле ходит, просится в спецприемник отдохнуть, но машина, на которой делают рейды по отлову бродяг, объезжает ее стороной. И сидит она на вокзале и просит таких же, как сама, бродяжек: «Пристройте меня хоть куда, только бы уголочек мне». Смотрят на нее, и каждый думает — вот и мое будущее. У каждого свое начало этой жизни, и почти у всех одинаковый конец.

А вообще бродяги — сверхвыносливые люди, не знающие больниц. Болеют только с похмелья, также частое явление в этой среде — несчастный случай или смерть. Наверное, жизнь в экстремальных условиях создает такую выносливость — весь день на ногах, почти раздеты и в дождь, и в снег, и в морозы. Ночевки под небом или в жаркой котельной, еда — хлеб да сырок. Друг друга вроде бы поддерживают, поделятся кто чем может, опохмелят страждущего, даже иногда объединятся по двое-трое. Но бродяга бродяге не друг. Если кому-то повезло и у него появились деньги, то обязательно оберут, напоив сначала на его же деньги. Это считается нормой, не разевай хлебало! Ходят-бродят большей же частью по одному. Зона многих спасает от смерти, потому что как бы ни были эти люди выносливы, но несколько лет такой жизни никто не выдерживает. И живут по кругу: зона, бомж, ЛТП, опять зона и т. д. А одну женщину, уже немолодую, при освобождении два дня по зоне искали — спряталась, не хотела выходить за ворота. Не хочет идти — некуда. Вывели силой.

За несколько лет привыкаешь к такой обособленной жизни, и уже страшно выходить на волю, страшно начинать с а м о м у: охватывает боязнь пространства, да и куда идти? И как вышел на свободу, то хоть бы поскорее назад. Так я получила свой последний срок. Походила по улицам около месяца, не знаю, что дальше делать, купила бутылку вина, для храбрости выпила, зашла в универмаг, сняла с вешалки в отделе одежды трикотажную кофту и вышла не спеша, надеясь, что задержат. Отвели меня с кофтой в руках в подсобку, вызывают милицию, а я улыбаюсь. Продавщица мне: у-у, бессовестная!..

Из письма Нины Соловьевой: *«Судили меня без прокурора и адвоката — мелкое дело. Речь судьи клокотала такой ненавистью, таким презрением ко мне, бродяге и воровке, что жутко стало, зачем я только живу на белом свете! Что я действительно н и ч т о в этом мире — я принимала как должное. Но к концу срока передумала много — полжизни позади. Надо сделать все, чтобы выйти из этого круга».*

5

У вокзала встретила двух «коллег», которые тоже отчаялись совсем. Одна из них все лето пролежала в кожно-венерической больнице, другая, уже пожилая женщина, обосновалась под перроном на полустанке, там у нее была нора: сено в ней настелено. И сама она вся всклокоченная, измятая, лоснящаяся от грязи. Холода выгнали из норы — собралась ехать в город...

А мне настолько все осточертело, что решила идти на окраину. Вышла на простор: так здесь хорошо, трава, чистое осеннее небо, ручеек в лесу! А дальше — картофельные поля, как раз время уборки. Люди на них копошатся, мешки стоят наполненные. Такая родная картина — ведь я выросла в деревне, и уборка картофеля каждый раз превращалась в детстве в праздник, хотя и нелегкий. Всей семьей копали, собирали, с соседями перешучивались. Потом обед, обязательно костер и печеная картошка, вкуснее которой, конечно, на свете ничего не бывает. Помню, однажды копали до темноты, и пришлось, оставив мешки в поле, идти домой пешком. Проселочная дорога шла через лес, звезды нависли над головой и будто бы переглядываются со светлячками, которыми полыхают кусты. Подойдешь, схватишь рукой, а это холодный трухлявый пень, но он кажется все равно чудом.

А сейчас копают картошку другие, но у меня такое ощущение легкости, что вот-вот смешаюсь с ветром и небом, и не придется больше жить этой никчемной жизнью.

С таким настроением бродила я весь день. Вечером люди разъехались с полей по домам, а я осталась. Набрала картошки, нашла недоеденную булку и отправилась к стожку сена. Там развела костерок и долго сидела уже в темноте. Ничего мне не надо, кроме этого ночлега в стогу. Некого бояться, никто не пнет, не заорет, как на скотину, не стукнет по голове. А сон все равно чуткий, и если ветер шевельнет клок сена, то просыпаюсь в страхе. Утром пошел дождь со снегом, кончилось мое блаженство, снова надо ближе к людям, снова я бродяжка, а не человек среди них.

Был уже октябрь, и как-то мне крупно «подфартило». Иду по улице, денег нет, смотрю в землю, авось копеечку найду. Вдруг чуть ли не лбом упираюсь в пьяненького парня. Улыбка у него такая бесшабашная: «Ну что загорюнилась?» Магазин рядом, зашли, купили два «огнетушителя» и отправились в рощу. Парень вроде неблатной. По дороге познакомились, он городской, но работал в деревне на подряде, подкалымил денег. С собой, как я узнала позже, у него было всего 100 рублей. Приехали в загородную рощу, начали выпивать. После первой бутылки его развезло, вторую бутылку я спрятала в кусты, а его повела на остановку, уговаривая ехать домой. Он качается из стороны в сторону, прислонила его к дереву, вытащила деньги из кармана, оставила ему лишь десятку, посадила в автобус, а сама нашла домишко заброшенный неподалеку и пошла туда ночевать с припрятанной бутылкой. Но утром выяснилось, что в город ехать мне сложно — потеряла один сапог в лесу. Искала, искала, не нашла, да так и отправилась босиком. Возле автовокзала встречается мужичонка, как-то странно вышагивает, и ме-

шок вещевой у него за спиной. Оказывается, тоже бомж. Узнал мою беду, говорит: «Поехали сапог искать». Искали, искали, не нашли. Сели, и тут он мне показал свои ноги — два протеза. И предлагает вроде бы как замуж за него — вместе жизнь коротать, мол, со мной не пропадешь, хоть и безногий. Вскоре он доказал свое обещание: пошли к жилым домам, и он выпросил для меня другие сапоги, сказал, жене вот! А затем предлагает еще раз убедиться, какой он добычливый. В церкви служба начиналась, и мы поспешили туда. Все на коленях молятся, а мы сзади тоже склонили пьяные головы. Мой «муж» молится истово, изо рта такой перегар, что и до Бога, наверное, донеслось. А он не расстраивается, задирает штанины, отстегивает протезы и на культях ползет с шапкой между молящимися: «Подайте Христа ради!» Накидали ему в шапку с полсотни. Мы с ним вышли, тут же набрали вина, пошли в сквер пить. Подъезжает машина, закинули нас в нее — и в вытрезвитель. Он орал, что инвалид со справками, его выпустили, забрав оставшиеся деньги, ну а я осталась там одна.

Из письма Нины Соловьевой: *«...Если в приемнике-распределителе никуда не оформили, то через месяц снова свободен, товарищ бич! Выходишь и в излюбленных злачных местах бродяг (вокзалы, рынки, пельменные и т. п.) снова видишь те же лица. Ждут! Чего ждут?..»*

6

Уже наступила зима и застала меня в летнем платье. На автовокзале познакомилась с мужиком из совхоза, который был весьма выпивши. Ну, я ему рассказала, что давно без работы, что вот никак не могу устроиться, хотя сама уже и не пыталась заниматься этим бесполезным поиском. Мужик пригласил поработать в деревне, селу очень нужны труженики, сказал. И правда, оказалось, нужны. Особенно доярки, а я не знала, с какой стороны к корове подойти. Управляющий доволен — заткнул дыру на ферме. А я с этими коровами намучилась — не столько сама, сколько их истерзала. Присоски от доильного аппарата то вкривь, то вкось, которую недодою, которую передою аж до крови. Коровы меня возненавидели. Видят все — толку от меня мизер, вреда несравненно больше. Поставили ночным скотником. И вот с вечера хожу между рядами и выхватываю из-под задних ног коров кучки, сгребаю их в сточную канаву. Коровы почему-то не хотят оправляться по графику, не то что зэки, и к утру все равно у них бока в навозе. Но ничего, здесь вроде бы приноровилась, но вот пошли отелы. Зайдешь на ферму, а там теленочки на дрожащих ножках, несешь их, закутаешь. Самое страшное, когда утром поднимаешь корову, а она не поднимается, заглянешь ей в глаза, а они мертвые. Такой на меня ужас напал, такая жалость к бедным коровам, околевавшим без людской помощи. Со слезами побежала я к бригадиру, к управляющему — оказывается, для них такой падеж при отелах в порядке вещей. Похоже, любая смерть людьми воспринимается спокойно, как будто осенний лист упал к ногам с дерева.

Прожила я там до весны, местными жителями так и не была признана своей, все время помнили, что я бродяга. И снова в результате дальняя дорога.

Из письма Нины Соловьевой: *«...Есть люди, их большинство, которые проживают одну жизнь. А у некоторых — в одной жизни несколько жизней, и все разные. И каждая жизнь проходит по своим, непохожим один на другой, законам. Например, если живешь с волками, то и воешь соответственно по-волчьи...»*

7

Иногда в приемнике-распределителе собирается интересная компания, в том смысле, что попадаются талантливые рассказчики занимательных случаев из своей жизни. Эти их рассказы напоминают приключенческие повести, и они обычно о том, как удачливы, ловки, хитры бродяги. Все слушают с удовольствием, хотя каждый знает, что слушает враки. Если же бомж берется рассказывать о ком-то другом, то в этом случае преобладают невезуха, унижения, безысходность, как их избивают и т. д. Вот это больше соответствует действительности, но слушают такие рассказы неохотно. Что рассказывать о тяжелой доле, и без того тошно.

Здесь собирается в основном общество не только городских бродяг, но и бичи, выловленные милицией на железной дороге. Такие редко, правда, сюда попадают, их, кстати, называют «плечевые бичи». Однажды я сидела с такой плечевой. Она ленинградка и катила уже обратным путем на запад с Дальнего Востока. Это была девчонка 17 лет. Мне тогда показалось, что гнали ее по дорогам не проституция с «легкими» заработками, не бездомность, а жажда путешествовать, так знакомая нам всем с детства и не удовлетворенная у большинства никогда; нет для этого жителям нашей страны условий. Жажда увидеть мир сделала эту девчонку бомжем. Рассказывать она не любила, но все время пела, отбивая ритм пальцами по табуретке. Любила петь песню дореволюционных каторжанок: «По пыльной дороге окованный цепью, окованный цепью, преступник шагал. Скрестив обе руки пред грудью на плечи, он тихо, так тихо, конвою шептал: постой, не спешите, нет сил, нету мочи! Постой, не спешите, я вам расскажу, за что посадили, за что осудили,— за то, что не граф я, а графский лакей...» И дальше о том, что они с графом полюбили одну девушку и его, любимого ею, граф загнал на каторгу. Бродячую нашу ленинградку так трогала несправедливость в этой песне, что она даже съездила в Сибирь посмотреть дороги кандальников. А может, ее позвала в дорогу «романтика» узников, желание испытать подобные страдания? Странная девочка.

Из письма Нины Соловьевой: *«Жизнь бродяги соткана из случайностей и импровизаций. Никогда ничего не планируется даже в пределах одного дня. Нет ничего постоянного и в характере этого существа. Уже давно живу нормальной жизнью, работаю, имею квартиру. Но иногда, особенно вначале, часто ловила себя на «бродяжьих» мыслях. Иду по улице и вижу какое-то место, где можно было бы переночевать...»*

8

В этот солнечный день многим бродягам выпал «нечаянный интерес». Милиция провела рейд и на машине повезла бродяг за город. Сидим в будке, трясемся на ухабах и гадаем: куда везут? Едем и час, и полтора. Вдруг остановка. Открывают фургон: «Вот ты, выходи!» Выглядываем, вокруг леса, поля и реки, как говорится. И больше ничего. Одного из нас оставляют на дороге. Едем дальше, через некоторое время снова остановка, выкинули следующего, потом еще и еще. Раскидали по дорогам в пределах где-то 150 километров. Обратно милиционеры едут мимо с пустой будкой и орут каждому: «Шагай веселей!» Что называется, очистили город и довольны. Надеялись, что кто-то из нас в деревне какой осядет, кто-то дальше путешествовать отправится. Мы все в ту же ночь были снова в городе, к вечеру все у магазина. «Бормотухи» в нем было полно, и вокруг магазина — большое «застолье» на пустых ящиках. Пир шел дотемна.

...Зачем было зря на нас бензин тратить?

Из письма Нины Соловьевой: *«Трудно писать о своей низкой жизни. Наверное, такие мои «мемуары» не вызовут сочувствия ни у одного нормального человека. Но из памяти не вычеркнешь, все со мной, все ношу в себе. Может быть, не надо выворачиваться наизнанку? И все-таки люди должны знать, что по другую сторону от них — тоже люди. Можно очистить общество от «нечисти», но ведь она снова появится. Да и чистили уже не раз. Не всегда и не во всем сами «падшие» виноваты. Если бы кто знал, единым оком окинул, сколько по родным весям бродит одиноких больных старушек, покинутых детей. Может, чем и виноваты? Но ведь не выталкивает врач больного: иди вон, сам виноват в своей болезни! Почему же нас так жестоко выталкивает из себя государство? Мы же не с Луны прилетели и не из-за границы заброшены сюда с парашютом... Но для нас отвели одно место — в тюрьме...»*

9

Есть закон о бродяжничестве, но нет ни одного маленького закончика — устроить освободившегося бродягу на работу. Только сильный человек в одиночку пробьет себе дорогу к людям. Сейчас мы часто читаем о репрессированных, об узниках ГУЛАГа, о тяжких, нечеловеческих страданиях. Массовый гипноз уничтожения «врагов народа» всего сильнее воздействовал на инстинкты озлобленных, жестоких людей, которые во все века играли роль палки, ударяющей по плечам гонимых... Много позже кто-то из гонителей будет писать воспоминания о пережитом... Дело не в том, кто кого обвинит, кто кого оправдает. И те, что были в лагерях, и те, кто судил, были люди — вот что самое страшное знать. Жестокость не уходит из нашей жизни, и сейчас ее не меньше вокруг. Митинги, разговоры, демонстрации, новая жизнь, обновленный социализм... Не знаю, что чувствовать, когда задумываюсь над будущим многих и многих, которые стоят на пороге грядущего бродяжничества. Бездомные существа, кто бы вы ни были в прошлом, будущее у вас одно. Я почти что разучилась жить по-человечески, с 18 лет общежитие, дороги да тюрьма. Мне пришлось учиться многому, главное, поступать по-людски. От той жизни осталось только одно доброе: не могу пройти мимо брошенной бродячей собаки. Сразу сердце сжимается от жалости и боли. И всех тащу к себе, а потом такая счастливая, что они уже не одинокие, эти бессловесные и беспомощные животные. А они ходят за мной ее гуськом; если я на работу собираюсь, то у дверей вся моя «семья» старается не отпустить никуда от себя, рвутся вслед и скулят, и я долго слышу их, идя по улице...

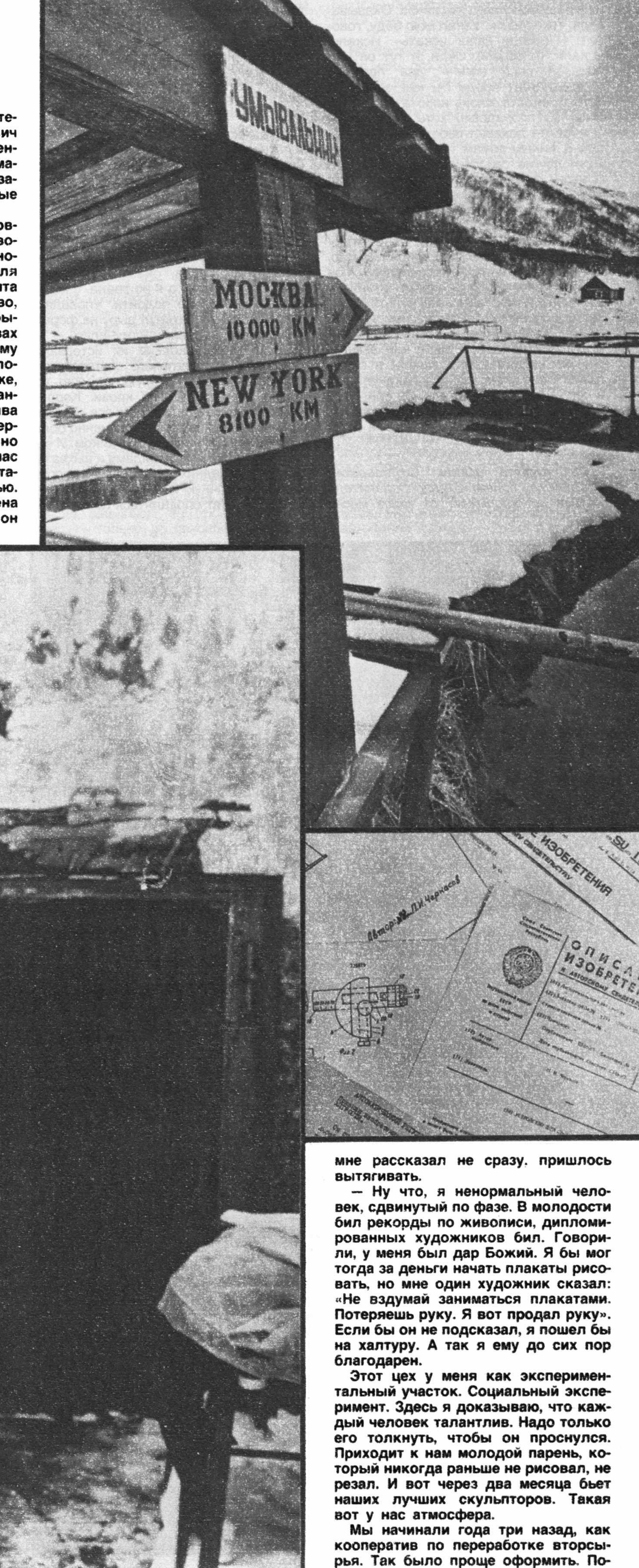
Фото Андрея КУДРЯВЦЕВА.

«Я СДВИНУТЫЙ ПО ФАЗЕ»

Существует определенный тип людей. Мне представляется, они плохо спят, много курят, по ночам смотрят на звезды, что-то рисуют, чертят, пишут, пишут, пишут. Они одержимы и очень похожи на героев старых фильмов и книг. Помните «Гиперболоид инженера Гарина»? Время их мало изменило. Это изобретатели. Такой профессии нет, скорее это состояние ума и образ жизни. Они приезжают в столицу, бродят со своими туго набитыми портфелями по коридорам и приемным Института патентной экспертизы, получают отказы, пишут возражения, сражаются с экспертами, подают новые заявки. Среди них есть истинные таланты. Им тяжело. С такими мозгами и с такой закалкой им бы куда-нибудь в Японию... Рубик со своим знаменитым кубиком у нас в стране вряд ли добился бы такого ошеломляющего успеха. Наша жизнь заставляет быть изобретательными, поэтому наши изобретатели лучшие в мире.

Случай свел меня, как утверждают знающие люди, с лучшим изобретателем Камчатки. Это Павел Иванович Черкасов, автор изобретений, патентов и ноу-хау, так называемых маленьких, но важных хитростей, заключенных в изобретении, которые раскрывают за особую плату.

Павел Иванович — человек нервный, порывистый, много курит, говорит быстро, сбивчиво, то и дело норовит вытащить из портфеля и предъявить в качестве аргумента очередное авторское свидетельство, иногда разорванное в клочья в былые кризисные моменты, в глазах имеет положенный настоящему изобретателю блеск. Он теперь человек свободный, раскованный, даже, как он сам говорит, разболтанный, — председатель кооператива «Маяк». Когда работал на судоверфи, был зажатым и замкнутым, но изобретал всегда. Что важно, сейчас он доволен жизнью, своей изобретательской и прочей деятельностью. Это, согласитесь, в наши времена большая редкость. Свою историю он мне рассказал не сразу, пришлось вытягивать.

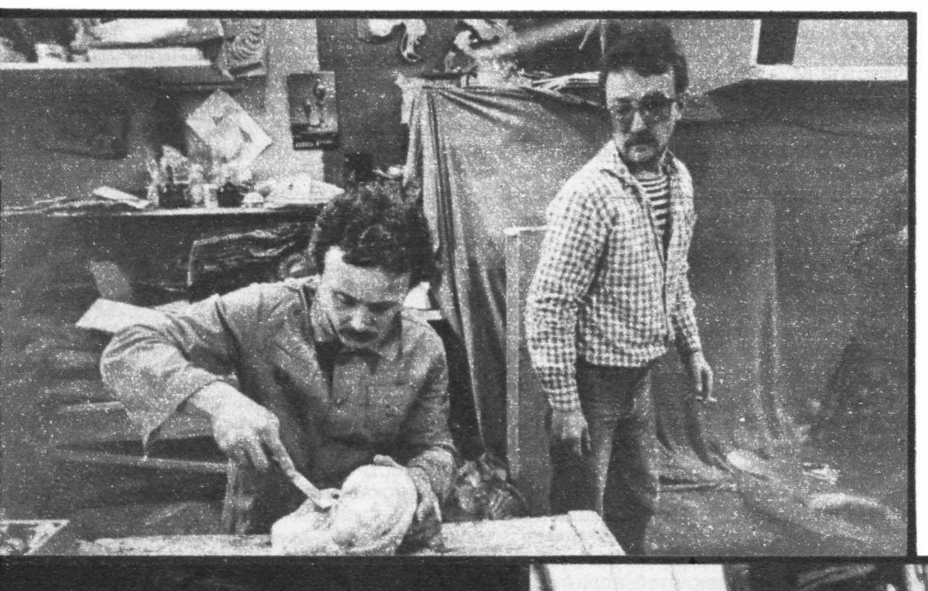
— Ну что, я ненормальный человек, сдвинутый по фазе. В молодости бил рекорды по живописи, дипломированных художников бил. Говорили, у меня был дар Божий. Я бы мог тогда за деньги начать плакаты рисовать, но мне один художник сказал: «Не вздумай заниматься плакатами. Потеряешь руку. Я вот продал руку». Если бы он не подсказал, я пошел бы на халтуру. А так я ему до сих пор благодарен.

Этот цех у меня как экспериментальный участок. Социальный эксперимент. Здесь я доказываю, что каждый человек талантлив. Надо только его толкнуть, чтобы он проснулся. Приходит к нам молодой парень, который никогда раньше не рисовал, не резал. И вот через два месяца бьет наших лучших скульпторов. Такая вот у нас атмосфера.

Мы начинали года три назад, как кооператив по переработке вторсырья. Так было проще оформить. По-

том добавили в устав резьбу по дереву, новую технику, изобретательство.

Моя линия — это изделия из капа. Из наплывов каменной березы, она только у нас на Камчатке растет, чудеса можно творить. Приобретаем сырье, которое сжигается, поскольку на дрова невозможно расколоть. Каждое изделие уникальное.

Мы набрали капитал на штапике, потом перешли на детскую мебель и детские площадки, теперь вот эти вещи из капа. Продадим их, дальше будем развиваться. Но нам надо выходить на внешний рынок, иначе пропадем. Я, правда, парням не говорю про это.

Я рассчитываю на мое последнее изобретение — деревообрабатывающий станок. Таких станков в мире нет, чтобы сразу отрезали заготовку, строгали ее с четырех сторон и лакировали. Экспортный вариант будет в октябре. Но мы, видимо, будем продавать его только как готовую продукцию. Пока что гонцы проникают сюда со всей страны, как ишаки идут. Платят хорошие деньги и счастливы, что добыли документацию, получили ноу-хау и разрешение на этот станок. Средства мы пускаем на развитие новой техники и акты милосердия.

Как я стал изобретать? В техникуме учился, преподаватель говорит: «Водолазы поднимают затонувший такелаж». Зачем водолазы, думаю, можно электромагнит опустить. И появилось первое изобретение.

Работал на радиостанции в Хабаровске. Произошла авария. С высоты 180 метров упали три верхолаза и разбились. Для меня это был толчок. Жалко людей. И я придумал автоматическое тормозное устройство. Включается через 20 сантиметров падения. Люди в люльке даже не заметят.

Еще одна авария. На судоверфи падает судно СРТМ «Оплот мира» с командой. Вытаскивали на слип, и оборвался трос. Авария заставила думать. Появляется автоматический стопор стального каната. Оказался намного лучше, чем прототип, изобретенный в Германии в 1908 году, и был принят, кстати, безоговорочно.

Самый интересный момент. Я увлекся изобретательством и что-то по работе проворонил. На планерке меня сильно избили. И вот, пока я семь минут поднимался в гору, убитый, изобрел тепличный автомат и вакуумный самогонный аппарат. Тепличным автоматом теперь вся страна пользуется. Он без всякой энергии, только за счет двух связанных пластин из оргстекла и стали с разными коэффициентами линейного расширения и одного рычагапалки регулирует температуру воздуха. А в самогонном аппарате, если выкачать воздух, не надо затрачивать энергию на подогрев браги. Но оказалось, это уже используется в промышленности.

В цехе, где я работал мастером, сверлили дыры под иллюминаторы, да так, что дым шел и могло произойти возгорание. Инстинкт самозащиты заставил думать, и я предложил комплекс технических решений: три изобретения и два ноу-хау. Никто, кроме меня, в Петропавловске не мог делать эти резцы. На всех ведущих судостроительных фирмах страны изобретение крутилось, а деньги не выплачивали. Жена мне говорит, ты дурак. Конечно, я дурак, не могу получить. Ты заработал? Я говорю, заработал. Почему не приносишь? Я говорю, не платят. Семь лет не выплачивали. Я судился, меня позорили, клеймили, народный контроль и ОБХСС меня травили, в дурдом меня сдавали.

Когда я был мастером на судоверфи, за полгода у меня производительность поднялась в 4 раза. А производительность — она вредна нам. Там человеко-часы нужны. Дикое понятие. А человеко-часы превращаются в рубли и в план. Мне стали давать план от достигнутого, и я понял, что больше производительность нельзя поднимать. Ушел с судоверфи в НТТМ изобретателем, где честно заработал финансы, чтобы организовать экспериментальный цех.

Что главное в жизни? Сердце красавицы и не потерять честь.

...В фойе Петропавловского драмтеатра по случаю приезда редкой в этих краях иностранной делегации проходила выставка-продажа художественных изделий из дерева. Все обращали внимание на два кресла причудливой формы и столик, весьма искусно вырезанные из наплывов камчатской березы. При креслах находился Павел Иванович Черкасов, а на столике были разложены и предлагались посетителям переведенные на английский язык описания изобретений и другие бумаги, одна из которых удостоверяла, что кооперативу «Маяк» разрешены экспортно-импортные операции.

А к креслам подходили заинтересованные покупатели.

Марк ШТЕЙНБОК.
Фото автора

Геннадий ЖУКОВЕЦ

МЕРТВЫЕ И ЖИВЫЕ

9 лет афганской войны унесли 13 833 жизни. Смею утверждать, что в «мирный» год в Советской Армии по разным причинам погибают от 6 до 8 тысяч военнослужащих. И что самое страшное: многие из них умирают насильственной смертью. Их убивают.

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО № 1/80

Начатое 1 декабря 1988 года, оно, похоже, не увидит конца. Хотя знают о нем и главный военный прокурор, и министр обороны СССР. Но даже они, казалось бы, самые всесильные люди в своих ведомствах, бессильны перед непрофессионализмом подчиненных или их заведомой предвзятостью (что в подобных случаях само по себе преступление).

Четырежды закрывалось уголовное дело о самоубийстве младшего сержанта Олега Мазура и столько же раз возвращалось на доследование. Последний раз — во время работы специальной Комиссии по проверке объективности и полноты расследования причин гибели и травматизма военнослужащих и военных строителей в мирное время, созданной по Указу Президента СССР.

Я выбрал это дело из 96 рассмотренных комиссией не потому, что Любовь Михайловна Лымарь — мать Олега Мазура — один из активных членов Комитета солдатских матерей и вышеназванной комиссии. Десятки томов уголовных дел прочел за время работы комиссии, выслушал не менее двадцати женщин с выплаканными до дна глазами, смотреть в которые трудно, но не смотреть нельзя. У меня в досье более сотни родительских писем об их погибших в мирное время сыновьях. Но я выбрал дело № 1/80. Потому что, изучая четыре его тома, понял, что не могу прийти к истине, как не могут установить ее до сих пор профессионалы-криминалисты. Поэтому сомневался и мучился в поисках главного. Но в своем непонимании и сомнениях я открывал много других истин общего характера. Но еще больше возникало вопросов, ответы на которые нужно находить немедленно. Сегодня. Потому что завтра в чью-нибудь семью придет трагическая весть, телеграмма, подписанная командиром части: «Ваш сын скоропостижно скончался...»

ИЗ ДЕЛА № 1/80. «Характеристика на Мазура Олега Михайловича, студента Челябинского политехнического института. Мазур О. М. 1969 года рождения, член ВЛКСМ с 1984 г. За период обучения с сентября 1987 г. по май 1988 г. зарекомендовал себя как студент со средними способностями. По характеру Мазур О. М. уравновешен, прямолинеен, с уважением относится к старшим. В группе имел общественную нагрузку — политинформатор. К своим обязанностям относился добросовестно... В коллективе Олега уважают... Помимо учебы в институте занимался в школе ДОСААФ, где прошел полный курс обучения на водителя-автолюбителя. В период сельхозработ показал себя с хорошей стороны. Трудолюбив, не боится трудностей. Политически грамотен. Много читает, увлекается современной музыкой. Характеристика дана для представления в райвоенкомат». (Подписи: декан, куратор, староста группы.)

Характеристика в комментариях не нуждается. Обычные, обкатанные годами фразы, из которых явствует, что Олег Мазур — нормальный современный парень. Не отличник учебы, но зато не боится трудностей. Нравятся автомобили, музыка, книги.

В деле есть еще одна — комсомольская — характеристика. Писала ее одноклассница Олега, комсорг 9 «А», когда они вместе учились. Там тоже слова немудреные, но меньше официоза, больше искренности. Олег — спортсмен, веселый (важная деталь.— **Г. Ж.**), отзывчивый товарищ, эрудит.

В мае 1988 года Олег Мазур призван в армию. Окончил школу сержантов. 30 ноября его не стало.

ИЗ ДЕЛА № 1/80. «Командир части майор Мельников, рассмотрев рапорт дежурного по части капитана Бакаева, установил: в рапорте капитана Бакаева указывается на то, что младший сержант Мазур О. М. при нахождении в медицинском пункте 30 ноября 1988 г. во время уборки стоматологического кабинета взял банку с фтористой пастой. В 14 часов Мазур был направлен в столовую для больных, находящихся в лазарете. В 15-м часу он был обнаружен сидящим возле одного из зданий, после чего прапорщиком Панфиловым был отведен в медпункт. Здесь у Мазура началась рвота, и тогда он заявил, что употребил фтористую пасту, которую взял в стоматологическом кабинете во время уборки.

После проведения первоначальных действий по промыванию желудка Мазур был направлен в больницу им. Н. А. Семашко в г. Серпухов, где в 18 час. 25 мин. скончался. Приказываю:

1. Возбудить по факту смерти уголовное дело.

2. Производство дознания поручить дознавателю капитану Степаненко.

3. Копию — военпрокурору».

(Подпись.)

Десять дней понадобилось военному дознавателю капитану Степаненко, чтобы допросить свидетелей, собрать улики, сопоставить факты и прийти к следующему заключению:

ИЗ ДЕЛА № 1/80. «Причиной смерти Мазура О. М. являлось острое отравление фторидами (соединениями фтористоводородной кислоты).

Таким образом, из материалов дела усматривается, что каких-либо данных о доведении до самоубийства младшего сержанта Мазура О. М. нет, лиц, причастных к гибели, нет. Причиной гибели является развившаяся у Мазура О. М. невротическая депрессия (обратите внимание.— Г. Ж.).

На основании вышеизложенного и руководствуясь ст. ст. 121, 203, 209 УПК РСФСР постановил:

«Уголовное дело по факту смерти младшего сержанта Мазура О. М. прекратить на основании п. 1 ст. 5 УПК РСФСР за отсутствием состава преступления». (Число, подпись.)

Но 29 декабря военным прокурором подполковником юстиции Иутиным подписано постановление об отмене постановления о прекращении уголовного дела.

ИЗ ДЕЛА № 1/80. «...Поскольку судебно-медицинским экспертом на трупе Мазура О. М. обнаружены повреждения в виде ссадин с наличием очаговых кровоизлияний в подлежащие мягкие ткани в правой лобно-скуловой области, а также ссадина в лобной области, которые возникли в результате воздействия предметов с тупой травмирующей поверхностью.

В уголовном деле происхождение указанных телесных повреждений не установлено и этот вопрос должным образом не изучен. В связи с изложенным решение о прекращении уголовного дела нельзя признать обоснованным и соответствующим истине». (Число, подпись.)

СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ РОДИТЕЛИ ПОГИБШИХ

Подполковник Иутин профессионально выполнил свой долг. Но «Дело № 1/80» закрывалось и открывалось еще три раза. Не будем вдаваться в подробности, кто и по каким причинам его закрывал. Здесь важнее понять другое: если бы мать погибшего Олега Мазура, Любовь Михайловна Лымарь, не была фанатично настойчива в поисках истины, если бы она самостоятельно и с помощью специалистов не отрабатывала все новые и новые версии и не находила в деле не замеченные ранее профессионалами военной прокуратуры противоречия и несоответствия, дело наверняка лежало бы в архиве. А Олег — до армии «спортсмен, веселый, отзывчивый товарищ» (вспомните характеристику), за полгода службы превратившийся в «депрессивного невротика» (вспомните заключение дознавателя),— так и остался бы самоубийцей в памяти всех, кто знал его и помнит до сих пор. Если бы приняты были первая, вторая и третья официальные версии.

Но материнское сердце не обманешь. «Не такой он, Олежек, чтобы при трудностях руки на себя наложить». И Любовь Михайловна берет «Дело № 1/80» и, разрывая в который раз сердце и душу, ищет и находит то, чего не видят или не хотят видеть профессионалы. И каменеет ее сердце. И все суше становятся глаза. И вот уже слышно, как она говорит матерям, не выплакавшим последние слезы, приехавшим в Москву, в комиссию, созданную Президентом, за правдой и помощью: «Хватит плакать. Слезами здесь никого не проймешь. Требуйте из прокуратуры дела ваших мальчиков. И вы поймете, как вас обманывают».

В безжалостное время живем. Даже не понимаем, что, выполняя в общем-то праведное дело, теряем остатки элементарного человеческого сострадания. Комитеты солдатских матерей возникли стихийно в разных городах. Родителей в них объединило горе из-за уже погибших и тревога за живых. Но ведь не им же вести следствие, не им защищать ушедших навсегда сыновей. Разве нельзя было создать Президентскую комиссию по какому-то другому принципу, чтобы сберечь последние силы убитых горем родителей, дать им возможность вернуться к жизни, к работе, к семье?

Меня долго мучило ощущение, что делается что-то не так. И, наконец, делясь своими сомнениями со многими людьми — генералами, прокурорами, народными депутатами (а все они в принципе были со мной солидарны), я получил приемлемый ответ. «В цивилизованной стране,— сказали мне,— миссия, которую выполняют матери погибших, была бы поручена адвокатам». Увы, до этого не додумались. А когда додумались, то Московская коллегия адвокатов отказалась работать бесплатно. Лишь несколько добровольцев в частном порядке давали консультации.

Понимаю, что со мной не согласятся отцы и матери, работавшие в комиссии. Они сделали свой выбор добровольно. И знаю, почему они его сделали. Хочу, чтобы знали и вы. Они не верят армейским генералам, военным прокурорам. Не верят никому. Кроме независимых экспертов, призванных для работы в комиссию, да самих себя.

Трудно поставить себя на место Любови Михайловны. Но понять можно. Когда она узнает, что на следующий день после смерти Олега рядового Сотникова заставили стирать больничный халат сына, испачканный кровью, а одежда погибшего в деле не фигурирует, разве может она верить военному дознавателю? А когда весной, после таяния снега, солдаты находят часы Мазура с порванным браслетом возле санчасти, но не там, где его в бессознательном состоянии обнаружил прапорщик, разве не возникнут в сотый раз сомнения? И, наконец, самое страшное. Выяснив, что фтористые соединения накапливаются главным образом в костях черепа, она дает согласие на эксгумацию, чтобы провести экспертизу, не сделанную в свое время. И эксперты, возглавляемые прокурором Н. И. Васильевым, отчленяют голову от туловища, увозят в институт имени Сербского в Москву, не поставив об этом в известность родителей. А когда мать узнает об этом, то не может получить сведений о проведенных анализах. Исчез и, простите за их профжаргон, «объект для анализа».

Снится матери ее ненаглядный Олежек и просит: «Мама, найди, верни мою голову».

Кому верить?

О ТАЙНАХ, СОКРЫТЫХ МУНДИРАМИ

Так сколько же гибнет советских солдат в мирное время?

Это тайна. Военная ли, государственная ли, но тайна. И поднять завесу секретности мне не удалось ни в одном высоком кабинете, в которых я побывал.

— Проценты — пожалуйста. Растет процент смертельных случаев в строительных частях. А вот из-за внеуставных отношений (этот размытый термин в официальных кругах заменяет слово «дедовщина») снижается.

— Можно узнать абсолютные цифры?

— Нет. Эти сведения пока закрыты.

Не обладали полными данными о смертности военнослужащих и военных строителей и члены созданной по Указу Президента комиссии. Министерством обороны и Главной военной прокуратурой были предоставлены сведения о гибели военнослужащих от преступлений и происшествий в небоевых условиях, характеризующиеся величинами на сто тысяч человек:

Год	1986	1987	1988	1989	1990
Вооруженные Силы	89	91	75	83	87
Строители	129	126	126	147	128

Комиссия сочла, что эти данные не могут быть оценены как полные и объективные, поскольку в показатели не включена смертность военнослужащих в ходе боевых действий и при межнациональных конфликтах, массовых беспорядках, умерших от заболеваний, а также смертность офицеров, прапорщиков, мичманов.

Впервые общую цифру я услышал в марте этого года на просмотре документального фильма латышского режиссера Лаймы Жургиной «Это и мои сыновья». В нескольких республиках снимался фильм о ребятах, погибших от армейской «дедовщины». Голос за кадром сообщил нам: «За последние четыре года в армии погибло 20 000 человек».

Я спросил у Лаймы, откуда у нее эти сведения.

— Это наши подсчеты. Может, мы и ошибаемся, но цифру военные не оспаривают.

Ошибаетесь, Лайма, к сожалению, ошибаетесь. Поэтому и не оспаривают.

Комитет солдатских матерей первым стал собирать информацию о погибших и пробивать стены «страшных военных тайн». Это он встал на защиту живых наших защитников, требуя для солдат срочной службы юридических гарантий и прав, которыми обладают их сверстники на «гражданке». И кое-чего добился. С 1 января 1991 года введено обязательное личное страхование военнослужащих и военнообязанных на случай их смерти, ранения, заболевания, полученных во время прохождения службы или военных сборов. Благодаря комитету принят документ, гарантирую-

щий, что наследникам или ближайшим родственникам погибшего Госстрах выплатит 25 тысяч рублей. (К сожалению, документ не имеет обратной силы. То есть для родственников и близких погибшего до января 1991 года выплат не полагается. Комитет солдатских матерей протестует против этого.) И вот, комментируя это нововведение, полковник юридического отдела Управления делами Минобороны СССР В. Зюбин сообщает: «Суммы нужны немалые. Если взять даже последние пятнадцать лет, то около трех миллиардов рублей».

Делаем нехитрый арифметический подсчет (3 000 000 000 рублей делим на 25 000 и еще на 15 лет). Выходит, в год погибают 8 000 человек.

Представляю круглые глаза цензоров, если бы им эти цифры довелось увидеть несколько лет назад. Да и сейчас их обнародование вряд ли понравится многим людям в мундирах. Меня убеждали: эти сведения секретны потому, что общая численность Вооруженных Сил — тайна, которую хранят армии всех стран. А «противник», зная процент погибших от численности военнослужащих и реальную цифру, становится обладателем наших секретов.

Помилуйте, блюстители военных тайн! В западных военных журналах, да и в обычных тоже, сведения о количестве наших Вооруженных Сил давно уже опубликованы. И не раз.

Может, их специалисты и ошибаются на сотню-другую тысяч солдат, но ведь не в этом суть. Суть в другом: нашей армии, а точнее, людям в мундирах со звездами разного калибра, выгодно пока что скрывать от нашего же общества многие цифры и факты, которые помогли бы понять, что происходит за зелеными заборами с красной звездочкой, а также непосредственно в казармах, каптерках, на гауптвахтах и в ленинских комнатах...

Группа из представителей Президентской комиссии посетила в начале года воинскую часть, расположенную в Нижегородской области. Так вот, в этой самой части погибло 16 солдат, а еще 9 числятся в бегах («дезертиры»). Душегубка, а не воинская часть.

ИЗ СПРАВКИ О РЕЗУЛЬТАТАХ ВЫЕЗДА В ЧАСТЬ. «Проверена законность содержания арестованных на гауптвахте. Установлено, что по состоянию на 23 час. 30 мин. 25 января 1991 года на гауптвахте незаконно содержались военнослужащие Агапов, Катвицкий, Левшин (без записи об аресте), Студеникин (срок содержания истек 24.01. с. г.), Шамаев (срок содержания по 25.01. с. г.). Эти лица немедленно освобождены. В камерах отсутствуют топчаны (нары), табуретки, столы, баки с питьевой водой. В камере № 2 количество арестованных не соответствует именному списку. На гауптвахте отсутствуют газеты. Все нарушения требований Приложения № 15 к Уставу гарнизонной службы разобраны». (Подписи членов комиссии.)

Неужели командир этой части или его непосредственные начальники, которые о ситуации, конечно же, знают, заинтересованы в том, чтобы об этих да и других «секретах» узнали родители, отправившие своих ребят в родную армию?

К РЕФОРМАМ

Бывший командир подводной лодки рассказал такую историю. Двое матросов пробрались в помещение, где хранилась ядовитая жидкость, которую используют для охлаждения приборов, взломали сейф и выпили пахнущий спиртом яд.

Следствие установило: погибшие матросы были предупреждены о том, что данная жидкость ядовита. Есть их подписи в специальном журнале. Сосуд с жидкостью хранился согласно существующей инструкции в закрытом и опечатанном сейфе. Следствие дает вывод: в смерти виновны сами матросы.

Прискорбно, но факт. Более винить некого. Флотское же начальство принимает свои меры. Командир корабля понижается в должности. Еще двух офицеров ссылают в дальние гарнизоны тоже с понижением в должностях и окладах. Случай, можно сказать, редкий. Но поучительный для других офицеров, побуждающий их думать о сокрытии разного рода нарушений и даже преступлений.

Скрыть смерть, конечно, невозможно. А вот другие нарушения — «дедовщину», драки, травмы — лучше не афишировать, спрятать от начальства. Не дай бог, переведут в часть, где офицерские семьи живут в бараках... Так возникает пресловутая «честь мундира», «честь» подразделения, которая в разных своих проявлениях и порождает тысячи «тайн» от нас с вами.

Помните, кто первым вел дознание по делу Олега Мазура? Военный дознаватель, назначенный командиром части, то есть офицер, не имеющий никакой специальной подготовки в области права. И он начинает вести следствие, собирать улики и в конечном счете дает заключение. Любому любителю детективов известно, что от первоначальных следственных действий зависят качество, быстрота и объективность расследования. Тем не менее непрофессионалы-дознаватели, нарушая закон, расследуют и разрешают уголовные дела, которые подследственны только органам прокуратуры. В 1989 году таких дел насчитывалось 2323, в 1990-м — 1363.

Остальные дела (количество их, конечно же, засекречено) ведет военная прокуратура, работники которой обижаются, когда их ведомство называют «карманной прокуратурой Министерства обороны». Конечно, обидная шутка и несправедливая по отношению к большинству честных и высококвалифицированных работников. Но, обладая формальной независимостью от военного командования, офицеры военной прокуратуры все-таки полностью зависят от министерства (денежное довольствие, обмундирование, присвоение воинских званий, продвижение по службе). Может быть, поэтому не заинтересованы они предать полной гласности сведения о состоянии преступности в армии?

Президентская комиссия не смогла получить от военного ведомства ту информацию, на которую рассчитывала. Но во время работы поток информации шел с другой стороны — страдательной. Более 12 тысяч писем поступило в комиссию от солдатских матерей. Из них 6240 — о погибших военнослужащих и строителях; 1240 — об инвалидности и болезнях, полученных на службе; 1700 — о пострадавших от «дедовщины» и «землячеств»; 1820 — о покинувших места службы из-за неуставных отношений; 1250 — об осужденных, в том числе из-за дезертирства по причинам неуставных отношений.

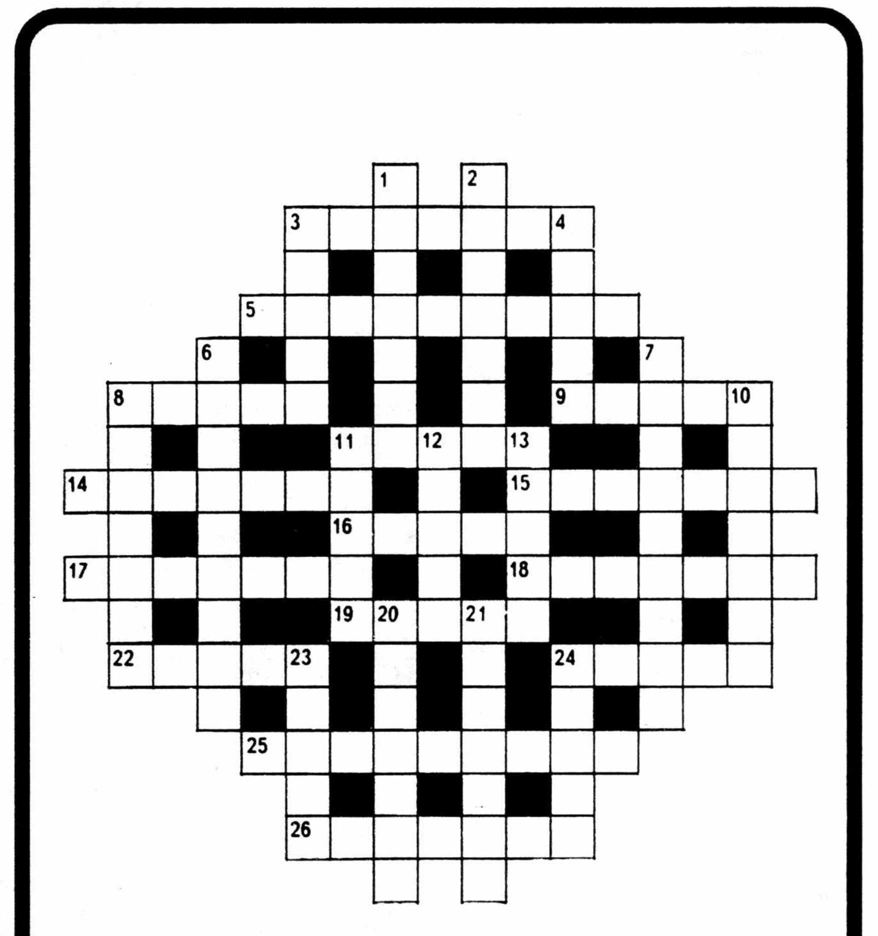
Опираясь на эту информацию, комиссия сделала вывод: 75—80 процентов смертей и 70 процентов случаев инвалидности и болезней связаны с «дедовщиной»...

Армия, конечно же, не институт благородных девиц. Но и не только, как любим мы говорить, школа мужества. Это зона повышенного риска для 18—20-летних парней, практически не подготовленных к жизни в армейских условиях. А их, эти условия, похоже, не собираются менять.

Сколько же еще сыновей должна похоронить страна, прежде чем все — от рядового до маршала — станут профессионалами, у которых от общества не будет тайн? Кроме сугубо профессиональных.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Все письма и заявления по случаям гибели и травматизма военнослужащих в армии в мирное время просим направлять по адресу: 103274, г. Москва, Краснопресненская набережная, 2, Верховный Совет РСФСР, Председателю Всесоюзного совета родителей военнослужащих, народному депутату РСФСР Анатолию Алексеевичу Алексееву.

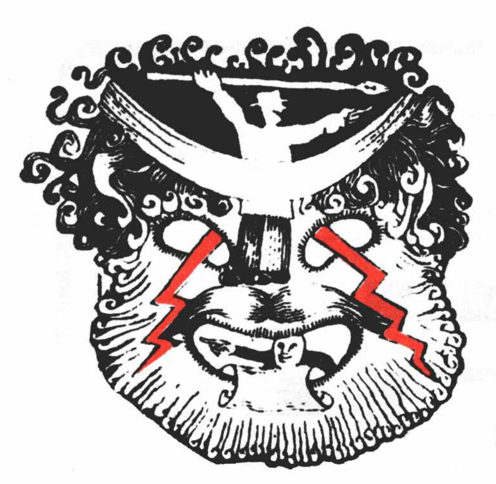
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Основная несущая часть машины. 5. Наука о животных и растительных клетках. 8. Растение с однолетними мягкими побегами. 9. Тяжелоатлет, первый советский чемпион мира. 11. Остров на востоке Филиппинского архипелага. 14. Однобортный сюртук с круглыми фалдами. 15. Басня И. А. Крылова. 16. Шахматная фигура. 17. Опера А. С. Даргомыжского. 18. Лейтенант, пограничник, Герой Советского Союза, имя которого носит одна из застав. 19. Областной центр в РСФСР. 22. Город в Томской области. 24. Атмосферное явление. 25. Часть слова, стоящая перед корнем. 26. Документ, выдаваемый в награду за успехи.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Насекомое с двумя парами крыльев различной окраски. 2. Сорт яблок. 3. Популярный итальянский лирический тенор. 4. Стихотворение А. С. Пушкина. 6. Нумерация страниц книги, рукописи. 7. Советский дирижер и композитор, народный артист СССР. 8. Сооружение с рядами мест на стадионе. 10. Река в Грузии. 11. Овощное растение. 12. Основная административно-территориальная единица Венгрии. 13. Клавишный музыкальный инструмент. 20. Столярный, слесарный рабочий стол. 21. Русский полярный исследователь. 23. Ответвление горной цепи. 24. Вулкан в Исландии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Планетарий. 8. Лоск. 10. Реле. 11. Роса. 12. Форсунка. 13. Рольганг. 14. Кюри. 15. Колорит. 17. Траулер. 19. Стоматолог. 22. Герольд. 25. Ритмика. 28. Нуга. 29. «Здоровье». 30. Демокрит. 31. Веко. 32. Мост. 33. Волк. 34. Карикатура.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Олеандр. 2. Антракт. 3. Габарит. 4. Нителла. 5. Полоцк. 7. Планер. 9. Косуля. 10. Ригель. 16. Игорь. 18. Ралли. 20. Арарат. 21. Чирков. 22. Гудрон. 23. Левитан. 24. Дневник. 25. «Радость». 26. Темпера. 27. Ариэль.

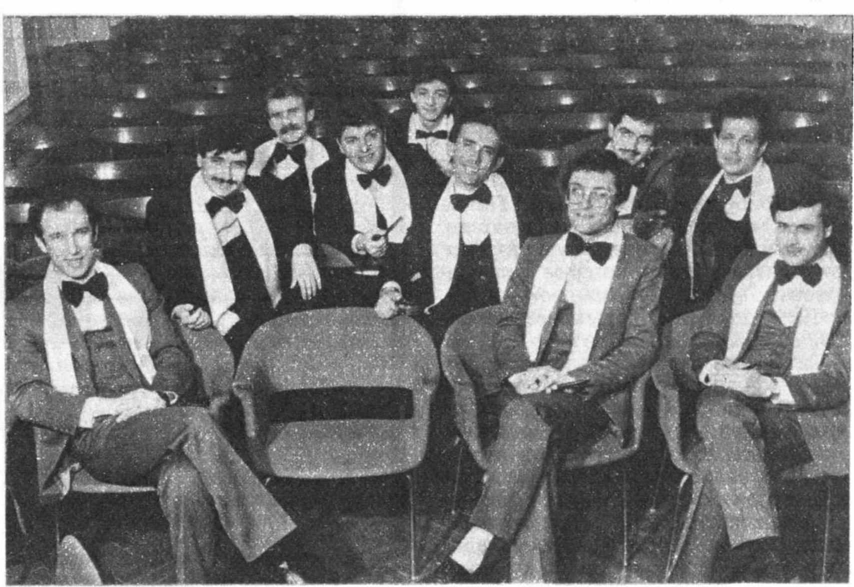

КУЛУАРНЫЕ БЕСЕДЫ С ОДЕССКИМИ ДЖЕНТЛЬМЕНАМИ

Все-таки хорошо, что «парад суверенитетов» еще не коснулся отдельных городов и не породил «свои» деньги. Деньги пока остались общими — иначе сколько бы проблем возникало, захоти ты из Москвы, Курска, Харькова или Воронежа слетать в Одессу поболтать с одесскими джентльменами: замучаешься переводить «моськи» и «куры» в «оды» и выяснять, сколько «ворон» на Привозе дают за одну «харю». А так даже и в Одессу лететь не пришлось — джентльмены намедни сами за те же деньги приземлились в московском концертном зале «Россия», где и удалось вступить с ними в светский сговор. Но сначала была беседа с их Путеводителем, точнее, художественным руководителем «Клуба одесских джентльменов», знаменитым капитаном знаменитой сборной КВН г. Одессы сезонов 1967—1970 гг. Валерием Хаитом.

— Валерий, изложите, пожалуйста, краткий курс истории Клуба одесских джентльменов.

— Вкратце он выглядит так: клуб появился на свет примерно через 9 месяцев после апрельского (1985 г.) Пленума, оказавшись, таким образом, первым плодом перестройки в Одессе. Кстати, недавно я видел один из последних плодов перестройки: лимон — 10 рублей за одну штуку. Однако вернемся к нашим джентльменам... В сезоне 1986—1987 г. команда КВН Одесского университета принародно выиграла финал на ЦТ. О Цэ было Тэ! После чего клуб получил приглашение Одесского театра-студии юмора и сатиры и благосклонно его принял. За исторически короткий срок были приготовлены две программы: «КВН раскрывает секреты» и «Заседание продолжается!..» Первая программа состояла из того, что было вырезано на ЦТ, а вторая — из того, что наверняка будет вырезано, если когда-нибудь туда попадет. И, как бы предчувствуя скорое заключение (беседы), хочу сказать, что Одесский театр-студию юмора и сатиры еще со времен застоя мы вели вместе с Георгием Голубенко и Леонидом Сущенко.

— Тогда вопрос: чем юмор эпохи застоя отличается от юмора периода перестройки? Тридцать секунд.

— Ответ готов: тогда шутили над следствием, теперь шутим над причиной.

— Ну что ж, заканчиваем разминку и переходим к процедурам — светским беседам с одесскими джентльменами.

— Небольшая поправка: поскольку темы бесед специфичны, я бы назвал их светско-советскими беседами с элементами эротики и марксистики.

— Вы знаете, мне кажется, мы к этим беседам не переходим, а уже их ведем.

— Вам виднее...

Брал Игорь ДВИНСКИЙ.
Давал Валерий ХАИТ

Евгений КАМИНСКИЙ,
Игорь МИНЯЙЛО,
Евгений ХАИТ

Помнится, вождь мирового пролетариата как-то обмолвился, что, мол, управлять государством может даже кухарка. Если говорить о государстве социалистическом, то, следуя логике вождя, по которой у него, как известно, была четверка, кухарке, видимо, под силу не только управление таким государством, но и его создание. Попробуем представить себе, как мог бы выглядеть в этом случае кухаркин рецепт...

РЕЦЕПТ СОЗДАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОДНОЙ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СТРАНЕ

«Кипит наш разум возмущенный...»
(Из поваренной книги)

Возьмите два-три холостых снаряда, одну шестую часть суши, полтора-два десятка обильно проспиртованных матросов, три источника и столько же составных частей марксизма, тщательно перемешайте все это и заварите кашу.

При этом не забудьте предварительно пропустить через мясорубку Временное правительство, затем отбить почту и телеграф и, главное, крепко замочить царя.

После чего необходимо сильно подогреть рабочих, хорошенько помариновать крестьянство и, самое главное, мелко нарубить интеллигенцию.

Затем следует аккуратно отделить церковь от государства, немножко помять духовенство и тоже мелко нарезать.

Далее рекомендуется осторожно взять кулака за заднюю часть, обвалять в муке, хорошенько выпотрошить и снова нарезать, причем тоже мелко.

Образовавшуюся массу разделите на пятнадцать неравных частей, и пусть себе горит на медленном огне.

Если не доводить до кипения, через семьдесят три года будет готово.

Впоследствии готовое блюдо не забудьте украсить хреном и редькой, выложенными в форме серпа и молота.

И последнее. Перед самой подачей не забудьте проверить: если по запаху вы почувствуете, что в результате у вас получилось какое-то повидло, значит, вы все сделали правильно. Поздравляем! Социалистическая революция, которую заварили большевики, свершилась!..

Анатолий КОНТУС,
Юрий СЫЧЕВ

НАВЕКИ В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

В траурном убранстве торговый зал Центрального гастронома. Нескончаемым потоком через зал идут рабочие, служащие, колхозники, студенты — все те, кто так любил его, хотя и никогда с ним не встречался. В почетном карауле застыли самые близкие ему люди: руководители города, работники торга, рядовые рубщики мяса. Под звуки траурных мелодий на трибуну поднимаются участники прощальной церемонии.

Организатор митинга. Товарищи! Наша страна и весь советский народ понесли очередную тяжелую утрату. Сегодня от нас навсегда уходит один из столпов мировой кулинарии, любимец партии и простого народа балык холодного копчения. Велика наша потеря, ведь он был так дорог для нас и с каждым годом становился все дороже. У меня нет слов, и поэтому я передаю слово человеку, у которого такие слова наверняка есть: ветерану труда, постоянному участнику подобных церемоний.

Ветеран. Друзья! Сейчас это кажется невероятным, но первый раз я увидел его давным-давно в обычной заводской столовой. Время шло, он стал надолго куда-то пропадать и появлялся только на ВДНХ. Многие приходили на него просто посмотреть, и от сознания, что он есть где-то рядом, на душе становилось теплей. И вот сегодня мы прощаемся с ним навсегда. Что говорить! Внутри какая-то пустота, и, глядя вокруг, я не представляю, чем ее можно заполнить.

Организатор митинга. Спасибо. Слово начальнику военизированной охраны.

Начальник военизированной охраны. Товарищи бойцы! Все мы, кто долгие годы охранял его, знаем, как порой нелегко было его вынести. Но многие выносили. Мы же, охранявшие его, справлялись с этим лучше других. И не хочется верить, что сегодня его понесут мимо нас в последний раз. В связи с этим приказываю: установить у нашей проходной бронзовый монумент «Бойцы военизированной охраны защищают балык от советского народа!».

Организатор митинга. А сейчас я хочу предоставить слово человеку, который виделся с ним чаще других, для которого эта утрата особенно тяжела... Слово — председателю нашего райисполкома.

Председатель райисполкома. Товарищи! Сегодня, как и всегда, мне особенно трудно говорить. Но я скажу. Да, с ним порой было нелегко, но все равно он всегда был в каждом из нас. Без него не обходился ни один прием — ведь каждый любил принять именно с ним. Последние годы он находился у руководства нашей страны, целиком и полностью принадлежал нашей партии. Предлагаю увековечить его память и назвать его именем колбасу докторскую.

Организатор митинга. На этом траурный митинг разрешите считать закрытым.

Митинг окончен. Траурная процессия медленно направляется к зданию горисполкома, где произойдет окончательное прощание народа со своим любимцем. 12 часов 30 минут. В траурной скорби замерла вся страна. Поднос с балыком навсегда исчезает в здании горисполкома. В эти же минуты аналогичные церемонии проводятся в столицах всех союзных республик и городах-героях.

Организатор митинга. Товарищи, минуточку! Напоминаю: завтра в 16.00 мы прощаемся с ветчиной. Просьба всем быть!

«Социалистическая революция в семнадцатом году, мне кажется, победила еще и потому, что ее штаб находился в Смольном — в институте благородных девиц.
— При чем здесь?!
— А при том, сэр, что если бы девицы были менее благородными, то революционно настроенные матросы пошли бы на штурм Смольного, а не Зимнего...»

«— Может ли джентльмен иметь две жены?
— Может. Но одна из них обязательно должна быть женой другого джентльмена...»

«Можно ли ударить рублем по доллару?
— Можно. Но не рассчитывайте, что доллар даст сдачи...»

«— Какая разница между топором и арбузом?
— Арбуз хорош, когда хочется чего-нибудь сладенького, а топор — когда остренького...»

КОНЦЕРН

Предприятие «ПРАГМА»
телефоны: 291-28-20, 203-22-06
телекс 414718 PRISE SU
телетайп 114763 ПРАЙС

устанавливает в течение 24 часов локальные сети; продает со склада в Москве: компьютеры, копировально-множительную технику, аппараты факсимильной связи, периферийные устройства, редакционно-издательские комплексы, дискеты. Гарантийное обслуживание — 3 года. Качество гарантируется!

Компания «ПРАГМА-ХОЛДИНГ»
телефон: 203-61-84
телекс 414718 PRISE SU
для корреспонденции:
129010, Москва, а/я 1915/10

размещает от имени предприятий и организаций их свободные средства в виде депозитов, паевых взносов и вкладов в коммерческих и кооперативных банках. Управляет по поручению и от имени клиентов денежными и иными средствами, активами и инвестициями на договорных условиях.

Малое предприятие «ИРИС-ИНФОРМАТИК»
телефоны:
362-27-43, 273-44-90
телетайп 114763 ПРАЙС

реализует со сроком поставки в 24 часа импортные компьютеры, копировально-множительную технику, аппараты факсимильной связи, периферийные устройства, дискеты.

Разрабатывает и устанавливает локальные сети. Создает и распространяет программное обеспечение, программно-технические комплексы. Гарантийное обслуживание — 3 года

Коммерческий магазин «СИНУС»
телефон: 465-39-86

продает оптом и в розницу организациям и частным лицам телевизоры, видеомагнитофоны, видеокамеры, аудиотехнику, одежду, обувь, телефоны и другие импортные товары народного потребления. Осуществляет комиссионную торговлю за наличный и безналичный расчет для граждан и организаций, ведет торговлю по предварительным заказам.

Комиссионный магазин «ИНОВА»
телефон 120-72-98
телетайп 114763 ПРАЙС

принимает на комиссию от граждан и организаций импортные товары народного потребления, в том числе телевизоры, видеомагнитофоны, видеокамеры, аудиотехнику, телефоны и т. д. Продает организациям и частным лицам за наличный и безналичный расчет комиссионные товары. Принимает предварительные заказы. Ведет торговлю по каталогам.

5.25" дискеты для персональных компьютеров емкостью 360 килобайт (48 TPI) производства фирмы ATLAS (США)

редакционно-издательские комплексы в составе:

1. PC/AT 286-16; сопроцессор 80287; ОЗУ 2 Мб; винчестер 80 Мб; дисководы 5,25" 1,2 Мб; 3,5" е 1,44 Мб; карта VGA; монитор VGA вертикальный монохромный 1200 на 900 формата А4; карта последовательного и параллельных портов; клавиатура 101 клавиша, русифицированная «Мышь» трехкнопочная
2. Лазерный принтер HP LaserJet III plus
3. Сканер HP ScanJet plus, интерфейсная карта, программное обеспечение
4. Копировальный аппарат CANON NP 1520
5. Программное обеспечение: «Вентура ПАБЛИШЕР 2.0»— программа верстки и компоновки текстов; русифицированная версия, лицензия.
6. Комплект расходных материалов, бесплатно поставляется обучаемая программа автоматического распознавания русскоязычных текстов, персональные компьютеры типа PC/AT 286 производства фирмы «TAKT-PROCESSOR» (США) со следующей конфигурацией:

Процессор 80286 Landmark v. 0.99 16 Мгц.
Сопроцессор 80287
Оперативная память 1 Мб.
НМД типа «винчестер» 40 Мб
НГМД 5,25 дюйма 1,2 Мб
НГМД 3,5 дюйма 1,44 Мб
Монитор цветной 14 дюймов типа VGA.
Адаптер VGA.
Адаптер двух последовательных и одного параллельного портов.
Клавиатура 101-клавишная русифицированная
Манипулятор «Мышь» трехкнопочный.
Принтер девятиигольчатый, широкий Star NX-1500 с русифицированным ПЗУ
Программные средства: Операционная система MS-DOS 3.3, драйверы-русификаторы, комплекс программ АРМ БУХГАЛТЕРА и другие программные продукты по выбору.

Локальные сети:

— поставка сетевых адаптеров, кабелей, монтаж и ввод в эксплуатацию локальных сетей с использованием компьютеров заказчика
— поставка «под ключ» локальных сетей: сервер AT 386 с винчестером от 120 до 400 Мб со встроенным стриммером 60 Мб, рабочие станции типа PC/AT 286 или PC/XT, сетевые адаптеры Ethernet, сетевое программное обеспечение, поставка комплекта из одного сервера и от 2 до 50 рабочих мест, включая монтаж и инсталляцию программного обеспечения сети — 48 часов с момента оплаты.
— адаптация используемых вами программных продуктов для работы в сетях, разработка прикладных информационных систем в сетевых версиях с использованием сетевых версий DBase, Clipper, Clarion, FoxBase.

● Телефаксы типа "MURATA M-5"
● Копировальные аппараты CANON FC-2, FC-5, 1520.
● Телефоны "Panasonic" различных модификаций

PRAGMA

1 руб. Индекс 70663

ТОЛЬКО МЫ ГАРАНТИРУЕМ ВАМ ПОЛНУЮ КОМПЕНСАЦИЮ НАЛОГА НА ИМПОРТ!